

Вадим Бондаренко

ЦИВІЛІЗАЦІЯ 2.0

ВИБОР ПУТІ

Книга 1

Каменный век... Мы привыкли свысока смотреть на людей, живших в это тяжёлое и жестокое время. Привыкли считать себя вершиной эволюции, единственным видом на Земле, заслуживающим право гордо называться "человек разумный".

А что случится с цивилизацией, если история пойдет по другому пути, и кроманьонцы не смогут выйти из Африки на просторы Европы и Азии?

Сознание нашего современника переносится на десятки тысяч лет в прошлое, в тело неандертальского подростка. Первоначальное желание просто выжить вскоре перерастает в другое — сохранить этот вид людей от вымирания. И Дим начинает действовать...

Глава 1. Новая жизнь

*Новая жизнь
разбежалась весенним ручьем,
новая жизнь
разлилась по ларькам, по вокзалам.*

Новая жизнь
посидим, помолчим ни о чем,
новая жизнь
никогда не дается даром.

Группа "ДДТ", "Новая жизнь"

Темнота... Только звон в ушах пульсирует в такт ударам сердца... Что со мной?

С хрипом вдыхаю, чувствуя резкую боль в горящих огнем легких. Ещё раз, втягивая в себя отвратительную смесь запахов трупного разложения, дерьма и пота... Очередной вдох, и тело дёргается, пытаюсь согнуться в приступе кашля. Боль вспыхивает с новой силой, и сознание, сжалившись, покидает меня.

Не знаю, сколько прошло времени с той неудачной попытки очнуться, минута, час или неделя. Второй раз из темноты меня вывел звук. Тихий, повторяющийся раз за разом. Скулеж... нет, скорее плач. Детский плач. Сознание ухватилась за него, словно за маяк. Там ребенок, и ему плохо...

Встать! Нет, не буду ставить сразу настолько глобальную цель. Открыть глаза, это сделать легче. Веки с трудом разлипаются, разрывая сковывающую их корку. Темно... Проступившие слезы слегка успокаивают жжение, и несколько раз моргнув, я смог различить тусклый серый свет. Источник где-то сзади. И звук доносится оттуда же. Прямо передо мной каменная поверхность стены. Я лежу на земле, уткнувшись в мерзко воняющие, пропитанные потом и ещё черт знает чем, шкуры. Шкуры? Да, и, похоже настоящие. мех явно не искусственный, частью вылез, обнажая грубую кожу, частью сваялся.

Теперь повернуться на другой бок. И снова приступ кашля болью раздирает лёгкие... Когда в голове прояснилось, вижу результат своих усилий — теперь я лежу на правом боку и могу осмотреться. Большое помещение, стены не обработаны. Пещера? Похоже на то... Я лежу на каменном выступе в небольшой нише в груди мокрых шкур, на высоте около полуметра над полом. Отсюда хорошо видно обширный, метров двадцать в диаметре, зал. Уступ тянется вдоль всех стен, над ним видны темные провалы. Входы в пещеры? Нет, скорее такие же грубо вырубленные в камне ниши, как и моя. На противоположной стороне смутно различимый силуэт человека, раскинувшего руки и свисающего к полу пещеры. Он не шевелится... Вряд ли живой сможет так лежать.

Перевожу взгляд ниже, выхватывая из полумрака новые детали. Огромная куча золы в центре. Вокруг нее вбиты колья, смутно различимые горы ветоши, и снова несколько неподвижных тел.

С трудом поворачиваю голову в сторону источника света. Там выход, и на фоне серого неба я наконец то смог различить источник звука, удерживающего меня в сознании. Девчонка, лет двенадцати на вид, обхватив ноги руками и уткнувшись носом в колени, тихо всхлипывала. Худая, под вымазанной сажей белой кожей проступают ребра. Из одежды — только изрядно потрепанная неказистая юбка с практически вытертым мехом. Длинные

светлые волосы скрывают лицо, спина вздрагивает, то ли от порывов холодного ветра, задувающего в пещеру, то ли от горя, свалившегося на нее.

Так, нужно встать. Руки и ноги ощущаются плохо, словно чужие, мышцы ноют, как будто только что разгрузил фуру с мешками... Не спеша, стиснув зубы, чтобы не сбить дыхание на очередной приступ кашля, опираюсь на руку, и выпрямляюсь. Голова кружится, но я смог сесть. Теперь кругозор расширился, да и слезящиеся глаза немного привыкли к скудному освещению. Я смотрю на вытянутые ноги, обмотанную вокруг пояса шкуру, впалый живот, выпирающие под кожей жгуты мышц... и не узнаю свое тело. В голове ещё не рассеялся туман, но это точно не я. Не тот я, каким себя помню.

В этом молодом, больном и сильно исхудавшем подростке нет ничего общего с взрослым сорокалетним мужиком, каким себя помнил. На глаза свалилась прядь слипшихся мокрых от пота волос. Светлая... а я точно помню, что был брюнетом, и волосы никогда не красил. Медленно поднимаю руку, и смахиваю прядь со лба. Под ладонью чувствуются жёсткие брови, как то они сильно выступают... Воспаление? Ладонь привычно и непривычно одновременно меняет угол, и я провожу по горячему, мокрому от пота лбу. Плохо дело, болезнь явно не хочет сдаваться...

Ставшие уже привычными всхлипывания внезапно прекратились. Девчонка подняла голову и всмотрелась в темноту пещеры, явно услышав шорох от моих движений. Я опустил руку, опираясь о стену, и она тут же это заметила.

— Эн-ха? — голос звонкий, тут же сорвавшийся на кашель.

— Живой я... — пробую ответить, и из губ срывается едва различимый шепот.

Не думаю, что меня услышали, или, тем более, поняли. Пальцы крепче ухватывают выступ на стене, ноги упираются в пол. Держаться!.. Звон в ушах, в глазах темнеет. Я, пошатываясь, стою у стены. Шаг... мир вокруг покачивается, но не исчезает в темноте. Ещё шаг. Рука шарит по камням, пальцы цепляются за выступы и трещины. Ещё шаг... Порыв сквозняка разгоняет тяжёлый запах склепа, и чистый прохладный воздух наполняет горящие лёгкие. Как же хорошо...

Шаг, другой, третий, прочь отсюда, на свет, к солнцу! Зрение проясняется, выход уже рядом. Ещё шаг и я сползаю спиной по стене, с наслаждением подставляя лицо ветру. В сплошной череде затянувших пол неба облаков проглянуло солнце, и теплые лучи заставили зажмуриться...

Прошло, наверное, с полчаса, дыхание выровнялось, стало легче. Словно этот совсем небольшой переход заставил организм мобилизовать остатки сил на борьбу с болезнью. Наблюдая сквозь закрытые веки за игрой света и тени, я чувствовал, как кровь разгоняется по венам, вызывая покалывания в ноющих мышцах. Кашель периодически возвращался, но с каждым разом дышать становилось все свободнее. Воздух прогрелся, и теперь теплый ветер быстро высушивал спутанные волосы. Хорошо...

— Эн-ха, амг. Амг!

Что то прикоснулись к плечу и я открыл глаза. Девчонка отдернула руку, а другую протянула мне. На узкой ладошке лежал небольшой красноватый плод, круглый, наполовину покрытый зелёной плесенью, и две такие же мелкие, сморщенные груши. Амг — еда? Похоже на то...

Я перевел взгляд на девчонку. Правильный овал лица, подсохшие дорожки от слез на грязноватой коже, удивительно яркие голубые глаза... Красивое лицо. Или нет? Чувство несоответствия нарастало. Тонкие светлые брови, слегка выступающие вперёд, гладкий,

округлый подбородок, широкая переносица. Где я мог видеть такое лицо? Память услужливо выдала иллюстрацию учебника по истории древнего мира, и вслед за тем — реконструкцию ископаемых черепов людей, живших в Европе тысячи лет назад. Я вздрогнул. Передо мной, пристально вглядываясь мне в глаза сидела самая настоящая жительница каменного века. Неандерталка...

Мне в ладонь упали плоды, и тонкие, удивительно сильные пальцы сжали ее.

— Амг.

Да, еда. Чтобы выжить и выздороветь, нужны силы и энергия. Нужна еда.

— Спасибо.

Девчонка повела плечом, явно не понимая. Указала на плоды, затем открыла рот и сделала жевательной движение.

— Да понял я... — слова складывались с трудом, губы кривились, язык заплетался.

Отправив груши в рот, разжевываю терпкую и кислую мякоть, осматриваюсь. Выход из пещеры был на склоне каменистого холма, поросшего редкими деревьями. Внизу они росли гуще, но вскоре исчезали, уступив полосе зелёного луга. Неширокая река, с поросшими кустарником и камышом берегами, тихо несла свои воды параллельно гряде холмов, а за ней, до самого горизонта простиралась степь. Настоящее зелёное море из трав, по которому ветер гнал волны. Вдалеке, плохо различимые, перемещались десятки темных точек. Стада животных?..

Да, от жареного мяса было бы гораздо больше толку, чем от фруктов. Я покрутил в руках подгнивший плод, по запаху узнавая в нем цитрусовое растение. Похоже, мы в южных широтах, или до ледникового периода ещё далеко ...

Итак, первая задача — пропитание. Охота в моем состоянии невозможна, слишком слабое это тело. Взгляд снова остановился на реке. Удочку бы сейчас...

Мозг лихорадочно перебирал варианты. Кустарник на берегу выглядел знакомо, и, если я не ошибся, можно попробовать сделать ловушки для рыбы. День только начался, солнце поднималось все выше, сплести несколько вершей — дело не хитрое. Вот только смогу ли я туда дойти?

Прислушался к себе. Время, проведенное на свежем воздухе, явно пошло мне на пользу. Головокружение окончательно отступило, жар спал, и даже желудок, явно не довольный столь скромной трапезой, давал о себе знать голодным урчанием. Нужно вставать.

На этот раз я встал сам, не опираясь о стену. Постоял, привыкая. И, кивнув девчонке, стал медленно спускаться к реке. Идти было непривычно, центр тяжести тела явно отличался от привычного. Дважды пришлось останавливаться, обхватив рукой стволы деревьев, и отдыхая, но, в целом я всего за полчаса добрался до берега реки. И, разглядывая гибкие ветви с узкими серебристыми листьями, радостно улыбнулся. Я не ошибся, передо мной была ива.

Сломал первую ветку и протянул ее через сжатый кулак, очищая от листьев. Отбросил в сторону, потянулся за следующей. Краем глаза увидел, как моя спутница, с недоумением смотревшая на все это, развернулась, и пошла наверх, к пещере. Похоже, этот способ ловли рыбы тут не знаком ... Продолжим, до вечера нужно много успеть.

— Эн-ха, орб! — за спиной раздался знакомый голос, и я обернулся.

Девчонка протягивала мне широкую каменную пластину, с острыми, покрытыми мелкими сколами, краями. Взяв в руки этот "орб", я покрутил его в руках, и он как то привычно лег в ладонь широкой частью. Мышечная память? Я ведь точно никогда в жизни

не пользовался каменным рубилом...

С инструментом дело пошло быстрее, и вскоре охапка веток на берегу значительно увеличилась. Девчонка, понаблюдав, как я убираю листья, стала повторять мои действия. Она очень быстро учится...

Оставив ей оставшиеся ветки, сел за плетение вершей. Три широких бочонка, три конусных горла — крышки, длинные прутья вместо веревок. Когда работа была закончена, солнце начало клониться к горизонту. Эх, привады бы какой... Рыбы в реке было много, круги и всплески раздавались со всех сторон. Я поддел пласт черной, слежавшейся массы из опавших листьев и травы и корней на берегу. Есть! Множество червей извивались, стремясь снова скрыться под листьями. То, что надо! Срезав три таких куска дерна, я уложил их на дно корзины, закрепил крышки и, осторожно ступая по топкому дну, отнес их на несколько метров от берега.

Внезапно тихий солнечный вечер разорвал громкий звук, доносящийся из-за реки. Девчонка вздрогнула, испугано озираясь, а я стал быстро выбираться на берег. Нужно идти в пещеру, волчий вой, пока далёкий, не предвещал всем слабым жителям этого мира ничего хорошего...

На берегу было много упавших сухих веток, да и по дороге наверх удалось насобирать хорошую охапку. С приходом темноты болезнь снова попыталась перейти в наступление, меня бросало в жар, ноги стали заплетаться. Из последних сил дотащил дрова до входа и, сбросив свою ношу на пол, присел, прислонившись спиной к ещё хранящей солнечное тепло скале. Моя спутница держалась намного лучше, притащив охапку дров даже больше моей.

— Эн-ха, гэл. Гэл шша вуу, — она указала рукой во мрак пещеры.

Возвращаться в склеп, полный мертвецов, не хотелось, но и оставаться ночью без укрытия в мире, где цивилизация ещё не успела уничтожить всех хищников, было глупо. Подумав секунду, я выбрал компромисс — короткий коридор от входа до большого зала отлично подойдёт для ночёвки. Главное — зажечь костер, отгородившись ним от ночной темноты и скрывающихся в ней опасностей.

Огонь... Собирая дрова, таща их по склону вверх, я думал, как его разжечь. Для начала проверим самое простое решение, ведь ни добывать огонь трением, ни высекать искры я не умел.

Вдохнув побольше чистого воздуха, иду в темноту пещеры. Странно, но я видел в темноте, пусть плохо, контуры предметов не четкие, но и этого за собой раньше не помнил. Через десяток метров ноги проваливаются в мягкую золу. Осторожно передвигаю ступню, и пальцы чувствуют тепло. Ещё шаг, и ступня отдергивается от жара, а в темноте тускло зажигаются красным светом разворошенные угли. Чихая и кашляя от поднятой пыли, сгребаю это сокровище на широкий плоский камень, подобранный у входа, и бреду назад. Широко улыбаясь, показываю спутнице находку.

— Огонь!

— Гэл! — она тоже улыбается, и склоняется над грудой сухих веток, выхватывая тонкие палочки.

Раздуть тлеющие угли оказалось не таким простым делом. Через пару выдохов меня скрутил приступ кашля, пришлось переждать. Вторая попытка была успешнее — нет, кашель снова не дал довести дело до конца, но наблюдающая за мной девчонка упала рядом на колени и стала раздувать все ярче светящиеся угли. Наконец, вспыхнули первые ветки, к своду пещеры потянулся лёгкий дымок, тут же подхваченный сквозняком. Отдышавшись, я

подкидываю дрова в разгорающейся огонь, и, с наслаждением вытягиваюсь рядом. Веки сами закрываются, и уже сквозь дремоту я чувствую, как на меня падает охапка пахнущего солнцем и степью разнотравья. Перекатываюсь на эту перину, подставляя спину теплу, и, наконец, как награда за этот долгий день, приходит сон...

Проснулся я затемно. Костер ещё горел, рядом, свернувшись в клубочек, словно котенок, тихо сопела носом девчонка. Я несколько раз вдохнул ночной прохладный воздух, прислушиваясь. Лёгкие ещё болели, но хрипы пропали. Да и жара нет... Иду на поправку? Хотелось бы, здесь нет больниц, врачей и лекарств, помощи не будет.

Встал, голова не кружится. Уже хорошо... Несколько наклонов и приседаний, чтобы разогреть мышцы. Дыхание сбилось, выступил пот... но это нормально, просто тело слишком ослабело. Болезнь, уничтожившая обитавшее здесь племя, убивала быстро, но, не справившись с первого раза, так же быстро отступала.

Сажусь у огня, и внимательно рассматриваю спящую соседку. Да, я не ошибся — это совсем другая ветвь людей. В той, прошлой жизни, антропологи так и не пришли к единому мнению, почему они исчезли. Толерантная Европа отрицала причастность к этому кроманьонцев, десятками и сотнями движущихся из Африки. Но всего за две тысячи лет после их появления, неандертальцы исчезли. Просуществовав четверть миллиона лет, пережив несколько ледниковых периодов, научившись выживать в суровых условиях, они проиграли. И вымерли... Вот эта маленькая женщина, не имеет будущего. Или её дети и внуки. Или я...

Ладонь помимо воли снова потянулась к лицу, и я провел пальцами по выпуклым надбровным дугам. Странное ощущение... За этот день я словно привыкал к этому телу, мышечная память возвращалась, часто идя в разрез с привычными из прошлой жизни движениями.

Прошлой жизни... я ведь помнил, что умер. Нельзя выжить, когда рядом с закладывающим уши воем падает снаряд. Вспышка, оглушительный грохот, и темнота стали закономерный итогом необдуманной попытки вырваться из раздираемой войной страны...

За спиной, во мраке пещеры, что-то с глухим ударом упало. Я вскочил на ноги, вглядываясь в тускло освещенный зал с мертвецами. Крысы? Хорьки? Или кто то опаснее?

Девчонка моментально проснулась. Она с минуту прислушивалась, а затем решительно вытянула руку, указывая в дальний угол. Идти туда?

Я подхватил горящую палку из костра, и стараясь не вдыхать тяжёлый запах, пошел вглубь зала. Слева в стене высветилось одна ниша, другая... В третьей на ворохе шкур лежал мертвый старик. Палка зачатила, огонь замерцал, собираясь погаснуть.

Четвертая ниша тоже не была пустой. У входа лежала женщина. Возраст сложно определить, но вряд ли она была слишком старой. Глаза закрыты. Не дышит... Внезапно одна из шкур пошевелилась, и из под нее показалась детская рука. Маленькие пальцы пытались стянуть тяжёлую шкуру, но это не получалось.

Я нагнулся, потянул за мокрый вонючий мех, оттаскивая его в сторону. На меня смотрели дети. Двое детей четырех-шести лет от роду. Голые, худые, как узники Освенцима, на грязных лицах потёки от слез.

Факел погас, но свет не пропал. За моей спиной стояла маленькая неандерталка, сжимая в руках ярко пылающую ветку.

— Эн — и!

Дети поползли к ней, один мальчик попытался встать на ноги, но снова упал на

четвереньки. Слабые... Я подхватил его на руки, вес совсем не чувствовался. Отнес к костру, вернулся за другим. Жестом указав спутнице на детей, взял у нее горящую ветку и пошел дальше, осматривая темные провалы ниш в стенах пещеры.

Всего я нашёл ещё четырнадцать взрослых, мертвых. И восьмерых живых детей. Четверо девочек, от трёх до пяти лет, двое мальчиков лет восьми, и ещё двое парней постарше, лет двенадцати, оба без сознания. Дышат тяжело, хрипло, тела блестят от выступившего пота. Борются за жизнь, не сдаются...

Я переносил детей к костру, стараясь не поддаваться нарастающей панике. Как сохранить эти угасающие жизни? В древнем мире детей поддерживали родители и все племя, род. В этой пещере как раз и жило такое племя — крупное и достаточно сильное, но болезнь убила всех взрослых людей. Без них дети были обречены на голодную смерть...

Небо стало светлеть, и я осторожно протиснувшись между стеной и догорающий костром, выглянул наружу. Река и степь были скрыты туманом, далеко на востоке красной полосой занимался рассвет.

Если сегодня не добыть еду, мы, все, кто выжил, умрем. Даже сейчас я с трудом верил, что истощенный болезнью и длительной голодовкой организм, может не только двигаться, но и выполнять довольно тяжёлую работу. Похоже, неандертальцы были гораздо выносливее своих родственников-кроманьонцев и тем более их далёких потомков.

Дождавшись, когда диск солнца показался над горизонтом, стал спускаться к реке. Туман поглощал звуки, едва заметная тропинка вилась между редкими деревьями и камнями на осыпи. Я безошибочно вышел к тому месту, где стояли верши. И, поежившись от утренней сырости, потянул ловушки на берег.

В первой было пусто, но вторая и третья были тяжёлыми и ощутимо дергались. И они не разочаровали — в одной было четыре крупные плотвы, каждая с полкило весом, и один упитанный рак, а в другой... Там была всего одна рыба, но какая! Щука около трёх килограмм едва уместилась в ловушке, и теперь отчаянно билась на берегу. Оглушив рыбу ударами камня, протянул через жабры гибкий прут, связав всю добычу. Затем, подобрал пяток палочек потолще, поспешил к пещере.

Когда я выложил перед уже проснувшейся девчонкой слабо трепыхающуюся рыбу, она радостно завизжала и бросилась мне на шею, обнимать. Совсем как ее сверстницы в той, прошлой жизни...

Найденные вчера дети спали, зарывшись в охапки травы у костра. Поискал было взглядом вчерашний инструмент, так выручивший меня при заготовке лозы. Но я явно недооценил сноровку девочки каменного века. Она исчезла в темноте пещеры, пару раз там что то стукнуло, упало, и вот она уже снова рядом с каменным ножом в руке. Этот инструмент явно отличался от "орба" — узкая пластина кремня, с острой гранью, покрытой десятками мелких сколов. Не говоря ни слова, она подхватила первую рыбу, и, немного отойдя от входа в пещеру, ловкими движениями выпотрошили ее. Вернулась, протянула мне тушку, и взяла следующую. Это вам не изнеженные детишки компьютерного века...

Я нанизал добычу на принесённый прут, расправил, чтобы лучше прожарились, и воткнул под углом над почти угасшим костром. Вскоре к первой присоединились остальные, и над костром потянулся изумительно вкусный запах жареной рыбы.

Конечно, никаких специй и соли не было. Сочное сероватое мясо таяло во рту, и вскоре щука была съедена полностью. Девчонка растормошила спящих детей, и вручила им по куску. Мелким было лучше, они, хоть и кашляли без конца, но уже активно двигались и с

удовольствием набросились на еду. А вот старшие мальчики так и не очнулись. Их кожа приобрела желтоватый, восковой оттенок, дыхание стало прерывистым. Я оттянул одному веку — белки глаз красные, отекшие. Что же это за болезнь? Судя по симптомам, какая то разновидность пневмонии, поражающая в основном старшее поколение. Старики и взрослые умерли несколько дней назад, и в глубине пещеры скапливался тяжёлый трупный запах. Дети перенесли болезнь легче, и уже шли на поправку. Подростки... Я едва не умер. Двое старших мальчиков на грани. Но ведь девчонка, которую я увидел первой, старше их. И она практически оправилась, даже кашель пропал. Что могло ей помочь? Пол? Не думаю, тогда бы взрослые женщины племени продержались дольше. Лекарства? Смешно... До изобретения антибиотиков ещё тысячи лет. Внезапно я ухватился за ускользающую мысль. Антибиотики ... Плесень, из которой их получают. Лежащий на маленькой ладони полусгнивший фрукт, с цитрусовым запахом. Пенициллин! Логическая цепочка замкнулась.

Я жестом указал своей спутнице на так и лежащий у стены вчерашний фрукт, затем открыл рот и сделал жевательное движение. Снова указал на фрукт. Поймет?

В голубых глазах мелькнуло понимание, и она исчезла в глубине пещеры. Вернулась, прижимая к себе грудку таких же, заплесневевших плодов. Высыпав их передо мной, она вопросительно подняла брови, ожидая, что я буду их есть.

— Не для еды...

Я прошел в центр пещеры, и, косясь на лежащие вокруг кучи золы тела, стал искать любую тару. Глиняных изделий не было. Совсем. Но я нашел несколько мешков из кожи, в которые, похоже, раньше набирали воду. Да, до стерильности тут далеко...

Подобрав у входа несколько камней, я забросил их в горячие угли, и, подумав, отправил туда же оставшиеся дрова. Огонь вновь весело затрещал, а я поспешил к реке. Тщательно вымыв кожаный мешок, наполнил его водой. Напился сам, и, не выдержав, быстро окунулся в холодную воду, смывая с тела грязь. Зачерпнул пригоршню песка, и словно наждаком, растирал кожу. Мутное облако потянулось вниз по течению... К пещере я поднимался быстрым шагом, периодически переходя на бег. И согрелся, и новую проверку организму устроил. Тот держался, лишь изредка напоминая о перенесенной болезни болью в лёгких.

Теперь главное — вручив мешок с водой старшей девчонке, я изогнул гибкую палку на манер щипцов и выхватил разогретый камень из костра. С шипением он исчез в воде, за ним последовали остальные. Вода ощутимо нагрелась, от нее пошел пар. Нужно повторить это снова ... До кипения воду я все же довел, и, затащив полоской кожи, поставил остывать.

Настала очередь подгнивших цитрусов, для себя назвал их апельсинами. На вкус остатки сохранившейся мякоти были кислыми, но я с удовольствием разжевал несколько долек. Я соскребал толстый слой плотной зелёной плесени на плоский камень. Неаппетитная горка быстро росла, и очистив последний фрукт, я удовлетворённо кивнул. Надеюсь, это поможет, и концентрации пенициллина хватит, чтобы помочь крепким неандертальским организмам победить болезнь.

Вскоре вода остыла, и, высыпав результаты своих трудов в воду, я с сомнением рассматривал мутную жидкость. Ладно, пусть немного постоит...

Все это время за мной внимательно следили множество глаз. И если младшие дети быстро потеряли интерес, то старшая девчонка явно пыталась понять происходящее. Смешно сморщив лоб, она указала на раствор, потом на меня:

— Эн-ой?

Понять бы ещё, что это значит... Имя? Нужно попробовать поговорить. Я указал на

себя, и четко произнес:

— Дима

Теперь указал на нее. Тишина, синие глаза смотрят на меня вопросительно. Повторяю свое имя, жду. Наконец она что-то решила, и, указала на меня:

— Эн — ой Дим — а, затем указала на себя

— Эн-на Эри — Ка.

Теперь задумался уже я. Эн — скорее всего "человек". Эн — ой... пока не ясно. Эн-ха... будем считать, что это "человек — мужчина". Тогда Эн — на значит "человек — женщина". И последнее Эри — Ка — это ее имя.

Я улыбнулся, и прикоснулся рукой к ее плечу.

— Эрика! Прозвучало слитно, и совсем привычно, словно это имя пришло из прошлой жизни.

Она тоже заулыбалась. Значит, знакомство состоялось, и языковой барьер, хоть и не упал, но покрылся первыми трещинами взаимопонимания.

— Эрика, идём!

Я приглашающе махнул рукой, и пошел к реке. Нужно больше вершей, иначе всех не прокормить. Девчонка, уловив смысл фразы, через минуту догнала меня. По дороге она указала мне на деревья, под которыми валялись опавшие плоды. Вот откуда она брала фрукты...

Сегодня работа шла быстрее, и до вечера ещё семь ловушек были готовы. Добычи было меньше, из трёх затопленных вершей полной была только одна. Три крупные плотвы и пара окуней будут нашим ужином.

Когда мы сбросили охапки дров на пол пещеры, и стали раздувать огонь, дети окружили нас и радостно указывали на рыбу... Голодные, но кашляют меньше. Оставив Эрику заниматься кулинарией, я развязал мешок с раствором плесени. Куском коры как мог, собрал зелёную массу. Фильтровать или хоть немного очистить раствор нет никакой возможности... это плохо, в нем же куча токсинов. Как бы они не убили пациентов быстрее болезни. Да и пенициллин частично разрушится в желудке...

Я выдохнул. Все равно выбора нет — старшие мальчики угасали. Разжимаю челюсти первому и осторожно, чтобы он не захлебнулся, вливаю половину раствора. Ребенок кашляет и слабо дёргается, пытаюсь отвернуть голову. Теперь напоить второго. Все, остаётся только ждать...

Пока на костре жарилась рыба, приготовил новую порцию раствора. Дети, мое маленькое племя, иногда переговаривались отрывистыми фразами и словами, но понять хоть что-то было невозможно.

— Дим, ры-ба, — Эрика протягивала мне запеченного окуня.

— Спасибо! — улыбаюсь и киваю девчонке.

Запомнила же вчерашнее слово... Решено, буду обучать ее русскому языку!

За вечер Эрика запомнила пару десятков слов. Простейшие предметы, вода, огонь, камень, дерево, живое, мертвое... Она с удовольствием повторяла новые слова, произнося их все лучше и лучше. Мелкие дети тоже прислушивались, и иногда пытались повторить. Разгоревшийся костер освещал детские лица, с них ушла вчерашняя бледность, появились первые улыбки и смех. Они снова обрели надежду выжить...

Спали, как и вчера, возле костра. Завтра нужно похоронить всех взрослых, и навести порядок в пещере. Сквозняк уже не справлялся с накатывающихся из глубины склепа

запахами. Да и опасно столько времени тянуть, как бы новая эпидемия не вспыхнула...

Дважды за ночь я просыпался, подбрасывал дрова в огонь, и проверял состояние своих пациентов. Пока живы...

Третий день в этом мире, в этом времени... Я полностью оправился от болезни, силы стремительно возвращались в молодое, привычное к огромным нагрузкам, по меркам далёкого цивилизованного будущего, тело. Эрика на вид так же была здорова. Дети ещё покашливали, но выглядели намного лучше, уже не напоминая свои бледные копии, что я вытащил из под шкур два дня назад. Даже старшие мальчишки дышали спокойнее. Неужели действует пенициллин? Дай бог...

Съев кусок жаренной рыбы, оставшийся с вечера, я спустился по склону, и прошел сначала в одну сторону, потом в другую. Я искал расселину, яму — все таки похоронить шестнадцать взрослых людей физически тяжело. Да и копать яму нечем...

Подходящая яма нашлась шагах в двухстах. Вода, стекающая с холма, размыла склон, затем ушла в реку, оставив после себя небольшой котлован метра три в диаметре. Ну, за работу, чем быстрее я справлюсь с этим, тем лучше.

Перетаскивать трупы из пещеры было трудно, мужчины погибшего племени весили до ста килограмм, и все это были мышцы, почти без жира. Женщины и старики были полегче, но тоже весили немало. Тела заоченели, навсегда застыв в тех позах, в которых их застала смерть. Но я справился... Даже сейчас, будучи подростком — неандертальцем, я был намного сильнее себя прошлого.

На дно котлована положили все старые шкуры. На них легли тела погибших людей. Эрика насобираала охапки полевых цветов, и всхлипывая, усыпала ими могилу. Дети собравшиеся тут же, притихли, наблюдая за нами. Постояв немного у края ямы, я подобрал лежащее неподалеку бревно, и решительно ударил по нависающему склону холма. Глинистая почва стала осыпаться, с каждым ударом все сильнее. Наконец весь нависающий над котлованом карниз обрушился вниз, широким языком оползня засыпав могилу. Осталось подравнять миниатюрный курган, и вытащить на его вершину крупный валун. На нем я выбил простой, почти детский рисунок — кружок и восемь волнистых линий, расходящихся от него. Стоящая рядом Эрика вытерла мокрое от слез лицо, несмело улыбнулась, и указала рукой в небо. Киваю в ответ:

— Да, им теперь тоже светит Солнце!..

Я обнял девчонку за плечи. Очередная страница ее жизни закончилась. Ее, обступивших курган детей, да и моей жизни тоже. Мы остались одни против всего этого мира. Впереди полная неизвестность — хищники, голод, не такая и далёкая зима, чужие племена. Где-то там, на юге орды черных диких кроманьонцев год за годом идут на север Африки, и дальше, через Турцию и Ближний Восток в Европу и Азию, захватывая жизненное пространство. Чтс мы можем этому противопоставить?

На нашей стороне молодость, оставшаяся в наследство пещера погибшего племени со всем неказистым, но оттого не менее ценным имуществом. Копья, увесистые дубины, дротики охотников. Несколько крепких кожаных мешков, шкуры убитых раньше крупных зверей. Примитивные инструменты — каменные рубила, сверла, скребки. Маленькие свертки с непонятными порошками. И, главное — пока я жив, все мои знания из далёкого двадцать первого века. Неполные, в большинстве своем отрывистые и поверхностные. Но здесь и сейчас они бесценны, словно откровения богов. Я хочу выжить сам, хочу сберечь этих людей от вымирания. Мы справимся!

Солнце клонилось к закату, но я ещё успел вытянуть из пещеры все оставшиеся шкуры, и оттащить их к реке, оставив отмокать от грязи и мусора.

Верши исправно поставляли рыбу, а когда я стал класть как приманку потроха пойманной ранее добычи, стали ловится крупные раки. Эрика потащила тяжёлую связку с уловом наверх, а я привычно занялся сбором дров.

Поднимаясь по склону, заметил у входа своих пациентов. Двое подростков, шатаясь и держась друг за друга, согнувшись, исчезли в кустах. Хреново им, аж позеленели... подтверждая эту мысль, донеслись характерные звуки. Ударные дозы токсинов, которые вместе с жалкими крохами лекарства попали в их организмы, выводились всеми возможными способами. Но ведь они очнулись, и даже смогли встать на ноги! Пенициллин смог стать той соломинкой, что перевесила в их борьбе с болезнью. Я счастливо улыбнулся очередной, пусть маленькой, но победе...

Пещера успела проветриться, дети сгребали золу в центральном зале, приспособив для этого кусок старой кожи. Вскоре эти удивительно сильные для своего возраста малыши потащили ее наружу.

Эрика закончила чистить рыбу и возилась у костра, раздувая огонь. Да, тоже понимает, что огонь защищает проход в пещеру, не стала переносить его на привычное место, где он горел десятки, если не сотни лет подряд.

Вернулись двое старших мальчишек. Я скептически осмотрел их, затем взяв один из заплечных мешков с водой, повел к выходу. Не скажу, что прохладный душ им понравился, но они не сопротивлялись. Младшие вернулись, и теперь вместе с Эрикой усердно рвали траву, таская ее к костру. Ещё около часа я выгребал мусор с пола пещеры, и высыпал его наружу.

Наконец, когда окончательно стемнело, вернулся к своему племени. Все сидели у огня, рыба на прутьях дожарилась, но ее никто не ел. Дети с нетерпением ждали меня — похоже, теперь статус вождя и главного охотника прочно закрепился за Димом...

Быстро раздав еду всем желающим — сегодня даже бледные, шатающиеся от слабости старшие мальчишки не отказались — я попробовал с помощью Эрики познакомиться со всеми.

Эта задумка удалась лишь отчасти — старших мальчишек звали Тор и Тур, а вот остальные ещё не получили имена. Здесь, в этом мире, имя давалось, когда ребенок мог себя прокормить, доказав остальным, что стал "человеком-мужчиной", эн-ха, или "человеком — женщиной", эн-на. После долгих расспросов, я все же понял, что для получения имени ребенок должен лично добыть еды на сутки.

Я улыбнулся — как же легко обойти эту систему!

Эрика освоила уже больше сотни русских слов, более того — она учила младших. Теперь я понял значение приставки — ой, что то вроде шамана. Похоже, моя возня с плесенью и быстрое выздоровление мальчишек не прошло незамеченным.

Нужно думать на шаг вперед — рыбная диета помогла сейчас встать на ноги, но долго на ней не протянуть. Для качественного развития нужны витамины, нужна соль, нужно мясо.

Завтра пройду вдоль берега реки, совсем недалеко, была большая плохая вода. Это могло быть что угодно — болото, сернистый источник, но я надеялся, что наша речушка впадает в море. А это уже шанс добыть соль.

С охотой пока решил не спешить. Без годами отточенных навыков я легко превращусь из охотника в жертву. Будем думать...

Я уже дважды видел, как к противоположному берегу реки подходили на водопой стада крупных животных, похожих на бизонов. Но где крупные стада, там и хищники, значит, переправляться ещё рано. Да и дотащить тушу в пещеру будет невозможно. Ловчая яма?

Выкопать ее будет очень тяжело. Да и опять, без охраны меня съедят быстрее, чем работа будет завершена. Остаются ловушки на мелкую дичь — силки, петли и капканы. А это прежде всего веревки... Сегодня я выбросил много обрывков кожи, вон они у входа лежат, ещё не засыпанные землёй. А ведь их можно резать на полосы и сплетать!

Очередная ночь прошла спокойно, за рекой иногда выли волки, но в окрестностях пещеры было тихо. На рассвете я выбрал пару кожаных мешков покрепче, длинное крепкое копьё, оставшееся от погибших охотников, и, быстро перекусив, разбудил Эрику.

— Я, Дим иду к плохой воде. Ты, Эрика, остаёшься здесь, с детьми. Вы достанете из реки шкуры, выстираете их, и повесите сушиться на камнях. Дим вернётся вечером.

— Эрика не идёт с Димом? — девчонка не хотела оставаться, но спорить не решалась.

— Нет. Ты сегодня сама будешь осматривать верши. До вечера ты главный охотник племени.

Эрика кивнула, соглашаясь. Этот жест, как и многие другие, она переняла у меня, и теперь иногда казалось, что передо мной соотечественница.

Я быстрым шагом, периодически срываясь на бег, направился вдоль берега, вниз по течению. Местность вокруг постепенно менялась. Холмы стали ниже, деревья встречались все реже, а вскоре и вовсе исчезли, сменившись густыми зарослям темно-зеленого кустарника с глянцевыми, блестящими на солнце листьями.

Полоса луга стала больше, и в траве я пару раз увидел крупных упитанных сурков. Река расширилась, почва под ногами стала светлее, более песчаной. Через два часа я почувствовал ни с чем не сравнимый запах моря — смесь прохладной свежести и гниющих водорослей, йода и хлора. В небе стали мелькать силуэты чаек. А вскоре зелёная трава под ногами стала исчезать. Местность быстро понижалась, на бурой почве появились проплешины, россыпи мелких камней. На горизонте блеснула вода. Вскоре я наткнулся на первый пласт соли. Море, тысячелетиями отступавшие, оставляло после себя широкие соляные полосы. Откалываю небольшой грязно-белый камешек, и попробую на вкус. Солёный! Сбросив с плеча пустой мешок, я спустился к воде.

На берегу лежали груды выброшенных прибоем водорослей, россыпи ракушек, гладко отточенных волнами камней. Внезапно мне в голову пришла новая идея, и я стал собирать красивые, отливающие перламутром раковины. Спрятав добычу в мешок, собраю кристаллы соли. Немного, около десяти килограммов, ее ведь ещё к пещере тащить...

Внезапно какое то движение справа заставило меня повернуться. Метрах в десяти, подогнув колени, рыжий козлёнок облизывал соляные камни. Ещё дальше этим же занималось небольшое стадо. Я перехватил копьё. Теперь отвести руку в сторону, прицелиться...

Козлёнок что-то почувствовал, и в последний момент резко подпрыгнул. Он не успел совсем чуть-чуть, каменный наконечник пробил ему заднюю ногу, а вес копья сковал движения. Полный боли крик разнёсся над берегом, вспугнув чаек. Стадо его сородичей бросилось врассыпную, а я, подбежав к своей первой в жизни добыче, с размаху опустил ей на голову подобранный рядом камень.

Козлёнок затих, лишь ноги вздрагивали в судорогах... Да, а ведь в нем весу килограммов пятнадцать. Делать нечего, взваливаю его на плечо, на другое мешок с солью. Копьё в

правую руку, в левой мешочек с ракушками. Тяжеловато, но идти можно.

К пещере я вернулся под вечер, явно переоценив свои силы. При длительной нагрузке тело все еще быстро уставало, и обратная дорога заняла в три раза больше времени.

Сегодня будет настоящий пир — Эрика только что принесла большую связку рыбы, и, вместе с одним из старших мальчишек, вроде Тором, потрошила ее. Десяток хвостов раков поджаривались на горячих камнях у огня. Тур следил за костром, остальные дети старались ему помочь. Меня встретили радостными криками. Козлѐнка отобрали, и Тор ловко стал его разделывать. Да, вот это навыки у парня... Каменный нож двигался уверенно, делая точные надрезы, снимая шкуру и вырезая куски мяса. Он с братом практически выздоровел, и я, сжалившись, решил не заставлять его сегодня пить раствор плесени. Эрика сказала, что он с Туром родились вместе, и это было почти чудом. Рождение близнецов в это время и вправду было явлением редким, а если и они, и мать выживали, то вообще практически невероятным. В мое время антропологи считали, что второго близнеца часто убивали специально, чтобы мать гарантировано выкормила хотя бы одного ребенка.

Я развязал мешок с солью, и стал натирать ею тушки рыбы и тонкие полосы мяса. Жаль, не из чего сделать маринад... я мечтательно прикрыл глаза. Нужно продолжать исследования мира вокруг. Чем больше полезных растений и ресурсов я обнаружу, тем легче будет выжить.

Соленое мясо и рыба детям понравилось. Эрика принесла из одного из закутков пещеры крупный кусок соли, и показала, что его раньше часто облизывали. А вот к пище почему-то не добавляли.

Я попытался расспросить старших мальчишек об охоте. Эрика, знающая больше русских слов, переводила. Охотники к морю не ходили. Они шли к истоку реки, там переходили ее вброд, и охотились на противоположном берегу, в степи. Охотились довольно удачно — каждые пять — шесть дней приносили разделанную на куски тушу молодого бычка, реже взрослых коз или животных вроде оленей. С хищниками они держали нейтралитет, стараясь не задевать друг друга. Но иногда столкновения случались. На его памяти огромный рыжий зверь с длинными клыками убил двоих мужчин и ушел безнаказанно. А Эрика вспомнила, что ещё раньше одного охотник забрел в пещеру на другой стороне гряды холмов, и большой зверь, встающий на задние лапы, совсем как люди, убил его.

Значит, саблезубые кошки и пещерные медведи тут тоже встречаются. Эх, надо быть внимательнее — вот сегодня стадо коз не услышал, а ведь хищники могут подкрасться намного тише... На этот берег они не заходят, тут нет для них добычи. Хотя в этом нам повезло ... а может, поэтому племя и выбрало эту пещеру для жилья.

Я попытался узнать что-то про эпидемию, как она началась. Похоже, именно охотники принесли болезнь. Последний раз они ходили в степь очень далеко, и наткнулись на странных черных людей. Мертвых, их уже изрядно погрызли звери. Охотники взяли себе их вещи — хорошие копья и дротики. И заразились...

Дальше я мог легко проследить цепочку событий. Уже на следующий день после возвращения им стало плохо, они начали хрипло дышать. К вечеру они уже с трудом двигались, их колотил озноб, они не отходили от костра и катались в шкуры. Затем заболели старики, их было всего трое. Потом женщины, и наконец, дети. Еды не осталось, и Эрика стала собирать падалицу с деревьев, и есть ее. Это спасло ей жизнь. Остальное я знаю.

Ещё я узнал, что все они — родственники. Родные, двоюродные и троюродные братья и сестры. Все взрослые мужчины были из одного рода, а их женщины — пришлые. Каждый

год, когда деревья становились желтыми, как солнце, несколько родов встречались далеко отсюда, в другой пещере. И молодые мужчины могли найти себе женщину из другой семьи. Если, конечно, могли сделать этой семье достойный подарок...

Младшие дети, быстро устали, тщетно пытаясь понять разговор из смеси русских слов, жестов и знакомых, но явно ещё не выученных слов родного языка, и уже спали, зарывшись в траву. Тур тоже сдался, уснув сидя прямо у костра. Я уже собирался заканчивать расспросы, когда Эрика сказала:

— Эн-ха принесли Дим-а в пещеру. Дим спал четыре солнца.

Значит, я не из ее племени? Тогда где меня нашли? Эрика не знала. Охотники посчитали, что я, если проснусь, буду хорошим приобретением для рода — руки-ноги на месте, тело почти взрослое. Меня поили водой весь первый день, а потом стало не до этого.

Новая информация была интересной. Значит, где то недалеко, в четырех днях пути отсюда, живут ещё племена таких же неандертальцев. Может, попробовать их найти? Хотя, неизвестно, сколько до этого шел прежний владелец моего тела. И почему он умирал от жажды, не найдя воду... Похоже, мое сознание, как-то преодолев десятки тысяч лет, искало свободное тело, и вот результат.

Тор уже тоже спал, Эрика клевала носом. Ладно, все вопросы завтра...

Пятый день начался затяжным дождем. Выходить совсем не хотелось, еды со вчерашнего дня было достаточно. Я решил, пользуясь моментом, заняться веревками. Обрывки кожи аккуратно растягивал на плоском камне, и отрезал ножом тонкие, насколько это возможно, полоски. И так снова и снова. Теперь переплетаем их в плоский ремень, добавляя новые полоски, наращивая длину. Проснулась Эрика и близнецы, обступили меня, рассматривая плетение.

Я отложил его в сторону, выглянул на улицу, подставляя ладони под дождевые струи. Нужно сделать мыло...

Дети смотрели на меня, как я умываюсь, и стали повторять. С завтраком покончили быстро. Я продолжил плести верёвку, Тор с братом нарезал новые кожаные ленты, а Эрика села рядом, внимательно следя за моими пальцами. Через некоторое время она уже уверенно плела новую верёвку.

Дождь стал стихать, и я отправил старших вытягивать верши, а малышей — к фруктовым деревьям. Указал на яркие, спелые плоды, и очертив руками предполагаемый размер собранного урожая, отправился в пещеру. Несколько метров веревки у меня были. Теперь я быстро рассортировал ракушки, и подобрав острый осколок, просверлил в них отверстия. Осталось нанизать их на ремешок — и простейшее ожерелье готово. Все десять украшений были спрятаны в одной из пустых ниш. Я вышел из пещеры, и стал собирать дрова. Дети весело перекрикивались, две девчонки залезли на дерево, и обрывали плоды, сбрасывая их вниз, остальные стаскивали их в кучу. От реки поднимались, таща связки рыбы и раков, старшие.

Сегодня я хочу устроить праздник. Нужно дать всем детям имена, ведь испытание на самостоятельный сбор провизии они формально выполнили — никто ведь не говорил, что еда должна быть поймана или убита на охоте. Я улыбнулся, глядя на малышей, которые снова самостоятельно догадались использовать шкуру для переноски фруктов. Теперь, важно надувная щёки они тащили свою добычу наверх.

Да, вот такое оно, детство в каменном веке... Без телефонов и планшетов, без холодильника с продуктами, часто без мамы и папы. Но ведь они сейчас — я всматривался в

смеющиеся лица — счастливы. Так бывает только в детстве, когда все плохое быстро забывается, а хорошее, наоборот, заполняет душу целиком, без остатка.

Вместе мы быстро приготовили рыбу, и, пока она подрумянивалась на прутьях, встал возле костра во весь рост. В руке копьё, как и положено охотнику и вождю. Близнецы и Эрика рядом, с восторгом сжимают такие же копья. Малыши собрались перед нами, в их глазах удивление, и предчувствие чего то необычного. И я их не подвел. Торжественно указываю на гору фруктов, важно сообщая, что собравшие столько еды дети уже не могут называться детьми. И, подзываю к себе первую девчонку.

— Тебя зовут Лена!

И одеваю ей на шею ожерелье из ракушек.

— Ле — На! — она с первого раза правильно повторяет свое новое имя, звонко смеётся и хлопает в ладоши.

Я, а за мной и остальные, поддерживаем ее.

— Соня, Тая, Кира!

Все довольны! Теперь мальчишки.

— Тебя зовут Слав!

Я специально сокращаю имена, так детям их легче запомнить и произносить. Ожерелье и, к нему — тонкий дротик из запасов охотников.

— Толь, Вит, Юр!

Пятилетние малыши старательно повторяют свои имена, гордо сжимая дротики. Краем глаза смотрю на старших... Нет, не ошибся. Смеюсь, и жестом фокусника вытаскиваю из под шкуры оставшиеся ожерелья. Двое одинаковых — близнецам, на них среди ракушек по клык какого-то хищника, скорее всего волка. Эрика жалобно смотрит огромными синими глазами. И радостно смеётся, когда я одеваю ей ожерелье с ярко-красной морской звездой.

И последний штрих праздника — я протягиваю старшим детям, да что там говорить — новым полноправным охотникам племени, узкий ремешок с всего одним украшением. Крупный клык саблезубый кошки вызывает восхищённые вздохи собравшихся. Молодые охотники одевают мне его на шею и громко кричат, громко хлопая в ладоши. Первые выборы состоялись, теперь я вождь Дим, прошу любить и жаловать. С секундной заминкой мой крик присоединяется к общему хору, эхом прокатившись под сводами пещеры.

Праздничный ужин отличался от предыдущих тем, что я натёр рыбу не только солью, но и листьями дикого шалфея. Вкус практически не изменился, а вот запах... Мое маленькое племя с удовольствием уничтожило новое блюдо. Свежие, только сорванные фрукты на десерт завершили этот суматошный, но действительно светлый и радостный день

Утро выдалось солнечным. Я на правах вождя распределил задания — Тор с братом пошли проверять верши, Эрика с девочками сидела у входа, ловко переплетая кожаные ленты. Тройка оставшихся мальчишек собирала хворост. Запасы материалов заканчивались, и как их пополнить, я ещё не придумал. Попробую заменить кожаную посуду глиняной, выходы бурой глины были совсем недалеко.

За несколько ходок я приволок в пещеру большую гору глины и, поменьше — песка. Теперь вспомнить бы, как угадать состав... Я отмеряю одинаковые порции глины, и добавляю песок. В первую немножко, затем все больше. Теперь замесить глину, и вылепить жалкое подобие тарелки из каждой смеси. Палочкой выдавливаю цифры от одного до пяти. Теперь на солнышко, пусть сохнут.

Как же не хватает простейших инструментов...

Металла в этом мире я не видел, его нужно как то добыть, а это или метеориты с самородками, либо переплавка руды. Шанс найти метеорит или самородок стремился к нулю. А вот где в моём мире были самые большие месторождения металлических руд, помню. Но где находится эта пещера?

Если мое сознание перенеслось только во времени, в ближайшего подходящего человека, то я должен по прежнему быть в Северо — Восточной Украине. Правда, море наводит на мысли о более южных широтах. А ведь широту можно определить по солнцу!

Новая идея настолько захватила меня, что я решил сегодня же воплощать ее в жизнь. Нужно измерить высоту солнца над горизонтом, и, чтобы не мучаться с поправками, лучше измерить ее над уровнем моря. Итак, мне нужно определить время полдня. Затем в это время замерять угол. И, отняв от 90° полученное значение, я получу очень приблизительное значение в градусах.

Полдень определить можно по тени в любой солнечный день. Угол определить сложнее, но тоже реально. Нужен циркуль, отвес и тонкая полая трубка. Вот изготовлением этих инструментов я и занялся. Отвес собрал быстро — плетёный ремешок и увесистый камень на конце, готово. Затем долго выбирал два прямых высохших стволика дикого орешника, выровнял их по длине, с одной стороны заострил, а с другой начал сверлить отверстие под шпильку. Это было самым сложным — деревянное сверло с кусочком острого камушка на конце работало из рук вон плохо, даже с применением механизации в виде вращения его луком.

Проще всего было с полой трубкой — тростник на берегу отлично подошёл для этой цели. Выбираю подходящее колено, разламываю по междоузлиям, и тонкой палочкой вычищаю сердцевину. Теперь приматываю его к одной ножке циркуля тонкой полоской кожи. Готово!

Немного подумав, добавляю к собранным инструментам обрывок шкуры в две ладони шириной. Пробиваю в нем маленькое отверстие, пригодится для защиты глаз от солнца.

За всей этой работой прошел шестой день.

Ночью мне приснился сон, первый сон в этом мире. Я стоял на гребне высокой стены, рядом с взрослыми, одетыми в странную, чешуйчатую броню, воинами. Шлемы частично скрывали лица, но характерные черты неандертальцев были вполне отчетливы. А внизу, под стеной, бесновались черные дикари. В нас летели копья, стрелы, дротики и просто камни. Визжащие негры кривлялись, прыгали, стараясь хоть как то достать нас. Визг толпы нарастал, и я проснулся. Странно, звук не пропал... Я вскочил, хватая копьё. И тут же рассмеялся. Кира, самая маленькая из девочек, вскарабкалась на кучу принесенных дров, а по пустому залу пещеры метался небольшой зверёк. Крыса? Нет хвост пушистый, и сам он какой то вытянутый. Проснувшаяся Эрика подбросила в огонь охапку сухой травы, и пламя, вспыхнув, осветило ночного гостя. Ласка! Зверёк на мгновение замер, а затем, разогнавшись, пробежал по боковой стене мимо костра наружу.

Впрочем, небо уже светлело, и я начал собираться во второй поход к морю. Теперь, когда я знал дорогу, я решил взять с собой Эрику, оставив за старших близнецов. Девчонка называла много съедобных растений, и я решил, что такой гид поможет мне их опознать. Но было ещё одно дело, и я решил поручить его всем остающимся детям. Уложил вокруг на полу крупные камни, на них — такие же, поменьше, выкладывая невысокую кольцевую стенку. Внутри положил все свои тарелки, перекладывая их мелкими камнями. И накрыл все это широким плоским камнем, для устойчивости. Обложил со всех сторон дровами, и, когда

огонь разгорелся, с помощью Эрики разъяснил, что пламя должно гореть постоянно, и со всех сторон. Обжиг глины начался...

Однажды пройденная дорога становится короче. Это наблюдение туристов из будущего работало и в этом времени. Мы добрались до берега моря задолго до полудня, и это при том, что девчонка то и дело останавливалась, и, сорвав очередную траву или листок, на ходу пыталась мне объяснить их значение. Я опознал дикий чеснок, крапиву, лободу, одуванчики, подорожник и мяту. А вот это что за трава? Эрика, жестами указывала на голову, обхватывая ее руками и закрывая глаза. Наркотик? Обезболивающее? Галлюциноген?

— Эта трава делает голову лёгкой, — несколько раз переставив слова, она довольно кивнула.

Ладно, запомню, вдруг получится разобраться. Сам я тоже указал ей на сухие коробочки с семенами мака, и скромные голубые цветы дикого цикория. Эти растения она не знала, как использовать, и пыталась меня расспросить всю дорогу, для чего они могут пригодиться.

На берегу я выбрал ровный участок песка, и воткнул в него копьё, выровняв его по вертикали отвесом. Отметил камушком край тени от него, и, наблюдая за девчонкой, собирающей на берегу ракушки и мелких крабов, подождал немного. Тень медленно двигалась по песку, солнце поднималось все выше. Наконец она замерла. Я положил ножку циркуля без трубки на песок, на вторую набросил кусок кожи, продев планку с трубкой через него. И стал медленно раздвигать стороны, пока в трубке не сверкнул яркий огонек солнца. Ещё немного вверх, чтобы попасть точно в центр звёзды, и теперь фиксирую полученный угол поперечной палкой. На вид 45° ... Для верности я быстро начертил на песке окружность, затем разбил ее на шесть секторов, а потом и на двенадцать. приложил полученный угол к чертежу — да, может чуть меньше, 44 или даже 43° , учитывая топорность инструментов.

Отнимает от 90° эти цифры и получаем полосу от 45 до 47° северной широты, если я прав и меня не забросило слишком далеко. А это... Крым, Керчь, побережье Азовского или Черного моря. Если подумать, то можно сказать точнее — гряда холмов повышалась на юго-запад, и сходила на нет в этой точке. Степь на севере за рекой... Все таки это Крым. Примерно в этом районе в далёком будущем будет находиться Феодосия.

Отлично, уже какая то определенность. Хотя климат явно прохладнее, степь, несмотря на конец лета — это я заключил по спелым плодам, — насыщенного зелёного цвета. Растительность не выжжена солнцем, деревья не спешат сбрасывать листву. Значит, и зима тут мягкая.

А вот это уже очень хорошая новость!

Я позвал Эрику, и стал собирать инструменты. Девчонка с интересом рассмотрела рисунки на песке, даже потрогал рукой проведенную окружность.

— Дим, это сила эн-ой?

Меня снова подозревают в шаманстве...

— Нет, эти рисунки указали мне, где мы сейчас находимся.

Эрика рассмеялась:

— Мы же на берегу большой плохой воды, разве ты не знал?

— Я узнал где в мире находится земля, где мы стоим, и вот эта плохая вода, — обвожу рукой море.

Эрика задумалась. Масштаб мира явно не укладывался в ее голове. Но вот следующий вопрос меня удивил:

— Дим, где в мире находится твой род?

Если бы я знал... Точно не на этом берегу.

— Там, — указываю за реку. Очень далеко, за многие дни пути отсюда.

— Дим шел к нам? Ты шел к моему роду?

Я пожал плечами. Как объяснить, что для меня важнее не расстояние, а тысячи лет, отделяющих меня от привычного мира.

— Я умер в пути. Потом снова вернулся к живым людям.

— Это очень далеко, если ты стал стариком и умер. Наши охотники никогда не ходили дальше пяти солнц.

Пять дневных переходов... Учитывая выносливость неандертальцев, это даёт радиус в 200 — 250 км. Огромное расстояние...

— Нет, я не был стариком. Меня убили другие люди.

— Люди не убивают людей. Или ...

Эрика задумалась, вспоминая.

— Когда я была как Кира, к пещере принесли странного черного человека. Мертвого. Он вместе с другими черными напал на наших охотников. Их убили, но черные тоже успели убить троих людей. Тебя убили черные?

Вот и первое подтверждение стычки между кроманьонцами и неандертальцами. Как Кира... на вид ей сейчас около двенадцати, значит это было очень давно, больше семи лет назад.

— Да.

Отвечаю правду, меня ведь и вправду убили далёкие потомки этих черных...

— Ты сильный эн-ой... Никто раньше не становился снова живым после смерти.

Я молча пожал плечами. Хочет думать, что я шаман — не буду ее разубеждать, сейчас это пойдет только на пользу моему племени.

Вручил свёрток с инструментами Эрике, иду набивать солью мешки. Сейчас я уже немного окреп, попробую набрать больше. Соль — это способ сохранить рыбу на зиму, да и как приманку ее можно использовать, для крупных травоядных.

Назад добрались без приключений. Моя спутница по дороге нарвала большую охапку полезных растений, а я сумел рассмотреть множество нор в траве и среди кустарников. Тут жила большая колония сурков, и на них можно попробовать поохотиться.

В пещере ярко пылал костер, дети не подвели, обжиг образцов керамики продолжался. От жара пещера прогрелась, воздух стал сухим и горячим. Сейчас света было больше, и я мог хорошо рассмотреть свой новый дом. Большой круглый зал, по его периметру тянется каменная ступенька, около полуметра высотой. В боковых стенах темные провалы ниш, пять слева и семь справа. А в торце виднелись несколько забитых камнями и мусором узких проходов и расселин.

Свод пещеры пересекала широкая трещина, и, похоже, она тянулась до поверхности. В нее лёгкий сквозняк затягивал дым от костра.

Рыба уже жарилась на костре, Тор с братом отлично освоили рыбалку с помощью вершей, и сегодня сами сплели ещё несколько. Уловы росли с каждым днём, и с завтрашнего дня начнем сушить добычу, пока ещё солнце по — летнему жаркое. Мой взгляд наткнулся на горку спелых груш — их тоже будем сушить.

Пора начинать заготовку продуктов. Вряд ли зима будет долгой и холодной, но река на пару месяцев, а то и больше, точно покроется льдом. Этот период нужно пережить без

потерь!

За ужином Лена с гордостью демонстрирует мне моток плетёной кожаной веревки. Хвалю всех маленьких рукодельниц, ведь и правда, веревки очень нужны. Жаль, запас кожи практически закончился, но я уже знаю, чем ее заменить — заросли крапивы у реки. Ее волокна довольно крепкие, вымахала она больше метра в высоту, проблем с материалом не будет.

Толь и Слав тащат свои поделки — две заострённые и обожжённые на концах ровные палки. Кора снята, все сучки сточены об камень. Мальчишкам всего то по пять — шесть лет...

И этих хвалю, старались! Но завтра я им поручу другое дело...

Старшие близнецы хотят на охоту. Что ж, как вождь, поддерживаю это начинание. Тур хватает копьё, явно великоватое для него, и показывает, как будет убивать самого большого бизона в степи. Тор его поддерживает, но, подумав, на бизона замахивается не стал, выбрав своей воображаемой целью козу. Великие охотники... Я едва сдерживаю улыбку. Эрика отвернулась, чтобы не обидеть своих братьев, и тоже смеётся. Понимает всю несбыточность их желаний.

Встаю, и, положив руки на плечи моих маленьких охотников, киваю

— Тор, Тур, вы обязательно убьете этих зверей. И я сам поведу вас на охоту. Но не сейчас. Завтра же мы будем охотиться на сурков!

Близнецы не спорят, сурки так сурки. Они уже неплохо понимают меня, даже без перевода Эрики.

Юр, самый младший, тоже желая показать, что и он добытчик, подходит ко мне, что — то сжимая в маленьком кулачке. Протягиваю ладонь, и на нее падает несколько довольно крупных орехов. Молодец! Ещё один ресурс в нашу зимнюю копилку.

Сегодня впервые слышу, как в разговорах между собой дети используют русские слова вместо родного им наречия. Часто искаженные, иногда совсем непривычно звучащие, но ведь для них прошло меньше недели!

Постепенно разговоры стихают, а я, прикрыв глаза, обдумываю результаты сегодняшнего похода.

Крым... Крымские горы содержат мало полезного — да, здесь находили полудрагоценные камни, даже золото, но сейчас мне они не нужны... На востоке, ближе к Керченскому проливу, были месторождения железа, и извести, но вот с углем и лесом все плохо. Полуостров не изолирован, африканские дикари свободно тут шастают, разнося болезни и убивая местные семьи неандертальцев.

Из плюсов — близость моря, доступ к запасам соли, теплый мягкий климат.

Пытаться осуществить технологический рывок здесь — очень сложно, скорее вообще невозможно. Даже если мое маленькое племя выживет, повзрослеет, мы обречены. Неандертальцев мало. Даже не так — их катастрофически мало... Негры их сметут, походя, даже не заметив.

Основной поток миграции кроманьонцев идёт по побережью Азовского и Черного моря, в Европу. Идти на север, в степи Слобожанского края и Донбасса? Да, та есть железо и другие металлы, уголь, природный газ, огромные запасы соли и мела. Но там мы встанем на пути этой бесконечной орды переселенцев.

Допустим, мы вырвемся из Крыма, и даже незамеченными пройдем по Южному Кавказу, и дальше, за Урал, в таёжные леса и тундру Сибири. Там тоже есть все для быстрого

старта цивилизации, но вот неандертальцев или нет, или очень мало. Да и земли эти заселены родственным видом людей. Денисовцы, как их называли в мое время, вряд ли образуются незваным гостям. И снова, пусть теперь не мы, а наши дети и внуки вымрут из-за недостатка свежих генов и войн...

Идти на Запад, в Европу, в надежде присоединится к сильному племени? История показала, что это тупик... Рассеянные по огромной территории, неандертальцы жили обособленно, и даже их самые сильные семьи были на порядок меньше по численности племен кроманьонцев.

Собрать семьи древних людей, живущие рядом, в Крыму и на побережье? Это здесь я вождь, а там — никому не известный подросток, без авторитета и сильного племени за спиной. Но эти люди нам нужны!

Пожалуй, это и станет для меня первой главной целью — любыми средствами увеличивать численность моего народа. Когда-то я читал, что для полета к Проксима Центавра и основания колонии нужно всего сорок девять пар людей, правда, генетически не родственных. В другой статье говорилось, что популяция практически гарантированно восстановится с цифры пятьсот человек. Наконец, были гипотезы о трижды пройденных людьми "бутылочных горлышках", когда численность вида падала до тысячи двухсот особей.

Собрать хотя бы две тысячи неандертальцев, рассеянных по всей Европе... Это вообще возможно?

Людей нужно как-то привлечь... Силой? Не выйдет, меня просто убьют, какими бы миролюбивыми со слов Эрики, они не были.

Подарки, подкуп? Так можно в будущем будет получить невест моим подросткам, и, если, постараться, даже новых воинов. Но другой род все равно не сдвинется с места...

А вот когда при следующей встрече эти люди расскажут своим бывшим родичам о высоком уровне жизни в моей семье и комфорте, это может сработать!

Это и станет моим первым шагом — непрерывный рост уровня жизни. Да, они пока дети, но это временный недостаток. Неандертальские подростки по силе не уступают взрослым моего времени. Они легко учатся, если не заняты добычей пищи.

И с завтрашнего дня я направлю их энергию в нужное русло!

Глава 2. Племя Солнца

*И две тысячи лет война
Война без особых причин
Война — дело молодых
Лекарство против морицин
Красная-красная кровь
Через час уже просто земля
Через два на ней цветы и трава
Через три она снова жива
И согрета лучами звезды по имени Солнце
Группа "Кино", "Звезда по имени Солнце"*

Я ударил по стене, и на камне появилась восьмая зарубка, началась вторая неделя новой жизни. Моя семья оправилась от болезни, пропал досаждающий первые дни кашель. Река стала основным источником пищи, и призрак голодной смерти на время отступил.

Дети в разной степени освоили несколько десятков русских слов, Тор, Тур, и особенно Эрика уже неплохо могли говорить на новом языке. Наметились первые направления прогресса — пенициллин, керамика, плетеные веревки.

Сегодня за рыбой пошли Слав и Вит. Юр и Кира собирали дикие груши, Толь — дрова для костра. Лена, Соня и Тая, обмотав руки шкурами, таскали в пещеру стебли крапивы. Вскоре все подходящие камни у входа были заняты сохнувшими на солнце дольками плодов, а в центральном зале уверенно росла горка материала. Я показал Эрике, как удалять из стеблей мягкую сердцевину, и она увлеченно размочаливала стебли на волокна.

Костер теперь горел непрерывно, и излишки рыбы, натертые солью, подсушивались над огнем, и затем досыхали на ветру. Высохшие тушки я складывал в большой мешок, подвешенный к потолку одной из ниш, чтобы к запасам не добрались грызуны.

Близнецы получили задание собрать все мелкие трубчатые кости птиц перебирая вынесенные раньше из пещеры горы мусора. Я задумал поставить силки на сурков, а чтобы зверьки не перегрызли веревки, защитить их костяной броней.

Пока все заняты делом, я достал из костра образцы керамики. Первые три рассыпались, четвертый был целый, а пятый держался, но покрылся трещинами. Значит, состав № 4 оптимален, и можно приступать к выделке посуды.

Но сейчас — в путь. Тор с братом принесли полные пригоршни костяных обломков, этого хватит. Мы отправились к колонии сурков, и, хоть и тащили копыя, но я на них не рассчитывал. Вскоре прибыли на место. Шустрые зверьки попрятались в норы, и я начал подготовку. Разделил верёвку на десяток частей, примерно по полтора метра каждый. Нанизал кусочки костей на веревку, и сделал скользящие петли. Затем стал выбирать норы с росшими рядом кустами. Их толстые гибкие ветви как нельзя лучше подходили для устройства ловушек. Осталось привязать к ним силки, согнуть, уперев край в вбитый у норы колышек, и аккуратно расправить петлю вокруг норы. Присылаю ее землёй и травой. Готово! Теперь, когда сурок решит выбраться наружу, он застрянет в петле, и она станет затягиваться. Зверёк испугается, дернется, и освободит пружинящую ветку. На этом его мучения и закончатся.

Близнецы, внимательно наблюдавшие, как я настраиваю первую ловушку, стали

готовить другие. Вскоре все силки были установлены, и мы отошли подальше, присев в тени орешника. Нужно сюда будет обязательно прийти за урожаем, орехи очень питательны.

Достали по пригоршне сорванных по дороге груш, жуем терпкие плоды, я рассказываю о пользе веревок и силков в охоте. Братья пока не очень мне верят, они привыкли убивать зверя копиями. Ничего, сейчас убедятся в преимуществе интеллекта над грубой силой...

Первая ветка с шумом распрямилась через полчаса, и придушенный писк оповестил нас об успешном начале охоты. Я остановил дернувшихся к добыче охотников, пусть сработают и другие ловушки. И они не заставили себя долго ждать — одна за другой ветви распрямлялись, и через пару часов мы, снова настроив ловушки, спешили домой. За нашими спинами висели тяжёлые пушистые тушки, Тор что-то возбуждённо рассказывал брату, размахивая руками на ходу и то и дело цепляя копьём ветки и траву.

Вечером мы ели сочное, истекающее жиром мясо. Сурки были крупные, каждый до 10 кг весом, и успели хорошо отъестся перед зимой. А ведь жир — это не только пищевой продукт, но и мыло, сделать его совсем не сложно. Вот только пока нет посуды для этого...

Шкурки сняли рукавом, и, тщательно отскоблив, растянули на связанных из палок распорках для просушки. Нужно подумать о нормальной зимней одежде, на нынешние юбки без слез не взглянешь...

Большая куча размочаленных стеблей крапивы тоже была разложена на просушку, Эрика без отдыха трудилась над этой задачей весь день. Завтра прикреплю ей в помощь ещё пару детей, пусть учатся.

Усталые, но сытые и довольные, мои воины и воительницы сидели вокруг костра. Я уже привык к этим простым, любознательным и открытым всему новому детям. В них вождь Дим видел основу всех своих воистину грандиозных для этого времени, планов.

Вместе с помогающей мне с переводом Эрикой, я каждый вечер подолгу разговаривал с ними, рассказывал простенькие сказки о животных, хороших и плохих людях. О духах мудрых предков, которые ушли в далёкие земли, передав мне свои знания, и обещали вернуться, когда мы станем им равны. Дети сидели, приоткрыв рот и затаив дыхание... Перед ними вставали картины огромных рукотворных пещер, где вместе жили десятки и сотни родов, живущих рядом с людьми животных и растений, новых предметов и инструментов.

Я рассказывал, что мы каждый день будем все больше узнавать, восстанавливать утраченные знания, улучшая все вокруг. И тогда другие семьи сами придут к нам, ведь мы должны помочь всем людям на этом пути. Мы все вместе пойдем на север, где построим город, множество пещер среди степи, высокие стены и храм мудрости. Наши мужчины и женщины станут величайшими воинами, и дикие черные люди не смогут уже никого убить.

Так в сознании моих неандертальцев стала формироваться картина будущего. И это будущее уже сейчас воплощалось в жизнь. Дни пролетали один за другим, мы готовились к зимовке. Я разобрал заложенные камнями проходы, расширив площадь пещеры в несколько раз. В одном из коридоров по полу тек ручеек, и мы, сделав из камней и глины небольшой бассейн, получили источник чистой проточной воды в шаговой доступности.

Рядом с пещерой выкопали большую яму, прикрыв ее навесом из жердей. Сверху поставили шалаш из веток, и теперь я властью вождя всем приказал ходить в туалет только сюда. Пока вода в реке ещё не выстыла, несколько раз успели хорошо выкупаться всем племенем.

Из лозы сплели широкие полотна, и заполнив пространство между ними глиняным

раствором, перекрыли часть входа в пещеру, сделав дверной проем. По такому же принципу сделали толстую дверь, только наполнителем для нее послужила сухая трава, и подвесили ее на широких кожаных петлях. Две толстые жерди служили запорами, и не давали ее открыть снаружи.

Тор теперь отвечал за охоту на сурков, целыми днями таская их тушки в пещеру. Тур стал заправским рыбаком, взяв на себя верши. Вся рыба теперь сушилась на зиму, наполняя пещеру вкусными запахами.

Две ниши отгородили такими же плетеными стенами, обмазали внутри глиной, и сплели плотные крышки. Теперь у нас были надёжные, защищённые от грызунов закрома.

Я несколько дней занимался посудой. Без гончарного круга горшки и миски получались кривоватыми, но пока с этим можно смириться. Главное, после обжига они отлично держали воду, и вскоре большой, литров на десять горшок занял почетное место над костром. А мы попробовали сначала мясной, а потом и рыбный суп. Да и отваренные до красного цвета раки пошли на ура!

Теперь я получил возможность вытапливать жир из мяса сурков, и терпеливо собирал этот ценнейший материал.

Эрика вместе с Леной и Соней плела веревки из крапивы, для новых силков, ниток для одежды, и, на будущее — можно будет сплести сеть для ловли рыбы.

А остальные без усталости таскали в пещеру дрова, заполняя ими всю доступную площадь и орехи, соревнуясь с местными белками.

К концу третьей недели листья на деревьях стали окрашиваться в красные и жёлтые тона. Ночи становились прохладнее, и я решил заняться изготовлением одежды. Для этого мне нужны были мыло и дубильный раствор. Вот этим я и занялся, на время прекратив гончарные работы.

Для начала насыпал в большой горшок золу, и, залив ее водой, прокипятил около часа. Осадок выбросил, а получившийся щелок слил. Повторил несколько раз, накапливая раствор. В другом горшке в полученный раствор стал вливать горячий жир, постоянно размешивая. Теперь у меня был раствор поташного мыла, и к нему я стал добавлять раствор соли. Мыло стремительно загустевало, и я переложил полученный сгусток в третий горшок, где заранее долго упаривал щелочной раствор, повышая концентрацию. Вскоре сгусток мыла затвердел, и отправился на просушку, чтобы с него стекли остатки щелока.

Осталось последнее — растворить мыло в воде, нагреть, и залить его в глиняные формы. Под вечер я гордо выложил перед собравшимися на ужин соплеменниками двадцатку примерно стограммовых бруска темного коричневатого мыла. Дети с интересом рассматривали новое вещество, нюхали его, а я рассказывал им о невидимых злых духах, живущих в грязи и вызывающих болезни. И это "мыло" убивало большинство из них, совсем как великие охотники зверей в степи.

Настало время демонстрации — вымазываю руку золой, глиной, и намыливаю ее. Окунаю ее в воду, и вся грязь смывается, оставляя чистую белую кожу. Удивлённые возгласы послужили мне наградой, и я вручаю каждому по бруску мыла.

— Вы всегда должны быть чистыми, так вы станете ещё на шаг ближе к великим предкам!

Дети сжимают в руках новое сокровище, они в мечтах уже стоят рядом со сказочными мудрыми богами. На этом подарки не закончились. Каждый получает от меня вместительный глиняный горшок, литров на пять, греть а нем воду, и небольшую миску для

еды. Завершающим подарком стали столовые приборы — деревянные ложки, грубые, без намека на изящество металлических изделий, и расщепленная пополам палочка, с острыми краями.

Наливаю всем в миски по порции бульона с большим куском мяса, и показываю мастер — класс. Ложка в моих руках исправно вычерпывают жидкость, а нанизанное на вилку мясо прекрасно держится. Не сразу, но непривычные движения усваивают все, близнецы и Эрика помогают самым маленьким освоить новую мудрость. Дети весело смеются, стуча ложками о дно мисок, они счастливы, что научились.

По традиции отмечаю сегодняшний труд каждого, и, рассказываю сказку на ночь. Приключения маленькой девочки, которая дружит с большим добрым медведем, и раз за разом попадает в смешные переделки, всем понравились. Пора спать...

Новый день я посвятил строительству ванной комнаты. Дальняя ниша в стенах пещеры отлично для этого подходила — естественный уклон пола в сторону узкой трещины чуть углубил, и сделал из камней и глины стенки желоба для стока воды. Из таких же камней выложил неглубокий, с полметра, бассейн. Также тщательно обмазал глиняным раствором все стыки и трещины. Долго возился, просверливая два глубоких отверстия, и вбив в них крепкие колышки. На них повесил занавеску, прикрывающую вход.

Видом обнаженного тела здесь никого не удивишь, самые мелкие вообще в начале бегали голышом, это только недавно мы сделали им набедренные повязки. Ребята постарше все были в широких юбках из шкур, а недавно я заметил, как Эрика, полдня провозившись, сшила себе мешковатую накидку, скрывающую уже хорошо обозначившуюся грудь. Взрослеет девчонка, начинает стесняться, вот и пусть с сестрами моются спокойно, за ширмой, поливая друг друга водой по очереди. Все, осталось дожидаться высыхания, и душ каменного века готов!

Следующий день я готовил дубильный раствор. Несколько ивовых деревьев были лишены части коры, и теперь в моей алхимической лаборатории кипел отвар из нее. Первые добытые шкурки сурков уже высохли, и теперь, отмокнув в воде, с тщательно выскобленными остатками жира и мякоти, были готовы к выделке.

В остывший отвар я добавил соль, тщательно перемешал, и погрузил в него шкурки. Пришлось выносить все наружу, запах от шкурок был неприятный. Через двое суток они были извлечены и промыты чистой водой. И, наконец, финишный этап — натирание кожи сначала жиром, а затем тщательная стирка в мыльном растворе.

Ещё через сутки шкурки окончательно высохли, и дети с удовольствием ощупывали чистый пушистый мех. Кожа стала мягкой и гибкой, ни в какое сравнение не идущей с тем, что было на нас надето сейчас.

За это время девчонки плели тонкие прочные веревки из волокон крапивы, а я сделал десяток крупных иголок из рыбьих костей, на манер сапожных. Я обмерил Эрику веревкой, раскраивая ножом готовые шкурки, и, показав ей, как правильно шить, усадил за работу. Затем повторил замеры, и вскоре на полу лежали ещё одиннадцать стопок раскроенных шкурок.

Никаких изысков — для всех были сшиты просторные штаны, стягивающиеся на поясе широкой кожаной полосой, и такая же просторная куртка с капюшоном. Завершали набор меховые варежки из остатков материала.

На пошивку одежды ушла ещё неделя, этим занимались Эрика с Леной. Остальные дети продолжали таскать в пещеру все съестное, что могли найти вокруг — рыбу и сурков, орехи,

грозди рябины, редкие не осыпавшиеся груши, и несъедобное — дрова, глину и песок для посуды, охапки сухой травы и листьев.

Я занимался изготовлением обуви. На подошвы пошли куски грубой кожи, скорее всего бизонов, из старых запасов племени. Верх я сделал в виде мешка, стягивающегося по ноге веревками. Пришлось изготовить несколько костяных игл большего размера, предыдущие поделки ломались... Кое как я справился, и, к исходу пятой недели мое племя было готово к наступающей зиме.

Все щеголяли в обновках, не веря до конца в то, что все эти вещи были созданы здесь, в этой пещере, и созданы их руками.

Мне новые вещи казались грубыми, но вот Эрика и близнецы уверяли, что никогда не видели настолько хороших и теплых вещей. Поверю на слово, они ведь помнят всю свою жизнь здесь...

Сегодня, сидя у костра, после душа из подогретой воды, в новой чистой одежде, я окончательно поверил, что у нас все получится. Мы соберём все семьи и рода неандертальцев, до которых сможем дотянуться, построим в Донецкой степи первый в этом времени город, и станем костью в горле для экспансии кроманьонцев в Европу.

Главное, чтобы черные орды не решили переправиться через реку на наш берег... Два — три года спокойной, сытой жизни — и мы будем готовы к переходу. Близнецы станут старше и сильнее, со мной это уже три воина. Да и девчонок можно научить метать дротики, они уже сейчас по силе практически не уступают мальчишкам.

Очередная сказка про храброго камышового кота, живущего с людьми и сражавшегося с гадюками, прошла на ура. Дети засыпали, угревшись в тепле, вокруг костра. А на следующее утро, проснувшись, мы обнаружили за дверью выпавший ночью первый снег...

С приходом зимы рыба отошла от берегов на глубину, раки забились в норы, и все ловушки были перенесены в пещеру, до следующего года. Сурки тоже залегли с сачку, все съестное вокруг было собрано. Общими усилиями мы пошли по второму комплекту одежды для меня, Эрики и близнецов. Чтобы не терять время, я продолжал учить своих соплеменников русскому языку, также в программу добавился счёт до десяти. Каждый день показывал новую цифру, вырезанную на глиняной дощечке, и произносил ее название. С этой затеей справились быстро, за несколько дней, и я усложнил задачу, начав изучение алфавита. Немного упростил его, выбросив составные буквы "я", "е", "ю", и твердый знак. Этого занятия хватило до конца зимы. Все стены пещеры были исцарапаны кривыми буквами, но и эту науку дети усвоили. Эрика уже неплохо, по слогам, пыталась читать, иногда это получалось и у близнецов. Освоили сложение и вычитание, но большие числа давались с трудом, начиная с двадцати они путались. Вскоре я понял причину — они считали по пальцам на руках и ногах. Эта проблема решилась изготовлением счётных палочек, наломать сотню которых было делом нескольких минут.

Запасы пищи таяли, но, по всем прикидкам, их хватит до весны. Устойчивые морозы, хоть и совсем небольшие, в пару градусов, наступили только недавно, и реку сковал лёд. Я в свободное время сплел большой сачок, и прикрепив его к длинной ручке, выжидал, пока запасы кислорода в воде уменьшатся. Наконец, в один из морозных дней, вместе со старшими детьми, отправился на реку. Вчетвером мы камнями вырубili во льду широкую прорубь, и пошли греться в пещеру, давая рыбе собраться. Отдохнув и согревшись, мы, теперь уже все вместе, вернулись и принялись за работу — десятки крупных рыбин собрались у проруби, глотая воздух. Медленно завожу сачек, и на лёд летят первые

плотвицы, окуни и даже шуки. Дети набивают мешки и тащат их наверх. Сегодня у нас на ужин будет свежая рыбка!

Каждое утро я вместе со всеми выходил из пещеры, и мы быстрым шагом проходили несколько километров, чтобы не потерять форму. В пещере дети тоже, ощущая недостаток движения, придумывали себе простенькие игры и развлечения — играли с тенями от огня, устраивали шуточную борьбу, прыжки и догонялки. Я предложил им новую игру — некое подобие волейбола, с костром вместо сетки. Примитивный мяч из обрезков шкур, плотно обмотанный веревками сделать было не сложно, и вот уже под сводами пещеры раздаются веселые крики. Для девочек сделал пару куколок из сухой травы, нарядив из в те же обрезки меха и шкур. И они пришли в восторг от этой поделки, испугавшей бы своим видом изнеженного ребенка 21 века... Теперь я, как только замечал, что дети устали учиться, командовал перерыв, и они радостно разбегались играть.

Морозы продержались недолго, всего три недели. Наступившая оттепель быстро растопила снег, а там и лёд пошел трещинами и река стала разливаться. Зарядили бесконечные дожди, хмурое небо бывало, целыми днями скрывало солнце. Так прошел ещё один месяц, день начал ощутимо увеличиваться. Температура постепенно повышалась, и однажды, прогуливаясь по склонам холма, Эрика с Таей нашли первые весенние цветы, белые подснежники.

Мы встречали весну, отдохнувшие, окрепшие. На хорошем питании дети быстро росли, да и я стал ощутимо крупнее, уже мало напоминая того тощего подростка, что очнулся в умирающем племени осенью. Эрика вытянулась, ее фигура приятно округлилась, и в ней было уже не узнать ту угловатую, худющую девочку, какой я ее увидел впервые. Близнецы скоро догонят, а то и перегонят меня габаритами. Да и остальные дети стремительно росли, пользуясь благоприятными условиями.

Все уже знали алфавит, хорошо говорили по русски, умели писать буквы, свои имена и отдельные слова, старшие уже медленно, по слогам, начали читать. Все дети умели считать до десяти, близнецы, Эрика и Юр освоили числа до ста и научились сложению и вычитанию. Мои соплеменники привыкли к правилам гигиены, регулярному мытью рук, вечернему купанию. Множество новых полезных навыков были усвоены, старшие учили младших, подтягивая их к своему уровню.

За все время в окрестностях пещеры не появлялись ни другие люди, ни черные дикари.

Осенью наш род, лишившийся всех взрослых, не ходил на встречу окрестных племен для обмена товарами и невестами. И я надеялся, что они отправят сюда несколько воинов, чтобы выяснить нашу судьбу.

И готовился к встрече — новая одежда и обувь, новые, невиданные товары должны стать нашей визитной карточкой.

Но первыми к нам пришли не взрослые воины, а трое неандертальских подростков. Грязные, истощенные до крайней степени, с глубоко запавшими глазами, они появились с верховьев реки под вечер. Обмотанные рваными шкурами, с красными от холода руками и ногами, подростки молча остановились перед нами.

— Из какого вы племени? — я спросил самое важное, ведь внешний вид пришедших явно говорил о беде

Эрика перевела мой вопрос.

— Они из рода Гремящей Воды, и они просят о помощи

— Что случилось с родом Гремящей Воды?

На этот раз пауза затянулась, подростки стыдливо отводили глаза.

— Род уничтожен, черные дикари убили всех взрослых мужчин, стариков и детей. Тела разделали, как животных, и ели несколько дней. Женщин увели с собой. А они... они смогли вырваться из боя, и спрятались в горах, наблюдая за этим. Потом две руки дней, десять, — Эрика поправилась, — десять дней шли к нам, сначала по горам, потом вдоль реки. Им стыдно, что они не погибли со всей семьёй.

Один из подростков осел на грязную, размокшую от весенних дождей, землю, и замер.

— Скажи им, что я, Дим, вождь рода Солнца, принимаю их в свой род. И я обещаю, что они смогут отомстить и искупить свою вину.

Эрика говорила долго, явно подбирая правильные слова. Нахмуренные лица подростков внезапно разгладились, и они, склонив головы, подошли ко мне.

— Они отдадут свои жизни тебе, Дим.

Я кивнул, и, вместе с Тором подхватил третьего под руки, подымая. Мы возвращались домой...

В пещере я велел новичкам раздеться и идти мыться. Говоривший со мной подросток без слов скинул свои шкуры на пол, но его спутники замешкались.

— Эрика, спроси их, в чем дело?

Выслушав ответ, с удивлением посмотрел на двух, хм, девушек? Под слоем намотанных шкур различить пол новичков было невозможно...

— Пусть подождут у костра. Потом ты с сестрами займешься ими.

Мы с близнецами пошли отмывать горячей водой с мылом единственного из этой тройки парня, а девчонки окружили новых подруг, наперебой расспрашивая их.

Парня звали Дар, он уже успел получить имя. Ему было около двенадцати лет, и прожил их он явно не очень весело — худое, жилистое тело, все покрыто синяками и ссадинами. На правой руке нет одного пальца, длинный шрам грубым рубцом пересекал спину. И, самое неприятное — распухшая загноившаяся колотая рана на бедре...

Освободив душевую для девушек, мы пошли к костру. Дар быстро прикончил выданные ему рыбу и горсть сушеных фруктов, и я решил заняться его раной. То, что он смог пройти больше сотни километров, говорило о том что не все так плохо как кажется. Или организм неандертальцев намного более стойкий к ранениям... Как бы то ни было, я решил не рисковать. Приказав Дару лежать смирно, я опустил кремниевый нож в кипящую воду, подержал его там немножко, и резким движением вскрыл гнойник, отвернув длинную полосу кожи. Похоже, копьё дикарей прошло вскользь, почти не затронув мышцы, но занесло в рану заразу. Слав, вызвавшийся мне помогать, быстро обмыл рану горячей водой, смывая засохшую кровь, гной и налипший мусор. После этого я осторожно стал соскребать омертвевшие ткани, пока не показалась розовая здоровая поверхность. Дар несколько раз дернулся, но сидевшие рядом близнецы словно тисками сдавили его, не давая возможности пошевелиться. Ещё раз промываю рану горячей водой, и, срезав болтающуюся полоску кожи, накладываю сверху замоченные в кипятке листья подорожника,

— Ты должен лежать вот так и не тревожить рану. По нужде ходить в дальний угол, там горшок.

Обноски новичков никуда не годилась, и я отправил их отмочать в растворе золы, потом переработаем на веревки. Парню принесли такой же комплект одежды, как и на нас, и он долго благодарил всех собравшихся.

Наконец, Эрика привела двух отмытых и переодетых девушек к костру, и пока они ели,

рассказала нам, что ее новые подруги — родные сестры, старшей исполнилось тринадцать, а младшей восемь лет. Имя есть только у старшей, ее зовут Ири-Ка, и этой осенью она уже должна была стать невестой и уйти в другое племя. Они вдвоем успели спрятаться и позже, заметив Дара, пошли с ним. Грустная история, типичная для этого жестокого времени

Мои далекие предки из прошлой жизни не отличались дружелюбием, но вот в практичности им не откажешь — убив всех мужчин и стариков, они забрали в свое племя сильных неандертальским женщин. И, похоже именно в это время в геноме кроманьонцев начали появляться новые фрагменты, позаимствованные от неандертальцев.

Новички, вымытые, накормленные и согретые, быстро уснули, а мой род ещё долго сидел у костра, обсуждая случившееся. Близнецы явно положили глаз на Ирику, и теперь спорили, кто из них старше, чтобы в будущем получить невесту. Напомнив им о том, что я, как вождь, потребую за девушку большой выкуп, со смехом смотрю на открывших рты мальчишек. Они этот момент не учли, и теперь хлопали глазами, решая, что может мне понадобится. Эрика нервничала, то и дело бросая на меня встревоженные взгляды. Ну да, конкурентки появились, как бы не разобрали меня на сувениры... Успокаивающе ей улыбаюсь, но она от этого расстраивается ещё больше. Похоже, тут начала работать женская логика... Обнимаю ее за плечи, и она доверчиво прижимается ко мне, сразу успокоившись.

Я уже давно заметил, что девчонка поставила себе цель обратить на себя мое внимание. Она все схватывала на лету, и, подозреваю, что ее выдающиеся успехи в изучении русского языка имеют ту же мотивацию. Вот и хорошо, я ведь и не против — Эрику и в 21 веке можно было назвать красивой. Да, другая форма бровей и переносицы делали ее несколько необычной, но не больше чем азиатку в Европе... А сейчас, окрепшая, с чисто вымытыми волосами, светлым водопадом спадающим на плечи, в грубоватом, но по-своему симпатичном меховом наряде, со всем очарованием юности, она стала настоящим сокровищем!

Вот и начало мое племя расти, нас уже пятнадцать. Капля в море, по сравнению с поставленной задачей... Но важен первый шаг, и сегодня мой род его сделал.

Вчерашний день заставил меня серьезнее относиться к вопросам безопасности. Теперь днём кто-то из детей постоянно дежурил на уступе, находящемся высоко над пещерой. Тропку и редкие ступеньки к нему мы организовали быстро — склон нашего холма был пологим, и взбираться по нему было не сложно. На слегка наклонной площадке сложили низенький заборчик из принесенных камней, будет и защита от ветра, и укрытие для наблюдателя.

От дома теперь разрешено было отходить только в сопровождении меня или близнецов, копья и дубинки стали неотъемлемой частью экипировки. И, спустя неделю, ранним утром в пещеру вбежал запыхавшийся Вит, чья очередь дежурить была сейчас.

— Идут! Пятеро взрослых мужчин идут к нам с запада!

— Настоящие люди? Или дикие?

— Они настоящие, у них светлые лица.

Я стал готовится к встрече гостей. Тор с братом, получив мое согласие, тоже одевались. Ожерелья наружу. Копья в руки.

— Дар, ты идёшь с нами.

Его рана уже затянулась, и парень, хоть и был заметно худее близнецов, мог хоть немного уравновесить силы. Протягиваю ему такое же ожерелье, как и у нас. Встречают по одежке...

Эрика тоже собралась идти, пришлось в приказном порядке назначать ее старшей и ответственной за всех остающихся. По ее рассказам, в здешнем обществе царил патриархат, хоть и не слишком суровый.

Плетёная дверь за нами закрылась, подпертая прочными брёвнами изнутри. Нас четверо, и мы, хоть и похожи на взрослых мужчин ростом, но только издали — редкая борода пробивается только у меня и Дара. Плохо...

Мои спутники стоят спокойно, явно ничего не опасаясь. Может, зря волнуюсь?

Встретились в километре от пещеры. Мы стояли на тропе, опутив копыя наконечниками вниз, по совету Дара, но готовые в любой момент перехватить их поудобнее. К нам подходили пятеро мужчин. Трое на вид ничем не отличаются от нас, но вот идущие впереди были настоящими гигантами — рост около двух метров, ширина плеч в два раза больше моих. Одеты в кривоватые накидки, в виде длинного мешка с прорезью для головы, по бокам скреплены веревками. На ногах намотаны портянки из шкур, пропитанные грязью. Головы открыты, длинные светлые волосы собраны в хвосты. Рыжеватые усы и бороды, внимательный взгляд синих глаз из под нависших бровей. В руках такие же, как и у нас, копыя.

Остановились метрах в тридцати, перекинулись парой непонятных фраз, явно обсуждая наш внешний вид. Ещё бы, мы смотримся на их фоне намного опрятнее.

Один из гигантов идёт к нам, опутив копьё. Делать нечего, откидываю капюшон, шагаю навстречу.

— Таэн нерг орм, анхой эн-хха!

Анхой означает приветствие, эн — ха — мужчина, а удлиненное хха — множественное число. Это все, что я понял. Первые три слова скорее всего или его имя, или название рода.

— Племя Солнца приветствует тебя и твоих людей, воин! Анхой, эн — хха!

Стоящий напротив мужчина удивленно склонил голову набок, слушая мелодичное звучание русского языка. А вот вторую фразу он понял. На грубоватом, словно высеченном из камня лице, расплывается улыбка, и он отбрасывает копьё. Широко расставив руки он шагает на встречу. Я повторяю его жест, стараясь успеть вдохнуть побольше воздуха. Не зря, словно в тиски попал...

Его спутники тоже расслабились, что-то говорят близнецам, те отвечают на русском. Снова ступор. Дар отвечает на их языке, а Тор переводит для меня:

— Они просят разрешения пройти к огню, Дар ответил, что ты, наш вождь, из очень далёкого племени, говорящего на забытом языке мудрых предков.

Можно и так сказать ... Я приглашающе взмахиваю рукой, и мы идём к пещере. Пока пришельцы ведут себя миролюбиво, даже учтиво, но я все равно жду подвоха в любой момент. Ну не укладывается у меня в голове, что в диком каменном веке может быть другая организация общества, кроме как основанная на силе.

Нас встречают младшие мальчишки. Одеты так же как и мы, в руках сжимают явно великоватые для них копыя. Успокаивающе поднимаю вверх руку, все нормально. Пришельцы с интересом рассматривают глиняную стену и дверь. Проходим внутрь, и я снова успокаиваю своих маленьких воинов — все дети одеты, в руках дротики. Оружие отложено, и я приглашаю гостей к огню. В пещере тепло, сухо, пахнет свежей травой, дымком и рыбой.

— Эрика, принеси еду нашим гостям.

Девчонка исчезает в глубине пещеры. Мужчины рассаживаются у очага, с любопытством озираясь. Вскоре им становится жарко, и они разматывают свои шкуры,

скидывая их в кучу у стены. Вот это мускулатура... Страшно представить, что бы получилось, если бы они сбалансировано питались. Даже самый мелкий из них легко бы скрутил Шварценеггера из двадцать первого века.

Эрика вернулась, и, вместе с Ирикой раздает гостям сушёную рыбу, пригоршни таких же груш и орехов. Я, чтобы не смущать гостей, тоже жую мелкую плотвичку, наблюдаю. Предложенная пища им знакома, вот только они явно не ожидали увидеть рыбу зимой. Но ничего, сидят, жуют. Их лидер переводит взгляд с глиняной посуды на мотки веревок, развешанных по стенам, обширные глиняные закрома, связки трав и листьев, стопки отлично выделанных шкур. Ему явно хочется меня расспросить о всех этих предметах, но мужик сдерживается, чтобы не уронить авторитет.

Наконец, с едой покончено. Девчонки вручают всем глиняные миски с горячим травяным чаем. Гости ощупывают необычный камень, даже пробуют керамику на зуб, восхищённо качают головой. Пригубив терпкий напиток, начинаю разговор:

— Я Дим. Назови свое имя, воин.

Близнецы сидят рядом, повторяют мой вопрос. Лидера зовут Рауг, он из рода Черного Камня.

— Вы шли к нам?

Да, я не ошибся. Это разведчики, отправленные выяснить судьбу моего племени. И вот Рауг не выдерживает, и задаёт главный вопрос — где все? Где Эрр, где старый Ге-Тар?

Кто такой Эрр, я знал. Отец Эрики, она несколько раз рассказывала о нем. Гетар, значит, тот старик, которого я нашел первым.

Мой ответ, что все они были убиты злыми невидимыми духами, живущими в грязи, его удивил и расстроил одновременно. Гетар был мудрым, он ведь должен был победить злых духов...

Рауг пристально всматривается в мое лицо. Наконец, что-то для себя решив, произносит:

— Дим, Рауг рад, что род Тихой Воды жив. Род Черного Камня этому рад. И ждёт вас осенью на торг.

Что же, сходим, раз приглашают. Я согласно киваю, и поправляю:

— Племя Солнца, Рауг.

Объясняю значение слова "племя" — несколько живущих рядом родов.

— Я, Дим, из рода Солнца. Род Тихой Воды умер прошлым летом, а я спас его детей. И последних из рода Гремящей Воды. Так мой род стал племенем.

С этими словами указываю на Дара. Тот подтверждает мои слова.

— Род Гремящей Воды тоже убили злые духи?

— Нет, его убили злые черные люди

Рауг нахмурился, и отставил пустую миску.

— Эти дикие люди уже мертвы, мы убили их четыре дня назад. У нас стало на пятерых охотников меньше.

Хм... что то тут не сходится. Вряд ли погибший род Дара был намного меньше и слабее.

— Вы освободили женщин?

Мужчина непонимающе смотрит на меня. Прошу Дара снова рассказать свою историю. Рауг хмурится все больше, начиная осознавать всю картину происходящего.

— Сколько черных людей на вас напало?

Дважды поднятые руки с растопыренными пальцами, и три пальца отдельно,

послужили мне ответом. Двадцать три негра навсегда остались лежать у стоянки рода Черного Камня. Но никаких женщин с ними не было. Выходит, на них напал всего лишь один из отрядов большого племени. Рауг и сам это понял, и сейчас его взгляд застыл, уставившись на языки огня. Его губы что то тихо шепчут...

— Дар, сколько черных напало на твой род?

Парень хмурится, пытаюсь сосчитать. Затем начинает выкладывать ряды палочек на земле. Десять, двадцать, тридцать... Пятьдесят. И поколебавшись добавляет ещё пять.

Рауг вскакивает и что-то громко объясняет своим людям. Они тоже встают, переглядываясь и хмурясь. Ведь сколько обычно взрослых мужчин в среднем роду неандертальцев? Из слов Эрики и Тора я знал — десять — пятнадцать, редко больше. А сейчас пятеро охотников здесь. Пятеро были убиты в предыдущей стычке.

— Рауг, остановись. Моя рука крепко сжимает его плечо, я смотрю в полные тревоги глаза.

— Сколько охотников осталось защищать род?

— Пятеро. И четыре старика, — он повторяет мой жест, и его лапа до хруста костей сжимает уже мое плечо.

Они не выстоят... Черные дикари легко сомнут этот заслон, и ещё один род неандертальцев исчезнет. Не будет у меня трёх лет спокойной жизни, как я надеялся. Борьба за жизненное пространство уже идёт на этих землях, жестокость и многочисленность легко побеждают гуманизм людей, проживших тут больше двухсот тысяч лет.

— Мои воины идут с тобой, Рауг.

Огромный мужчина отводит взгляд, и разжимает стальную хватку. Не верит, что я с близнецами достаточно силен и опытен, но выбирать не из чего, и он соглашается.

Собираемся быстро, в одни, туго затянутые мешки налита вода, в другие рыба и сухофрукты. Я добавляю охапку листьев подорожника, несколько полосок из хорошо выделанных шкур, и моток веревки. Копья стоят у стены, и наши, и гостей. Близнецы уже готовы. Дар рвется с нами, но я приказываю ему остаться. Эрика с девчонками режут, размазывая слезы и сопли. Отвожу ее в сторону и четко, разделяя каждую фразу на отдельные слова, делаю последние распоряжения:

— Срубить часть кустов и замаскировать вход. Из пещеры не выходить. Если мы не вернёмся через десять дней, все равно сидеть на месте и ждать, пока остаются запасы пищи. Потом уходить всем вместе на запад.

Кивает, и снова всхлипывает. Обнимаю ее, и, мягко отстранив, целую. Все, пора идти...

Мы шли вверх по течению реки. Холмы по левую руку становились все выше, превращаясь в невысокую горную гряду. Под вечер река, Тихая, как ее теперь называли, стала мелеть, и вскоре мы, сняв одежду и обувь, перешли ее вброд. Холодная весенняя вода обжигала кожу, но замерзать было некогда. Одеваемся, и некоторое время бежим, согреваясь.

Рауг оценивающе поглядывает на нас, и увеличивает темп. Через полчаса взмахивает рукой, и мы снова переходим на быстрый шаг.

Небо быстро темнеет, охотники на ходу подбирают сухие ветки у редких деревьев и кустов. Наконец звучит короткая команда, и мы становимся на привал в удобном распадке.

Рауг достает из-за пазухи небольшой мешочек с темно коричневым порошком, кусок коры и сухую палочку. Щепотка порошка ложится в углубление, посыпается древесная пыль, и охотник начинает быстро вращать палочку ладонями. Минута, две, и я вижу в полумраке

красноватые искорки, отчётливо тянет дымом. Рауг раздувает огонь, и вскоре мы уже сидим у костра, впитывая тепло, и жуем небольших рыбёшек.

Сейчас я увидел необычное для каменного века действо — такой же порошок был и в доставшихся нам по наследству свертках. Я одно время интересовался химией, и марганцевую руду опознал сразу. А эти древние люди используют ее для розжига огня...

Я думал о своих детях, оставшихся в пещере позади, об Эрике. Правильно ли поступил, предложив помощь сидящим рядом охотникам? Ведь без меня шансы выжить у оставшихся сильно уменьшатся. Да, они многому научились, но все равно ещё слишком слабые для этого мира.

С другой стороны, если сейчас помочь соседнему роду, то в будущем они помогут уже нам. Да и если род Черного Камня погибнет, мы следующие. Нас выследят и перебьют вообще без напряжения, как котят.

Эрика... первый человек, которого я здесь встретил. Именно она не дала мне снова забыться, вырвав из темноты и беспомощности. Именно об этой маленькой девушке, умеющей быть и сильной, и нежной и ласковой, я все чаще думаю с улыбкой и теплотой. И именно ради нее я обязательно вернусь домой...

Меня разбудили затемно. Наскоро перекусив и выпив по глотку воды, мы снова идём по пробуждающейся от зимнего сна степи, все дальше на запад. Горы слева стали выше, а вот деревья окончательно исчезли, сменившись кустарником, росшим на склонах, в оврагах и распадках. В сереющем небе раздался птичий крик, и мы, задрвав головы, разглядели первый возвращающийся в степь клин журавлей.

К исходу второго дня прошли, самое меньшее, восемьдесят километров. Местность не менялась, иногда вдали мелькали стада животных, несколько раз слышали волчий вой.

Очередная ночёвка, и снова в путь... Я стал постепенно уставать, настолько длинные переходы были нам с близнецами не по силам. Тор вымотался, но держался, ещё и у брата забрал часть груза. Наш проводник уже смотрел на нас с уважением — мы держались наравне со взрослыми охотниками.

Так же прошел четвертый день. Кажущаяся бесконечной степь стала более влажной, часто встречались мелкие озера и болота.

Рауг насторожился, принюхиваясь, его ноздри широко раздувались. Я тоже почувствовал неприятный запах горелого мяса и шерсти.

Охотники остановились, с минуту посоветовались, и пригнувшись, стали взбираться на склон. Так мы прошли ещё с километр, все выше поднимаясь. И вдруг наши проводники упали, прижавшись к камням. Следуя их примеру, и подползаю ближе.

Под нами, метрах в тридцати, виден вход в пещеру. Ярко пылают несколько костров, черные фигуры деловито переворачивают мясо, чтобы не подгорало. Между кострами несколько юрт, обтянутых шкурами. Из пещеры доносятся гортанные крики, но что там происходит, мы не видим. Я тихо шепчу Раугу, чтобы он взял себя в руки — бугры мышц под одеждой вздулись, тело напряжено, как струна, огромные кулаки сжаты так, что пальцы побелели. Послушался, не бросился вниз...

Лежим не шевелясь, продолжая наблюдение за захваченной стоянкой рода Черного Камня. Теперь я понял, почему его так называли — весь этот склон состоит из очень темного, изрядно выветрившегося и покрытого сеткой трещин, гранита. Одно неверное движение — и камень крошится, выдавая нас с головой.

Дикари внизу закончили готовку, и потащили мясо в пещеру. Я догадывался, что за дичь

они ели, и к горлу подступил комок. Сдерживаюсь, только зубы стискиваю покрепче. Все племя захватчиков внутри, на праздничном ужине в честь победы над неандертальцами. Снизу раздаются крики, и высокая черная фигура появляется из под нависающего карниза, таща за собой двух белых женщин. Их длинные волосы намотаны на руки дикаря, они не сопротивляются. Голые тела покрыты темными синяками и кровоподтеками. Негр пинками заталкивает пленниц в одну из юрт, и усаживается у костра. Только один противник, если, конечно в других юртах нет его соплеменников... Пришедшая мне в голову мысль кажется сумасшедшей, но ведь может сработать!

Я тихо рассказываю близнецам свою идею, а те доносят ее до Рауга. Он с сомнением качает головой, но не спорит. Мы так же осторожно отползаем от края карниза. Отходим на несколько десятков метров назад, и сбросив с плеч мешки, привязываем копыя за спины. И начинаем подъем. В этом месте горная порода выветрилась, и широкие пласты гранита нависают над входом в пещеру. Я внимательно осматриваю трещины, прикидывая шансы на успех. Наконец, я нашел то, что искал — огромный камень, больше тонны весом, едва держался, чтобы не упасть. Осторожно расчищаем склон под ним от мелких обломков, и оперевшись на древки копий, как на рычаги, все вместе нажимаем. Камень слегка отклонился, но все ещё стоит крепко. Рауг тихо рычит сквозь сжатые зубы, его мышцы вот-вот лопнут от напряжения...

И валун не выдержал. Одновременно с треском ломающегося копыя, камень качнулся сильнее, застыл на секунду в неустойчивом равновесии, и рухнул вниз, увлекая за собой другие обломки. Раздался грохот, земля задрожала, а мы бросились в сторону, уходя из под камнепада

Без потерь не обошлось, Тору ощутимо прилетело бульжником по спине, а одному из людей Рауга обломок отсушил на время руку, попав в плечо. За нашими спинами гул обвала только нарастал — туча пыли мешала рассмотреть подробности, но мы явно перестарались.

Выждав несколько минут, пока грохот падающих камней стих, мы бросились к тому месту, где был вход в пещеру. Его не было — оползень широким языком накрыл и вход, и часть склона перед ним. Крайние костры были засыпаны мелкими обломками, одна юрта раздавлена крупным валуном.

Серый от страха, ослепший от пыли негр что то кричал, выпучив глаза, но его крик сразу прервался — Рауг метнул копьё, забрав его у Тора. С сорока метров... Сила броска поражала — грудную клетку дикаря пробило навывлет, и он завалился на землю, захлебываясь хлынувшей изо рта кровью. Из юрт выскакивали чернокожие старики, старухи — и падали под ударами копий последних охотников погибшего рода. Я молча добивал раненых, близнецы страховали меня с боков и со спины. Крики ярости и боли звучали все реже, пока не наступила тишина, нарушаемая только редким стуком мелкого щебня, падающего с осыпи. Я откинул шкуру на входе, и выставив перед собой копьё, шагнул в полумрак юрты. Опасности не было — в углу прижались друг к другу недавно виденные женщины, ещё двое лежат на полу, их ноги и руки стянуты ремнями. Зову Тура, и, поручив ему развязывать и успокаивать спасённых, иду дальше. Вторая уцелевшая юрта, и ещё трое связанных пленниц, совсем ещё девчонки. Слышу крики, и, вместе с Тором, выскакиваем наружу. Второй гигант, молчаливой тенью всегда следовавший за Раугом, в исступлении молотит кулаками лежащего на земле черного подростка. Тот уже не шевелится, у него расколот череп, а ребра вмяты внутрь... Рядом лежит голая неандертальским девочка, лет десяти. Тоже мертвая... На бедрах потёки крови, руки связаны, голова неестественно

повернута, в распахнутых голубых глазах застыл ужас. Рауг набрасывает на нее сорванную со входа в последнюю юрту шкуру. Мы молча стоим, не рискуя остановить впавшего в бешенство охотника. Подошедший ко мне Рауг, тихо говорит что-то Тору, и я слышу перевод:

— Это была его дочь.

Из юрты люди Рауга выводят последнюю оставшуюся в живых женщину. Спасённые обнимают своих братьев и мужей, а я подхожу к осыпи и ложусь на склон, прислушиваясь. Из под земли слышны далекие, приглушённые крики, что то периодически обрушивается, и крики на время умолкают. Значит, внутри остались живые дикари... Впрочем, не думаю, что они смогут выбраться — осыпь рыхлая, не слежавшаяся, и стоит вытащить снизу несколько камней, как верхние тут же обрушатся вниз, снова засыпая выход. Расчистить двадцать метров сплошного каменного завала, без надёжных крепей, без железных инструментов, абсолютно безнадёжная задача

Мы обходим разгромленный лагерь кроманьонцев. Все, что может гореть, стаскивает к костру, Тор снова раздул угасшее пламя. Охотники собирают разрубленные на части останки своих погибших родичей, и сносят их в кучу, рядом Рауг, вместе с так толком и не пришедшим в себя гигантом, роют братскую могилу, разрыхляя копьями и палками каменистую почву. Тур собирает оружие дикарей, складывая возле костра уцелевшие копья и дротики.

Почти стемнело. Женщины сидят у костра, прижавшись друг к другу, им выдали большую часть провизии из наших скудных запасов. Уставшие охотники бросили земляные работы, и без сил лежат на земле, закрыв глаза. Я с близнецами сижу чуть в стороне, положив руки на копья. Время от времени слышен вой волчьей стаи, и, похоже только мы в состоянии не спать, охраняя остальных.

Перед рассветом я все таки стал отключаться, и, если бы не сменивший меня Рауг, точно бы заснул на посту. Все обошлось — волки не рискнули напасть, посчитав столь многочисленную стаю двуногих слишком опасной добычей. Я провалился в сон...

Мы стоим на рядом с невысоким холмом из камней, накрывшем останки рода Черного Камня. Тело найденной вчера девочки, разрубленные тела стариков, детей, обгоревшие в кострах и погрызенные кости — все они там, в общей могиле.

Рауг с осунувшимся от горя гигантом затаскивают на холм тяжеленный черный камень. Одна из женщин, кутаясь в грубую шкуру, снятую с разобранных юрт, склоняется над могилой, и на серых камнях остаётся последний подарок мертвым людям от живых — букет хрупких белых подснежников...

Мы идём к моему племени. Тринадцать человек остались без дома, без запасов, без инструментов. Рауг подошёл ко мне утром, и, как то виновато ссутулившись, стал говорить. Тор переводил, растерянно глядя на меня

— Дим, они все просят принять их в племя Солнца. Рауг говорит, что он хороший охотник, и его люди тоже не будут обузой. Он клянётся, что выследит и убьет любого черного дикаря, появившегося в степи рядом с Тихой рекой

Я знал, что этот разговор состоится. И, конечно же, согласился. Чем больше нас станет, тем больше у нас шансов выжить.

Обратный путь затягивался. Мы тащили с собой трофейные копья, несколько хороших крепких шкур, ровные жерди. Все остальное сожгли, покидая место разыгравшейся трагедии.

На второй день пути мы нашли ещё троих — старую, с трудом передвигающуюся женщину, и с ней двое мальчишек лет шести. Во время нападения они отошли недалеко в

степь, собирать первые побеги дикого лука. А потом, узнав о гибели всех родичей, бежали на восток, рассчитывая выйти к пещере рода Гремящей Воды, откуда была родом старуха.

Они шли очень медленно, голодные, без огня, опасаясь каждую ночь стать добычей волков. И только улыбка фортуны, словно спохватившейся и решившей хоть немного загладить свою вину перед погибшими, столкнула наш отряд с ними.

Мы не могли терять время, люди были сильно измотаны. Из жердей сделали примитивные носилки, и теперь, сменяясь, мы несли найденную женщину. Охотники смогли убить двух зайцев, опрометчиво считавших себя в безопасности на расстоянии в полсотни метров от нас. Копья со свистом рассекли воздух, и зверьки забились на земле, тонко вереща. Мясо поддержало наши силы, и к исходу шестого дня пути я узнал знакомый склон.

Мои указания были выполнены в точности — вход в пещеру завален ветвями, ни звука, ни струйки дыма... Все равно на душе было тревожно. Последнюю сотню метров я бежал, близнецы не отставали. Растаскиваем завал, дверь на месте. Громко кричу, во всю силу лёгких:

— Э — ри — кааа!!!

За дверью слышен шорох, возня, и вот плетёная заслонка отлетает в сторону, и меня едва не сбивает с ног повисшая на шее и осыпающая поцелуями лицо девчонка...

Глава 3. Сборы

*Свет от лампады, блики играют,
Ты одна.*

*И на икону с робкой надеждой
Смотрят глаза.*

*Холоден камень, здесь нет места
Для меня.*

*Слышу зов, идти готов, но зачем?
И куда?*

Группа "Catharsis", "Избранный небом"

Как нас встречали... Наверное, так встречают моряков, вернувшихся из далёкого плавания, солдат, пришедших живыми с войны, любимых после долгой разлуки. Все мои, не побоюсь этого слова, именно мои дети и подростки высыпали из пещеры, навстречу отставшей толпе людей. Секундный ступор, удивление, и радостные крики приветствуют новых членов нашего племени. Дети подхватывают поклажу, тащат ее в пещеру, подростки вчетвером заносят носилки. Эрика наконец отпускает меня, и я захожу внутрь.

В таком, казалось бы большом и просторном зале сразу стало тесно. Над очагом уже греется чай из трав, девчонки раздают всем горсти орехов, сухофруктов и куски сушёной рыбы. Уставшие после всего пережитого люди смотрят на все это слегка отрешённо, словно не веря до конца в свое спасение. Охотники разматывают пришедшие в негодность шкуры на ногах, отрывая их от растертых в кровь подошв. Женщины тянутся к огню, наслаждаясь теплом — та одежда, что мы на скорую руку для них сделали, плохо защищала от холода, и они сильно промерзли.

Нас теперь тридцать один житель. Я, уходя в поход, помнил, что запасов еды оставалось на две с половиной недели. Значит, делим пополам... Ничего, все не так уж плохо — за это время новички отправятся от стресса и слегка окрепнут, весна окончательно вступит в свои права, а там и откочевавшие на зиму стада вернутся. Теперь, имея под рукой пятерых взрослых опытных охотников, я был спокоен — голод нам не грозит.

Девчонки повели женщин отмываться, младшие дети затеяли игру в мяч, а мы с Раугом, сидя плечом к плечу, молча смотрим на огонь. Я и раньше замечал, что горящий костер иногда словно гипнотизирует этих больших, сильных людей. Даже мое сознание часто поздно спохватывалось, и я неожиданно понимал, что уже несколько минут неподвижно пялюсь на пламя.

О чем думает этот большой, уже изрядно битый жизнью, мужчина? Что пытается увидеть? Я вглядывался в сполохи огня, и они вдруг стали расти, обступая меня со всех сторон. Мир вокруг подернулся красноватой дымкой, и исчез.

... Перед моими глазами, в языках пламени по заснеженной степи брела длинная вереница людей, тянущих волокуши. Мелькали знакомые и незнакомые лица, мужские и женские, детские и покрытые старческими морщинами. Неандертальцы... Каждый раз, встречаясь взглядом с новым человеком, я словно на миг растворялся в огненном мареве. Калейдоскоп лиц ускорился, слился в сплошное мелькание образов, от которых закружилась голова.

Пламя вокруг снова сжалось до размеров костра, и я очутился в огромной, не чета

нашей, пещере. Ее свод терялся во тьме, пол со всех сторон повышался, словно амфитеатр. И на нем, освещенные бликами огня, неподвижно сидели старики. Бесконечные ряды одетых в шкуры фигур терялись во тьме. Мужчины и женщины, разные — и ещё крепкие, и иссохшие до состояния обтянутых жёлтой пергаментной кожей мумий, с длинными седыми волосами и абсолютно лысые. Они все смотрели на огонь. И на меня... Гул пламени стал громче, он накатывал волнами, словно морской прибой. И в нем я стал различать грубые, хриплые голоса людей, отдельные слова, незнакомые, но почему-то понятные и без перевода. В голове разливалась ноющая, пульсирующая боль... Внезапно мне показалось, что в языках огня на меня пристально смотрит лицо Рауга...

И наваждение закончилось. Все вокруг плыло и качалось, я лежал на полу родной пещеры, рядом на коленях сидела Эрика и била меня по щекам, что-то крича сквозь слезы. Охотник, раньше сидевший рядом со мной, тоже каким то образом очутился на полу, и теперь силится подняться, ошалело мотая головой и пытаюсь прийти в себя. Кожа на его руке распорота до локтя, по ней тонким ручейком стекает кровь.

Вокруг собралось все мое племя, люди вокруг кричали и спорили, с тревогой глядя на нас. Вот тебе и посидели у костра... Я раньше не верил в мистику, но сам факт того, что нахожусь в этом времени, в теле представителя другого вида людей, сильно пошатнул мои представления о мироустройстве.

Если рассуждать логически, огонь вполне может вводить неандертальцев, предрасположенных к этому, в состояние некоего транса или гипноза. За двести пятьдесят тысяч лет, что эти люди прожили на Земле, они вполне могли развить в себе экстрасенсорные способности. Теперь мысль о том, что я видел других людей, смотрящих в это время на огонь, и они меня не только заметили, но и пытались что-то сказать, уже не казалась такой безумной.

В будущем Вернадский предложит теорию ноосферы, как высшую форму развития биологического вида. Сейчас я воочию увидел ее древний, навсегда утраченный людьми вариант в виде информационного поля, охватывающего огромную территорию — стариков в неандертальских семьях выживало немного, а в той пещере из видения их были сотни... Как бы это были не все, умеющие входить в такой транс.

Нужно вставать, нечего пугать Эрику. Да и не должен глава племени вот так валяться на земле, вон, Рауг уже поднимается. Меня еще пошатывает, но головная боль стихает.

— Дим почти ушел к Предкам, в Первую Пещеру. Рауг успел его удержать на пороге.

Голос охотника звучит хрипло, ему тоже нехорошо.

— Ты должен был умереть. Только пережившие много зим люди, с белыми волосами могут заходить в это место.

Близнецы по привычке переводят, но я осознаю, что и без этого понимаю все, что сказал Рауг. Останавливаю их, и склоняю голову.

— Я благодарю тебя, Рауг. Дай мне руку.

Лена уже принесла воду и полоски кожи. Тщательно промываю рану, нанесённую не самым чистым ножом, и слегка стягиваю руку гиганта жгутом.

— А теперь садись и рассказывай все, что знаешь о Пещере Предков.

Опасливо косясь на языки вновь ставшего самым обычным пламени, возвращаюсь на прежнее место. Бледный от потери крови охотник удивлённо смотрит на меня. Да, я сказал все это на его родном наречии. Вокруг раздаются такие же удивлённые возгласы.

— Нельзя просто так говорить через духов огня. Если заходить туда часто — люди или

умирают, или навсегда остаются неподвижными.

Выходит, такой транс очень опасен для здоровья...

— Я знаю не много. Только то, что Таук, самый старый человек нашего рода, умел ходить в Пещеру Предков, и духи огня его не трогали. Каждый раз, перед тем как садиться и всматриваться в огонь, он наносил себе вот такую рану, и ждал, пока не вытечет много крови.

Хм... что-то в этом есть. Кровопускание снижает артериальное давление, предохраняя от инсульта и паралича? А ведь у неандертальцев ещё и свёртываемость крови была на высоте. Полезное качество для воинов и охотников, вот только и риск тромбоза возрастал многократно.

— Почему только старики могут посещать Пещеру Предков?

Ясно, что шаманом не может быть подросток, это ведь и вопрос авторитета. Но только ли в этом дело?

— Я не знаю, Дим. Очень редко молодые люди пытались вот так, как ты сейчас, повторить путь стариков. И ни одному из них это не удалось. Дим, ты говорил, что уже умирал. Ты в прошлой жизни был стариком?

Не был, конечно, неполных сорок лет это ещё не старость. Хотя... Сколько сейчас живут эти люди? Генетики считали, что совсем немного. Тяжёлые условия жизни, недостаток витаминов, болезни, стычки с животными и, как я убедился, кроманьейцами сокращали их возраст до 20–25 лет. И их "старикам" могло быть и не больше сорока...

— Да, Рауг. Но это не помогло мне. Расскажи, что ты видел в Пещере?

Охотник морщится, ему явно не хочется вспоминать об этом.

— Я успел увидеть немного, Дим. Ты стоял у костра, растерянный, озирающийся по сторонам, и к тебе со всех сторон тянулись струйки тумана. Или дыма, не знаю. Они хотели тебя удержать там. Навсегда.

Голоса я слышал, это про них он мне сейчас рассказывает? Ещё раз благодарю охотника за помощь. Внезапно он осматривает собравшихся, и, не найдя того, кого искал, громко кричит в глубину пещеры:

— Ари-Ка! Ари-Ка!

К нам шаркающей походкой подходит та самая старуха, что спасла мальчишек. Теперь и я вспомнил ее имя. "Быстрая", вот как оно переводится. Не могу сдержать улыбку, сейчас это имя ей совершенно не подходит.

— Расскажи Диму, почему ему и мне нельзя было соваться в Пещеру Предков.

Рауг с облегчением заканчивает разговор, и встаёт с места, как раз Слав кричит, что душевая свободна. Он ещё в прошлый раз оценил эту идею с купанием, но воспользоваться не успел.

Напротив меня садится Арика. Пытаюсь определить ее возраст — на вид далеко за пятьдесят. Лицо изрезано морщинами, длинные, до пояса седые волосы, ещё не связанные после купания в хвост, рассыпались по плечам, скрывая фигуру. Она мелко дрожит, словно от холода. И только потускневшие, бледно-голубые глаза смотрят цепко, внимательно.

Старуха не отвечает. Протягивает руки, сжимает ладонями мои виски, и закрывает глаза, к чему то прислушиваясь. Я не двигаюсь, молча жду, чем все закончится. Наконец, Арика отпускает меня.

— Дим, сегодня тебе повезло. Духи огня не успели изменить тебя здесь, — ее сухая, морщинистая ладонь проводит по моей голове справа, у виска. — И здесь — тот же жест,

теперь слева.

Вот значит как... Такие прогулки могут вызвать изменения сосудов, скорее всего их разрывы. Вот и причина, по которой эти древние люди резали себе руки.

— Когда человек становится таким — старуха указывает на себя, здесь, — ее палец указывает на голову, — многое меняется. И духам огня уже очень трудно навредить.

Возрастные изменения головного мозга? Неандертальцы были не только гораздо массивнее кроманьонцев, их мозг тоже был намного большим. Значит, со временем в нем либо формируется некая область, ответственная за вхождение в транс и частичную телепатию, или наоборот, исчезают слабые участки, особо уязвимые к перепадам кровяного давления.

— Арика, ты ведь ходила туда, в Пещеру Предков?

Вместо ответа женщина поднимает руку, и я вижу десятки длинных шрамов, тянущихся от кисти до локтя.

— Зачем?

— Чтобы они, — старуха показывает на снова взявшихся за мяч детей, — чтобы они жили.

Странный ответ. Подумав, захожу с другой стороны:

— Арика, ты видела там других людей?

А вот теперь ее проняло. Женщина хватается меня за руку, ее голос дрожит от волнения:

— Да, Дим. Они такие же как и я. Их немного, всего четыре руки. Что они сказали тебе?

— Я разобрал только "кто ты?", "говори" и "уйди быстрее" — пожимаю плечами

— Они поняли, что ты попал в Пещеру по ошибке... Или ошибки не было?

Старуха явно растеряна. И ещё — четыре руки, это двадцать. Всего лишь двадцать... А я видел сотни стариков.

— Те люди, все четыре руки, они живут рядом?

Арика грустно улыбается.

— Нет, Дим. Многие из них живут так далеко, что никто из охотников рода Черного Камня никогда их не видел. И даже род Выдры, живущий возле большой реки, далеко по левую руку от солнца, никогда их не видел. Только своего энноя.

Еще новая информация... Где то на севере у большой реки живёт семья людей. Большая река — Днепр? Только он подходит под это описание.

Значит, двадцать стариков, умеющих общаться таким вот странным способом, рассеяны по всей Европе. Но кого тогда я видел за их спинами?

— Арика, если все сделать правильно, — указываю на шрамы на ее руке, — я смогу поговорить с ними?

— Да, Дим. Так ты сможешь.

— А ты... ты пойдешь со мной?

Старуха отрицательно качает головой

— Предки уже рассказали мне все, что нужно. Не стоит их тревожить попусту.

Арика нахмурилась, вспоминая что-то неприятное, и, подымаясь, произнесла:

— И ты, Дим, не тревожь их сейчас. Подожди пока луна снова станет такой же, как сейчас. Племени Солнца нужен сильный вождь.

За разговором время пролетело незаметно. Дети, наигравшись, уже спали. Приглушённые голоса вокруг стихали, люди устраивались на ночлег у костра, в пустующих ранее нишах. Я тоже не стал бороться со сном. Племя Солнца, пережив не самые простые

дни, спокойно спало ...

Новый день выдался ясным и солнечным. Люди собрались вокруг пещеры, наслаждаясь весенним теплом. В небе то и дело кричали стаи птиц, с шумом садившихся на вздувшуюся от талой воды реку.

Охотники осматривали и поправляли наконечники копий, сидя на камнях у входа. Рядом взрослые женщины чинили одежду, пытаясь хоть как то придать расползающимся тряпкам и грубым кожаным полотнищам нужную форму. Девчонки с детьми разбрелись по склонам, выскивая первые листочки черемши, одуванчиков и щавля. А моя личная гвардия — близнецы и переставший хромать Дар, стояли рядом, и жаловались на свою нелегкую судьбу.

Да, они ведь Охотники — именно так, с большой буквы. А Рауг со своими людьми только улыбается, когда слушает их рассказы о ловле сурков. Вот, помнится, один вождь обещал им охоту на бизона...

Смотрю в умоляющие глаза, и едва сдерживаю смех, вспоминая кота из мультика о зелёном людоеде.

— Будет вам охота. Но только так, как я скажу.

Парни довольны, и подражая старшим, начинают осматривать копья. А я задумался, как выполнить данное им обещание.

Бизоны — для удобства так окрестил этих огромных, горбатых, покрытых густой темно-коричневой шерстью, быков — уже вернулись. Вдали, за рекой бродило небольшое стадо в три десятка голов. Наш берег реки, более высокий, уже практически высох, а вот степь на сотни метров превратилась в мелководное озеро. Значит, на водопое подловить их не получится. Травы ещё мало, животные питаются сухостоем. Можно попытаться привлечь их зелёными побегам, но ведь не подпустят они к себе близко человека.

Значит, нужна ловушка. Силки отпадают сразу — ни одна наша веревка не выдержит рывок полутонной туши. Остаётся только ловчая яма. Глубокую яму мы не выроем, слишком много сил на это уйдет. А вот если выбрать метра полтора-два грунта, да вбить в дно крепкие острые колья, то с такой ловушкой мы управимся за три — четыре дня.

В действительности работа предстояла адская — без лопат, рыхля влажную глинистую почву копиями и палками, мы провозились пять дней, с утра до вечера выгребая землю руками. И это ещё мальчишки мешками таскали ее в сторону, разбрасывая по степи, а Рауг с другими охотниками нас охранял, посмеиваясь над чумазыми землекопами.

Близнецы и Дар терпели, хотя так и не поняли, для чего их вождю понадобилось рыть большую яму. Тор, самый вспыльчивый, едва сдерживался, слушая подначки. Как бы то ни было, яма была завершена, острые колья вбиты, и мы приступили к перекрытию. Тонкие жерди накатом, затем куски срезанного в стороне дерна. И последнее — охапка свежей травы, щедро посыпанная солью. К ней ведёт дорожка из рассыпанной зелени.

Мы вернулись к пещере ещё засветло, теперь оставалось только скрестить пальцы на удачу и ждать.

Между тем, быт потихоньку налаживался. Я поручил детям обучать новичков русскому языку, да и сам активно помогал им в этом, заменяя неандертальские слова в разговорах на русские. Снова стали устанавливать верши, но пока результата не было, вся рыба ушла на нерест к заросшему камышом и тростником противоположному берегу. Эх, лодку бы сейчас...

Небольшой ручеек съедобной зелени стал отличным подспорьем. Рауг собирался идти

на охоту, как только спадет вода в реке. Как я понял, они окружали стадо, криками и зажженными факелами гнали животных к реке, где в засаде находились копейщики. Пока бизоны, сбившись в кучу, разворачивались, охотники успевали ранить одного или, если сильно повезёт, двоих быков. После этого оставалось шагать за добычей, иногда долго сопровождая раненого зверя по степи, дожидаясь пока он не упадет без сил и позволит себя добить. Этот способ упрямый неандерталец считал единственно верным, и заявил, что пока сам не увидит убитого нами бизона, не поверит, что мы копали яму не зря.

Эрика вместе со старыми и новыми подругами разделили пустующие ниши. Теперь у нас было пятеро семейных пар — двое охотников, чьих женщин убили африканцы, взяли себе оставшихся без мужей женщин. Им досталось по отдельной "комнате". Молчаливый гигант Гер, лишившись жены и дочери, поначалу ходил хмурый, но сейчас постепенно оттаивал. Арику поселили вместе с младшими девчонками, а троих сверстниц Эрики — в последнюю из свободных ниш, там же спали и она с Ирикой. Мальчишки, близнецы, Дар и я спали у костра.

Не хотелось тратить силы, расширяя пещеру — если все сложится, как задумано, мы покинем ее через год. А сейчас все силы нужно тратить на подготовку к переходу.

Да, я все таки решил уходить из Крыма на север, в Донецкие степи. Полуостров мог превратиться в большую ловушку, вырваться из некоторой можно будет только морем. Но тогда ни о какой подготовке не будет идти и речи, жизни бы сохранить...

А готовиться нужно основательно — новая крепкая одежда, запас пищи хотя бы на первое время, временное жилье, оружие и стройматериалы — все это нужно туда как то доставить. Я часто вспоминал бредущих по степи людей, впряженных в волокуши, что привиделись мне в отблесках пламени. Что это было? Ни Рауг, ни Эрика не знали ответа. Может, это были мы? Но почему тогда я не узнал большинство из них?

Устав ломать голову над этими вопросами, я задумался о транспорте. Несколько тонн груза нужно переместить на полтысячи километров... Волокуши и правда были идеальным решением. Даже простейшие колеса я сделать не мог — не было нужных инструментов, каменные топоры для этого не годились. А тут простейшая конструкция, главное, найти для полозьев крепкие деревца. Идти придется по снегу, зимой. В степи мы не найдем деревьев, а это означает ещё дополнительный груз в виде топлива.

И еще было одно важное дело — поисковые экспедиции. Нужно обследовать побережье на восток, пока не упремся в пролив, в будущем названный Керченским. Где то там жили ещё три совсем небольших рода неандертальцев. Пройти на запад, где за уничтоженными стоянками Гремящей Воды и Черного Камня обитал большой и сильный род Острых Копий. И, наконец, перейти невысокую гряду холмов у нашей пещеры, и обследовать южное побережье полуострова. Что там находится, не знал вообще никто из моих людей.

Прошли сутки, когда в пещеру вбежал Вит с пришедшим недавно мальчишкой. Дети по прежнему наблюдали за окрестностями с высоты, и теперь, явно разглядев что-то интересное, перебивая друг друга, пытались это рассказать:

— Дим, пришли бизоны. Много, большое стадо!

Это не новость, большие быки и раньше подходили почти вплотную к противоположному берегу.

— Дим, один бык упал и не встаёт! Там, где вы копали яму!

— Он не идёт за остальными!

А вот это здорово! Кричу близнецам и Дару, чтобы быстро собирались на охоту. Рауг

тоже собрал своих охотников.

Не прошло и пяти минут, как мы бежали вдоль реки, к броду. Нужно спешить, пока нашу законную добычу не перехватили хищники. Наконец, мы переходим реку, и возвращаемся назад, по другому берегу. Ещё издали замечаем быстрые серые тени, кружащие у упавшего на ноги, но ещё живого быка. Волки ...

Стая небольшая, десяток крупных зверюг. Они не спешат набрасываться на бизона, обходят его со всех сторон, иногда наклоняя голову к земле и слизывая с нее плохо впитывающуюся кровь. Бык серьезно ранен, в его бок снизу вошёл заострённый кол, вырванный из земли. Кровь течет не останавливаясь, собираясь в лужу...

Рауг отводит в сторону руку, и метает копьё в ближайшего зверя. Мы повторяем броски и, крича во всю мощь лёгких, бежим на потерявшую сразу половину состава, стаю. Да, я промахнулся, как и близнецы... Дар попал хищнику в заднюю лапу, раздробив кость. Звери отбегают, злобно скалятся, рычат, но не решаются напасть. Вожак убит, их раненые товарищи скулят, дергаясь на земле — и оставшаяся четверка волков разом разворачивается и уносится в степь. Ещё долго мы слышим обиженный вой с той стороны...

Тор подходит к лежащему бизону. Огромный, до тонны весом, зверь хрипит, из пасти свисают нити розовой слюны. Он уже не может встать, силы покидают его. Парень примеривается, и наконечник копья пробивает глазницу, поражая мозг. Бизон жалобно ревет, и, дернувшись в последний раз, затихает. Все, охота закончена, вот она, добыча ...

Близнецы растерянно смотрят то на тушу быка, то на меня, то на подошедшего Рауга. Они ожидали совсем другого, а тут один удар копьём, и все — вот он, казавшийся таким грозным и неуязвимым, бык уже мертв. Рауг тоже потрясен. Он присел на корточки, внимательно осматривая засевший в туше кол, затем встал и подошёл к нам.

— Дим, я признаю, что был не прав. Вы все, — он обводит нас рукой, — настоящие охотники.

Близнецы заулыбались, Дар тоже весело скалится. Ну и я, сбросив с себя важный вид, улыбаюсь, беру широкую ладонь Рауга, и крепко сжимаю ее...

Разделка добычи заняла весь день. Сначала сняли шкуры с убитых волков, добив раненого. Нагрузив ими Дара, отправили его к пещере. Рауг с остальными приступили к снятию шкуры с бизона, а я, найдя подходящий камень, выбил клыки хищников. Нужно ведь и остальным охотникам племени сделать ожерелья...

Восемь мужиков едва дотащили добычу к дому. Разожгли ещё два костра, прожаривая и подсушивая нарезанное лентами мясо. Племя трудилось до глубокой ночи, потратив все запасы соли. И только под утро, оставив самых стойких следить за кострами, мы смогли заснуть.

Следующие три дня все отдыхали, обедаясь жёстким, суховатым, но от того не менее вкусным шашлыком. Я поражался тому, сколько мы могли съесть за раз, если в пище не было недостатка. Выводы генетиков из будущего подтверждались — своеобразный метаболизм неандертальцев помогал им выживать, когда неделями род жил впроголодь, ожидая удачную охоту. Но вот когда эта охота завершилась успехом...

Впрочем, всему приходит конец, и я властью вождя мобилизовал всех на новое строительство. Пока огромная, тщательно выскобленная шкура бизона сохла, растянутая на ветвях, нужно сделать несколько небольших бассейнов, все из тех же камней, обмазанных глиной. Параллельно выпаривался раствор золы, накапливая щелок, в нем мы позже и замочим шкуру на несколько дней, чтобы убрать мех и получить прочную кожу. Останется

промыть ее, сменить раствор на отвар ивовой коры, и, выдержав ещё немного, натереть жиром.

Мне понравились юрты кроманьонцев, и, немного усовершенствовав эту конструкцию, их можно будет использовать для временного жилья на новом месте. А для этого нужны ещё бизоны и их шкуры...

Взрослые охотники сами вызвались восстанавливать яму — ловушку. Новый способ охоты захватил их воображение, они уже в мечтах видели все стадо в виде вкусного жаренного мяса. А мы с Раугом и Гером, отправились за солью. Оба гиганта свободно унесут в два раза больше, чем любой из нас, этим и нужно воспользоваться!

На побережье ничего не изменилось с прошлого раза, разве что горы выброшенных зимними штормами водорослей стали больше. Быстро наполнив мешки солью, мы решили осмотреться внимательнее. Спустились к воде, и, двигаясь вдоль линии прибоя по каменистому пляжу, прошли на юго-запад около пяти километров. За спиной местность повышалась, все чаще холмы и невысокие горы уступами подходили к самому берегу. Наконец, мы остановились — дальше не пройти. Впереди сплошной лабиринт каменных обломков, за ними в море спускаются настоящие скальные утесы.

Я уже собрался разворачивать наш отряд в обратную дорогу, когда Гер что то заметил среди нагромождения валунов. Охотник насторожился, и выставив вперёд копьё, стал медленно подходить к узкой расселине между скал. Рауг указал мне на отпечатки человеческих ног. Совсем крохотные, детские, они цепочкой исчезали в темноте этого природного лаза. Мы остановился у входа, и я громко прокричал

— Выходи! Мы тебя не тронем!

Тишина... Прошла минута, другая, и до нас донёлся приглушённый детский плач. Поняв, что обнаружены, к нам, боязливо озираясь и щурясь от яркого света, вышли трое. Сгорбленный мужчина, неандерталец, с седеющими рыжеватыми волосами, сжимающий в руках обломок выбеленного морской водой дерева. И темнокожая женщина. Стройная, с правильными чертами лица. На руках держит испуганно притихшую девочку, малышке вряд ли больше двух лет. Ее кожа темная, словно кофе с молоком, огромные глаза карие, волосы медно — рыжие. Непривычное сочетание. В будущем давно заметили, что дети, родившиеся от разных рас, часто очень красивы. В каменном веке дела обстояли так же.

Гер напрягся, поднимая копьё. Мужчина напротив крепче перехватил свою дубину, шагнул навстречу, загораживая собой свою женщину и ребенка ...

— Стой!

Я крепко сжимаю плечо гиганта, чувствуя, что если он не подчинится, мне его не удержать

— Здесь нет врагов! Ты хочешь сражаться с детьми? — указываю на разревевшуюся от страха девочку.

— Или с женщиной?

Неандерталец молчит, но взгляд отводит.

— Она из рода убийц!

— Ты ее видел с ними? С теми дикарями, что уничтожили твой род? Она уже несколько зим живёт здесь! Отвечай!

Мой голос срывается на крик. Гер отбрасывает копьё в сторону, и, молча развернувшись, отходит к морю. Я могу его понять, совсем недавно похожие люди лишили его семьи. Но и убивать всех подряд тоже не выход. Пусть обдумает все и успокоится.

— Мы не враги тебе!

Старый неандерталец смотрит недоверчиво, но, не видя больше ни у меня, ни у так и простоявшего все это время рядом Рауга, поднятого для атаки оружия, опускает свою дубину

— Кто вы?

Его голос звучит хрипло, мужчина словно пытается на ходу вспоминать слова. Похоже, не часто он здесь разговаривал...

Через час расспросов, я выяснил, что это семья отшельников. Мужчину звали Ант, и он жил отдельно от изгнавшего его много зим назад, рода Гремящей Воды. Что там произошло, я так и не понял. Толи он с главой рода рассорился, то ли со всеми охотниками сразу. С тех пор он жил на побережье, в этой норе среди скал. Собирал устриц, ловил рыбу, наловчившись бить ее копьем. Иногда он переплывал нашу Тихую реку, впадающую в море, и охотился на коз.

Я впервые видел неандертальца, не только не опасавшегося лезть в воду, но и умевшего плавать. Это ценный навык, особенно если он сумеет его передать другим.

Его женщину звали Нгеп, она была кроманьонкой. Странно, но она вовсе не походила на двоих африканцев, что мы видели раньше. Те были классическими неграми — иссиня-черными, с выпяченными толстыми губами, широкими носами и курчавыми, словно баранья шерсть, волосами. Нгеп, если не обращать внимание на смуглую, почти коричневую, кожу напоминала скорее европейцев. Так в мое время выглядели жители Эфиопии. Она говорила ещё хуже Анта, часто замолкая и не зная нужных слов.

Ее история была совсем простой — она отбилась от своих, увлекшись сбором съедобных растений, и заблудилась, когда ее племя шло через эти земли на север. Почему ее не смогли найти — не ясно, обычно охотники легко распознают свежие следы. Так она вышла к морю, где встретила Анта. И осталась с ним...

Я обдумывал полученную информацию. Этих людей нужно забирать, однозначно, они будут полезным приобретением для моего племени.

— Ант, я вождь племени Солнца. Не так давно мы победили большой отряд черных диких людей, пришедших на эти земли, и успевших полностью уничтожить и твой бывший род, и его, — указываю на бродившего по берегу все ещё взвинченного гиганта. Черные люди придут снова, их будет прибывать все больше, и они убьют всех нас, если мы будем жить отдельно.

Мужчина слушает, оперевшись на свою дубину. Нгеп, отвернувшись, кормит грудью девочку.

— Я хочу, чтобы вы пошли с нами. Вы станете частью племени Солнца, и мы сможем вас защитить от любой опасности.

Ант задумался, хмуря лоб. Обнял за плечи женщину, и что то ей говорит, на незнакомом мне наречии. Язык кроманьонцев?.. Нгеп не спорила, согласно кивая головой.

Мы отошли подальше, не мешая им решать свою судьбу. Гер сидел на берегу, уставившись на далёкую линию горизонта. Рауг присел рядом с ним, втолковывая в упрямую голову мысль о том, что Ант и Нгеп — не враги.

Оставшись не у дел, я занялся сбором красивых перламутровых ракушек, нужно пополнить запас материала для изготовления статусных вещей. Вскоре ко мне подошёл седой неандерталец, и протянул мне свою дубину рукояткой вперёд.

— Ант отдает тебе свое оружие. Ант отдает тебе свою жизнь. И их жизнь.

Правильный выбор. Принимаю эту палку, киваю, подтверждая заключённый только что

договор, и, вернув оружие владельцу, указываю в темноту расселины

— Бери с собой самое ценное.

Мужчина кивает, и исчезает среди камней. Вскоре он вытащил свёрток с искусно вырезанными из кости зазубренными наконечниками, две козлиные шкуры и небольшой мешочек с мутными, похожими на плохое стекло, камушками. Верчу в руках один из них — кварц, с примесями, розоватого оттенка.

— Зачем они тебе?

— Красиво, для них... — Ант смущённо улыбается, указывая на свою женщину и дочь

И снова он меня удивил. Украшения каменного века, надо же ... Впрочем, мои девчонки тоже любили цеплять на одежду и вплетать в волосы цветы, так что тяга к прекрасному неандертальцам совсем не чужда. Возвращаю камешек владельцу, и мы собираемся в путь.

Гер подходит к слегка напрягшейся Нгеп и Анту, и, выставив перед собой пятерню, улыбается и коротко произносит

— Друг.

Все, конфликт, так и не успев разгореться, исчерпан.

Солнце уже склонилось к закату, когда мы, тяжело нагруженные солью, подошли к ставшей уже родной пещере.

Нас встречали, из освещённого пламенем костра входа тянулся приятный запах готовящейся еды. Люди тепло приняли Анта с семьёй, и Нгеп, поначалу испуганно прижимавшая к себе дочь, расслабилась.

Нас стало тридцать четыре...

Весна окончательно вступила в свои права, деревья окутались белыми и розовыми облаками цветов. Река вернулась в свое русло, мальчишки таскали все больше рыбы и раков. Рауг, взяв с собой Тора с братом, Дара и пару своих охотников, все же провел охоту по всем правилам — и теперь ещё одна шкура бизона, распятая на ветвях, украшала окрестные кусты.

С увеличившимся потоком провизии нужно было что-то делать, и я построил коптильню. Для начала вырыл яму на манер североамериканских индейцев, с примыкающим к ней рукавом для доступа воздуха. Выложил стенки топочной камеры, долго подбирая подходящие камни, чтобы сформировать арочный свод, и тщательно замазал глиной. От нее прокопал второй тоннель, около двух метров длинной, на уровне почвы, и закрыв его сверху накатом мелких палочек, загерметизировал. По нему горячий дым будет направляется непосредственно к продуктам, попутно очищаясь от вредных примесей и токсичных продуктов горения. Дымоход завершался вершиной строительной мысли каменного века — высокой башней из скреплённых все тем же глиняным раствором камней. Внутри эта постройка была полый, сверху к перекрещенным палкам цеплялись гирлянды мяса и рыбы, свободно свисающие до самой земли. Венчала конструкцию широкая плоская каменная плита.

Через два дня, когда глина подсохла, мы разожгли огонь, и вскоре первая партия продуктов отправилась коптиться. Процесс длительный, но и хранится потом такая еда три — четыре месяца.

Эрика по секрету шепнула, что три женщины беременны, и осенью нужно ждать пополнения наших рядов. Новость хорошая, вот только как младенцы перенесут намеченный на зиму переход? Впрочем, все решается — теплой одеждой и сытной едой мы будем обеспечены, не замёрзнут.

Все дрова и хворост вокруг были высобираны до последней палки, и теперь за ними

приходилось отходить далеко, за пару километров. Мужчины, вооружившись каменными рубилами, уничтожали все окрестные заросли кустарников. Видя это, заранее отметил молодые ровные берёзки вырезав на белой коре значки в виде солнца. Из них я рассчитывал сделать полозья для волокуш. Племя превратилось в настоящий муравейник — к пещере тащили дрова, глину, песок, у входа непрерывно пылали костры. В одних глиняных горшках варилась еда, в других, побольше — выпаривались растворы для кожевников, готовилось мыло. С приходом лета работы стало ещё больше — дети собирали стебли крапивы, охапки съедобных и лечебных трав.

А я решил, что пора продолжить исследование полуострова. Сначала — посетить дальний мыс, и уговорить перебраться к нам три небольшие семьи. Они несколько лет не приходили на общий сбор, но ещё год назад, незадолго до моего появления в этом мире, их стариков встречали в степи охотники. Предстояло пройти всего сотню километров, и я собирался управиться за неделю.

С собой взял только Гера и Дара, остальные мужчины оставались с племенем. Я боялся очередной волны мигрантов из Африки, которые вполне могли прийти с севера. В путь мы отправились налегке, взяв совсем немного еды. За это время я ещё больше раздался в плечах, постоянные физические нагрузки не давали накопиться жиру, мышцы налились силой. Дар тоже не отставал, и даже на фоне гиганта Гера выглядел вполне весомо. Поэтому, перейдя реку вброд, мы уже несколько часов бежали вниз по течению, иногда, отдыхая, переходя на шаг. Вскоре миновали устье Тихой, и справа потянулось широкое песчаное побережье Черного моря. За день преодолели больше пятидесяти километров.

Семьи, к которым мы направлялись жили не на самом мысу, а немного севернее, вырыв в склонах двух параллельных оврагов неглубокие то ли норы, то ли землянки. Местность там заметно понижалась, и, хотя рек и не было, но вот мелких пресных озёр — в достатке. Я не рискнул срезать путь, боясь промахнуться в этом тростниковой лабиринте, поэтому мы продолжили поход до самой восточной части Крыма, к мысу, в будущем названному Фонарь. Иногда невысокие скалы скрывали степь, но полоса прибоя была ровной, и к вечеру второго дня мы были на месте.

Заночевать решили тут же, на широком и выступающем далеко в море участке суши. В будущем он был в несколько раз меньше... Уже в сумерках я нашел на берегу обломки костяного гарпуна, свежие, ещё не занесённые песком. Значит, мы на верном пути, и люди здесь есть. Лежа у костра, я смотрел на серебристую лунную дорожку, протянувшуюся через непривычно узкий и мелкий Керченский пролив, больше похожий на реку. Сильное течение несло темную массу воды из обмелевшего Азовского моря в Черное. Сейчас его подпитывает лишь Дон, не давая исчезнуть полностью.

Как же пустынно кругом! Противоположный берег был темный, ни огонька костров, ни отсвета факелов. Только яркие звёзды отражались в морской воде...

Наутро мы, перекусив, пошли на северо-запад, отойдя от Азовского побережья на пару километров. И вскоре вышли к искомой стоянке, заметив дымки между скалистых холмов. Нас встретили спокойно, с достоинством. У костра на охапка сухой травы сидел очень старый неандерталец, больше похожий на мумию, чем на живого человека. Рядом с ним стоял взрослый мужчина, опираясь на тонкое древко остроги. И ребенок, мальчишка лет шести, насторожено рассматривающий гостей.

После обмена приветствиями и демонстративно убранного оружия, завязался разговор. Слова иногда немного отличались от тех, что я знал, но смысл сказанного все равно не

терялся. Их осталось только трое. Мать этого мальчишки умерла при родах осенью, так и не подарив семье второго ребенка. Живущие рядом тоже понесли потери — этой весной два молодых парня утонули, пытаясь добыть рыбу в шторм. Оставшиеся без своих мужчин женщины и годовалый ребенок голодали, перебиваясь сбором трав в степи. Иногда с ними делились уловом — сейчас добычи стало больше, и Канг, как звали мужчину, относил часть рыбы соседям.

Старик молчал. Он сидел с закрытыми глазами, покачиваясь из стороны в сторону. Мне казалось, что его сморщенное, высохшее тело, сейчас унесет порывом ветра.

— Канг, скоро на эти земли придут черные люди. Ты, твой ребенок им не нужны. Вас убьют. Может, съедят, как зверей.

Мужчина замер, уперев в меня тяжёлый взгляд.

— Я зову вас всех в свое племя. Мы собрали уже многих людей, и мы достаточно сильны, чтобы отбиться.

Канг молчал. Он хотел основать свой собственный род, потому и ушел с двумя братьями и доживающими свой век родителями сюда. И тут ему говорят, что все, он теперь не больше, чем добыча для черных охотников.

— Дим...

Скрипучий, надтреснутый голос заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Я ведь так и не назвал свое имя.

— Дим, подойди ближе...

Старик так и не открывал глаза, но теперь повернулся в мою сторону.

— Ты ведь был там, в пещере предков. Я видел тебя, там мои глаза все ещё видят свет.

Выполняю просьбу, и приседаю на корточки напротив. Это уже интересно...

— Ты не узнаешь меня, да, не узнаешь... Ты был растерян, и я кричал тебе, чтобы ты уходил. Ты нужен людям, Дим... Уведи из отсюда, и сам уходи. Настоящих людей осталось слишком мало, наше время уходит...

Старик открывает глаза, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не отшатнуться. Пустые бельма глаз неподвижны, но он как-то видит меня!

— Я видел тех, о ком ты говорил, черных людей. Там, в пещере, предки показали мне то, что будет. Их слишком много, и они идут все дальше, чтобы не быть убитыми своими же сородичами в борьбе за еду, женщин, лучшее место у костра... Они уничтожат весь этот мир, когда им некуда станет идти. Духи огня зажгут солнце среди этой степи, в последний раз... И тьма поглотит их вслед за нами.

А ведь прав этот дед, не выжил он из ума, как может показаться на первый взгляд. Там в будущем есть все, что он сказал — перенаселение, войны из-за жадности и амбиций горстки преступников, считающих себя избранными. Мы вышли в космос, но по-прежнему мало чем отличаемся от своих далёких предков... Духи огня зажгут солнце среди этой степи... Он это серьезно?

— Старик, прости, не знаю твое имя. Ты говоришь об этом солнце?

Я указываю рукой в голубое летнее небо.

— Нет! Смотри!

Руки, тонкие, одни кости, обтянутые покрытой старческими пятнами жёлтой кожей, неожиданно железной хваткой сжимают мне виски, притягивая голову ближе. Смотрю прямо в застывшие навсегда слепые глаза, и в мозгу появляется картина, которую из всех людей, находящихся сейчас на планете, раньше видел только я, да и то на видео.

... Яркая точка падает с небес на землю, и все тонет в ослепительно-белой вспышке. Когда свет становится слабее, проступает чудовищное грибовидное облако...

Я поежился, словно теплый степной ветер вдруг превратился в ледяную вьюгу. Старик отпустил меня, и вытер текущую из носа кровь ладонью.

— Ты увидел, Дим. А теперь уходите. Все.

Поднимаюсь, перевожу взгляд на Канга. Тот склонился над стариком, набросил на его острые плечи шкуру, обнял. Мальчуган тоже прекратил ковырять палкой землю, подбежал, уткнулся лбом в грудь деда.

Я покосился на Гера:

— Мы донесем его к нашему племени?

Тот молча кивает. Мне неловко, я чувствую свою вину в том, что старик мне показал. Может, это мой старый мир поглотила вспышка атомного заряда? Я мог только гадать, что случилось там после моей смерти. Тогда все висело на волоске, ведущие мировые державы готовы были вцепиться друг другу в глотку. Все могло случиться...

— Канг, ты пойдешь со мной?

Мужчина выпрямился, отрицательно покачал головой.

— Я останусь с ним.

— Мы сможем нести его, Канг. Нас четверо, справимся.

— Он не выдержит поход, Дим...

Да, он, скорее всего, прав — старый неандерталец очень слаб. Вот и сейчас он снова застыл, уставившись на огонь. Глаза его так и остались открытыми. Мальчишка вдруг отстранился, всмотрелся в неподвижное лицо, снова приник к покрытой редкими белыми волосами груди, прислушиваясь. И, ничего не услышав, заревел, бросившись к отцу. Оставшись без опоры, мертвый старик медленно завалился на бок...

Мы все же смогли уговорить Канга с сыном и живущих рядом с ними женщин идти с нами. Шли молча, подавленные случившимся. За нашей спиной, в безымянном овраге осталась одинокая могила...

Прошло две недели с того памятного похода. Около нашей пещеры, ставшей слишком тесной, поставили первую юрту. Ночи были по летнему тёплыми, и я с частью охотников перебрался в нее.

Теперь весь склон холма вокруг был очищен от кустов и деревьев, посадили только плодовые. Груды дров и хвороста сохли рядом с входом, топлива катастрофически не хватало. Несколько шкур бизонов пополнили наши запасы. Ант по моей просьбе, водил целую толпу детей и подростков к реке, обучая их плавать. Новые члены племени влились в наши ряды, и наравне со всеми включились в работу.

Мальчишки устроили настоящий геноцид суркам, освоив изготовление и установку силков. Несколько десятков пушистых шкурок уже сохло в тени. Эрика с большей частью женщин плели веревки и начали шить новые комплекты одежды. Гер, понаблюдав за ними, и получив от меня пару уроков, засел за изготовление обуви. Племя Солнца готовилось к переходу...

Следующей целью я наметил южный берег. На этот раз со мной пошел только Ант. Он несколько раз за прожитые на побережье годы углублялся далеко в горный массив, и стал на время моим проводником.

Мы поднялись на вершину родного холма, и стали спускаться в узкую долину, обходя крупные обломки камней. Пройдя пару километров, снова взобрались на южные отроги

Крымских гор, и теперь поднимались все выше. Ант узнал эти места, и вел меня на запад по узким тропинкам. Никаких следов людей мы не обнаружили — здесь жили только горные козлы и ирбисы. Так мы прошли около пятнадцати километров, и стали на привал. Хождение по горам не шло ни в какое сравнение с предыдущими походами по ровной местности, мы оба сильно устали.

Наскоро перекусив у костра, решили спать по очереди — здешние горные леопарды внушали уважение.

Утром наш поход продолжился. Мы углубились в дикий хаос обломков, скальных выступов и ущелий, пока не упёрлись в тупик. Вернулись назад, попробовали пройти южнее. На этот раз идти было легче, и к вечеру, по моим прикидкам, вышли на берег моря в районе будущего Судака, где и заночевали, оставив осмотр местности на завтра.

Горы в этом месте обрывались далеко от берега, и утро мы начали с обследования равнинного участка. Каменистая местность, заросшая редкой травой протянулась на несколько километров... Пусто. Никаких следов людей.

Но одну находку мы все таки сделали, уже на обратном пути — заметили полузасыпанный осыпями вход в пещеру. Возле него белели остатки мелких костей, и множество обломков каменных орудий. Лезть в грозящий в любую минуту обрушиться проход не хотелось, но любопытство победило. Потратив немного времени на розжиг огня — диоксид марганца стал моим постоянным спутником в таких походах, осторожно, стараясь ничего не задеть, вошёл внутрь. Факел из тонких веток давал мало света, но основное я разглядел. В этой пещере когда то жили люди. Пять скелетов, нетронутых, четыре взрослых и один детский. Не неандертальцы, форма черепа другая, лицо намного шире. Рост взрослых около двух метров, кости очень толстые. Удивлённо присвистнул — вот этих ребят я точно не ожидал встретить в Крыму.

Передо мной лежали останки денисовцев — третьего вида людей, ещё более древнего, чем неандертальцы. Кости были не очень старыми и даже не думали рассыпаться, им же не больше сотни лет! Как они здесь оказались, и отчего умерли? Кто знает... Отсутствие повреждений наталкивало на мысль о вспышке болезни. Мне стало неуютно от мысли, что некоторые бактерии и вирусы могут существовать в спячке десятки лет. Со всей возможной поспешностью, стараясь не дышать, выхожу наружу ещё долго оттираю подошвы обуви от осевшей на нее пыли. Ну нафиг такие приключения...

Ант ждал меня у входа, меланхолично жуя травинку. На него находка не произвела никакого впечатления — ну кости и кости, старые, что с того? Попробовал расспросить его о больших людях, таких как Гер и Рауг, но с плоскими лицами, коричневой кожей и черными волосами. Нет, он про таких никогда не слышал... Облегчённо выдыхаю, встречаться с такими гигантами в открытой схватке совсем не хотелось. Пусть доживают свой век за Уралом, в лесах Сибири и джунглях Азии, с нас и кроманьонцев хватит.

В племени тем делом наметился первый конфликт — люди спорили, нужно ли идти к пещере Черного Камня и ждать там ежегодных гостей, или теперь, когда ни пещеры, ни самого рода не осталось, в этом нет смысла.

Мы с Антом вернулись вовремя. Для начала я рассказал всем о результате похода. Как и ожидалось, других людей я не нашел, но и врагов тоже. Эта мысль племени понравилась.

Выяснив, когда раньше собирались окрестные семьи, прикидываю, что у меня осталось около двух месяцев времени. Упустить возможность привлечь к походу последний большой род неандертальцев я не мог. Поэтому принимаю сторону тех, кто был за встречу, и ставлю

новую задачу — продолжаем подготовку с расчетом на намного большее количество людей. Сколько точно — не знал никто. Мать Слава была из этого рода, но сам он мало что знал, только смутные воспоминания ее рассказов. Выходило так, что Острые Копья могут насчитывать от десяти до пятнадцати взрослых мужчин, столько же женщин, возможно, несколько стариков. Сколько детей, можно было только догадываться...

Обычно в неандертальских семьях рождалось намного меньше детей, чем у кроманьонцев. Зато женщины практически всегда вынашивали плод, выкидыши бывали очень редко, даже при огромных физических нагрузках, которым подвергались беременные. Детей любили и берегли, инстинктивно осознавая их величайшую ценность для вымирающего вида.

Лето было в разгаре, и я принялся за изготовление волокуш. Ровные берёзки тщательно ошкуривались, и, зафиксировав их между вбитыми в землю кольями, оставлялись сушиться. Дугообразная форма убирала лишние детали и упрощала и так примитивную конструкцию. Затем они собирались попарно деревянными клиньями, посаженными на костный клей, соединялись ровными палками, формируя перемычки, постепенно уменьшающиеся к одному краю, куда будет впрягаться человек. Добавляем широкие кожаные ремни для плеч — вот и все, первые в мире санки готовы!

Варка костного клея стала отдельной историей. Эрика вместе с женщинами заставила снова затеявшего непонятное и крайне вонючее дело вождя отойти от пещеры далеко в сторону. Могли бы и потерпеть, обработка шкур тоже не розами благоухает...

Насобирать обломков свежих костей было проще всего. Труднее было отобрать у Рауга самый большой глиняный горошек, где обычно варили дубильный и щелочной раствор. Но и с этим я справился, когда пообещал ему чудо — материал, который значительно укрепит наконечники в древках копий.

И вот теперь, зажав нос от нестерпимой вони, увариваю неаппетитную желтовато — коричневую массу. Это уже финальный этап, до этого раствор несколько раз остывал, жир всплывал на поверхность, и удалялся.

Проведенные испытания на копьях привели охотников в восторг, и они с радостью сменили своего вождя за этим занятием. По моим прикидкам нужно было сделать около пятидесяти волокуш, так что хороший запас клея просто жизненно необходим.

Первую конструкцию я собирал самостоятельно, потратив на это весь день. Сверление пазов примитивным деревянным сверлом с каменным наконечником — занятие крайне неблагодарное. Да и выстрогать клинья нужного размера совсем непросто. Один нож я все же сломал, и Дар с сожалением смотрел на обломки. По его словам, хорошего камня для новых инструментов в округе не осталось.

Когда я притащил свое творение ко входу, и впрягся в сани, показывая, как все это работает, люди воодушевились. Ведь если так легче таскать грузы, то сколько же времени они сэкономят! Пришлось объяснять, что по камням и траве это чудо инженерной мысли не поедет, нужно ждать снега.

Следующие волокуши собирали уже вместе с близнецами и Даром. Я заготовил образцы всех деталей, и они теперь просто повторяли их форму и размер, стараясь не сильно отклоняться. Дело пошло веселее, и до конца месяца полсотни кривоватых, но лёгких и прочных транспортных средств стояли ровными рядами на оставшемся после массовой вырубki пустыре.

Лето близилось к концу, и, стараясь по максимуму воспользоваться теплой погодой, я

переключился на гончарное производство. Горшки, миски, большие и маленькие, почти ровные и кривые, теперь целыми днями сохли и обжигались в больших кострах. Весь склон холма уже вырубил, и принялись за рощи внизу. Запас мыла тоже подрос, теперь я не боялся, что к Острым Копьям придется идти с пустыми руками. Название их рода происходило от качественных каменных инструментов и оружия, основной продукции рода для обмена с другими людьми. И я буду торговаться за каждый горшок, выменивая ножи, рубила и наконечники, эти вещи я пока сам создать не мог.

Мысль идти на встречу практически всем составом, оставив только стариков и детей, я отменил сразу. Так было раньше, лет тридцать — сорок назад, когда Арика ещё сама была невестой. Людей тогда было больше, особых опасностей для остающихся, наоборот, не было. Я же застал самое начало миграции кроманьонцев, и теперь столкновение с ними могло произойти в любой момент.

Девчонок решили не брать. Сейчас мое племя насчитывало 39 человек, это, по нынешним меркам, очень много. А вот в рамках поставленной мною задачи — очень мало. Молодые девушки слишком ценный ресурс, чтобы отпускать их в живущий обособленно род. Если там достаточно парней, они послужат ещё одним рычагом влияния на предстоящих переговорах.

И последнее — как бы мне не хотелось, забирать слишком много мужчин в этот самый дальний поход я тоже не мог, сейчас нас было всего одиннадцать. Пойдут самые сильные — Гер и Рауг. Остальные оставались защищать племя.

Мы вышли в путь в конце августа. Длинные ряды отметин на камнях, что я не забывал ставить каждый день, пусть и весьма приблизительно, заменяли календарь. Днём стояла жара, но ночи становились все прохладнее. Ещё не много, и первые жёлтые листья начнут срываться с деревьев. Шли не спеша, тяжело нагруженные товарами для обмена. Прошлый раз мы преодолели этот путь за четыре дня, сейчас же шел уже девятый, когда впереди показался памятный отрог горы из черного камня.

Лагерь разбили в стороне, мои спутники не хотели подходить к месту, где покоились останки всего их рода. Они хорошо знали местность вокруг, поэтому ещё затемно сходили к ручью, сбегавшему со склона неподалеку, напились сами и набрали воды. Дров хватало, и вскоре на пустыре уже пылал костер, разгоняя вечерние сумерки. Мы приготовились ждать...

Прошла неделя. Мы успели сходить на охоту, убив пару молодых коз, здесь их было намного больше, чем в долине Тихой реки. Я уже начал беспокоиться, переживая о судьбе оставленного племени — никакой связи не было. Была мысль взять с собой пару подростков, и отправлять их гонцами, но риск все равно перевешивал пользу, и от нее отказались. Посовещавшись, решили ждать ещё три дня. Если люди рода Острых Копий не придут, мы сами пойдем на запад, выяснить, что стало с последней из известных нам семей. Костер горел постоянно, ночью мы спали по двое, выставляя одного часового. Днём отходили в степь, охотясь и высматривая друзей или врагов.

Люди появились на следующий день. Рауг первым заметил четыре темные точки на горизонте, и мы, не зная чего ожидать, приготовились к схватке. Это точно не кроманьонцы, те вчетвером не ходят, но и на ожидаемый нами большой отряд не похоже. Впрочем, и нас только трое...

Гости подходили настороженно, не опуская оружие. Два молодых, лет шестнадцати парня, и две девушки помладше. Волосы темнее, чем у нас, скорее русые. На плечах

небольшие мешки, одеты на удивление неплохо — шкуры, хоть и не выделаны толком, но не облезшие и довольно чистые. Метрах в тридцати от нас они остановились, не зная, как быть дальше. Выхожу вперёд, и громко кричу:

— Я, Дим, вождь многих родов, племени Солнца. Назовите ваш род!

Один из парней, решившись, подходит ко мне. Явно нервничает, стоящие за моей спиной Рауг и Гер его сильно напрягают.

— Я Те-Нак из рода Острых Копий!

Всё-таки мы встретили тех, кого ждали. Четыре человека вместо большого отряда...

— Почему пришли только вы?

Я отбрасываю копье в сторону, и делаю знак рукой своим спутникам. Те опускают оружие. Мой собеседник немного взбодрился, и, тоже отбросив копье, отвечает уже увереннее:

— Этот год был очень плохим для рода. Когда земля была белой, еды не осталось, и наши охотники пошли в степь. Они смогли убить большого быка, и, разделявая его, потеряли осторожность. Стая большезубов, незаметно подкравшись, убила их всех.

— Большезубы — это хищники, с длинными клыками и коротким хвостом, похожие на живущих в камышах кошек?

— Да, Дим. Мы с братом пошли по следам наших мужчин через несколько дней, и издали видели этих зверей. Близко подходить не стали, и звери нас не тронули.

Значит, где то тут охотится прайд саблезубых тигров... И нам повезло, что пока мы его не встретили. Впрочем, степь вокруг была пуста, стада животных откочевали на север, а козы, предпочитающие предгорья, этих хищников не интересовали.

— Тенак, к вашему дому не приходили черные люди?

— Нет, мы никогда их не видели.

Это уже лучше... Приглашаю всех к нашему лагерю, и вскоре, наблюдая за Гером, раздувающим огонь, продолжил расспрашивать наших гостей.

— Тенак, ваш род потерял всех мужчин на той охоте?

— Нет, тогда большезубы убили пятерых, — он поднимает руку, растопыривая пальцы. Остались ещё трое, я и брат. Мы тоже охотники!

— Они остались охранять ваш род?

— Да, Дим. Двое из них уже слишком стары, чтобы отходить далеко. А у третьего есть женщина. Они отговаривали нас от этого похода, но мы их не послушали.

Тенак, все время оглядывающийся по сторонам, не выдержал, и выпалил:

— Дим, где все? Род Черного Камня, род Тихой и Гремящей воды?

Значит, эти парни, рискнув отправиться далеко в степь, шли за невестами. И привели с собой двоих девушек. Сейчас, видя перед собой только нас, парни заметно расстроились.

Начинаю рассказывать о событиях, произошедших не так давно. С каждым моим словом парни все больше мрачнели. Девчонки притихли, и прижавшись друг к другу, во все глаза смотрели на видневшийся вдалеке язык оползня, похоронившего под собой страшных черных людей.

— Тенак, в моем племени есть невесты для вас. В моем племени есть молодые и сильные охотники, они станут надёжной опорой вашим сестрам.

— Дим, но тогда почему они не пришли с тобой?

Я продолжаю свой рассказ. О том, как духи огня открыли мне будущее, и я увидел неисчислимые орды дикарей, идущих сюда из далёких жарких земель. О том, что все мои

люди — гордо демонстрирую собеседнику четыре раза растопыренные пальцы обеих рук, — все они уже полгода готовятся к великому походу на север. Да, парень, мы все уходим...

Тенак с братом подавлены. Привычный им мир в одночасье рухнул, похоронив под своими обломками все их мечты и надежды. Девчонки шмыгают носом, опустив глаза в землю.

— Тенак, я надеялся увидеть здесь вашего вождя. Ваш род — последний в этих степях. Оставшись одни, вы погибните. Даже если спрячетесь в горах, это только немного отсрочит вашу гибель. Женщины будут рожать слабых детей, из них не вырастут новые охотники. Рано или поздно, но до вас доберутся враги. И станут выслеживать вас, как вы выслеживаете коз и бизонов.

Парень молчит, не зная, что ответить. Он ведь не старейшина, не вождь.

— Мы поступим так — вы пойдете с Гером, — указываю им на гиганта, ловко нарезающего мясо у костра. Он проведет вас к моему племени. Вы готовы стать людьми племени Солнца?

Девчонки соглашаются сразу, парни угрюмо молчат. Никогда такого не было, чтобы мужчины уходили в другой род.

— Тенак, род Острых Копий или присоединится к нам, или исчезнет. Если вы с братом станете людьми племени Солнца, вы и будете новым родом Острых Копий.

И, чтобы окончательно развеять его сомнения, добавляю:

— Я и Рауг идём к вашему дому. Я, Дим, позову всех идти со мной. Ты ещё увидишь своих родных.

Парень неуверенно кивает. Второй следует примеру брата. Вот и славно, уже мы прождали не зря!

Ужинаем, и укладываемся спать вокруг костра. Я дежурю под утро, нужно хорошо выспаться перед новым походом...

На рассвете, перекусив, мы разделились. Гер уводил свой небольшой отряд на восток, а мы с Раугом пошли на запад.

Заблудиться было невозможно — просто следовало держаться линии гор по левую руку, и идти по ровной степи четыре дня, пока не увидим стоянку рода. Большую часть принесенных для обмена товаров унесли назад, по словам Тенака, практически все пригодные для обмена инструменты он с братом принес с собой.

Теперь мы двигались намного быстрее. Только раз отвлеклись для охоты, убив козлёнка, и на второй день пути сделали большой крюк, обходя стадо новых, раньше невиданных животных. Быки с прямыми рогами, поменьше, чем бизоны, но гораздо многочисленнее, паслись, спеша набрать запасы жира на зиму. Для себя назвал их турами. Рассказ о саблезубых кошках ещё не стёрся из памяти, и, если они, подобно львам, привыкли сопровождать стала травоядных, лучше перестраховаться, обойдя их стороной.

К стоянке рода Острых Копий мы вышли на третий день, ещё издали заметив дым от костра. Их пещера была намного больше, чем наша, но, на мой взгляд, хуже приспособлена для жилья. Свод не ровный, очень высокий. Свисающие сталактиты говорили о сырости. Пол слегка выровнен, трещины засыпаны мусором и землёй. Огонь горел снаружи, рядом с ним и собралось большинство людей. Только дети отбежали дальше, они — то нас первыми и заметили, с криками возвращаясь назад, под защиту взрослых.

Мы с Раугом шли неспеша, опустив копья и подняв левую руку вверх, показывая раскрытую ладонь. Этот жест был многим знаком, и люди, поначалу схватившиеся за

оружие, немного успокоились, разрешая нам подойти ближе.

Их было немного, гораздо меньше, чем я ожидал увидеть. Трое мужчин — все, как и рассказывал Тенак, два пожилых и один, похожий на Рауга, крепыш. Двое сгорбленных стариков, закутанных в шкуры. Шестеро взрослых женщин, лет двадцати — тридцати на вид. И, наконец, дети — один младенец на руках, двое мальчишек лет шести — восьми, и ещё один постарше.

Похоже, то что когда я, попав в это время, обнаружил в пещере сразу одиннадцать детей и подростков — скорее исключение из правил.

Разговор не складывался. Старики упрямо твердили про предков, которые бесчисленные зимы жили в этом месте, и наотрез отказывались куда-то уходить. Охотники были не столь категоричны, но услышав о молодежи, перешедшей в мое племя, стали хмурыми и раздражительными. Выкладываю перед ними принесенные товары, объясняя, как ими пользоваться.

Вроде как выкуп принят, женщины сразу забирают новые предметы. Замечаю на себе оценивающие взгляды, и в этот момент понимаю, как действовать дальше. Мы с Раугом на фоне их мужчин набираем по сто очков вперед... Хорошая одежда из отлично выделанного меха, крепкая обувь — это раз. Мощное телосложение, несколько месяцев обильного и разнообразного питания пошли нам на пользу, чистые волосы и кожа — это два. И, наконец, невиданные раньше предметы, что мы принесли. Все это показатели гораздо более комфортной жизни, и они хотели бы жить так же.

Раньше я не видел жилища других семей неандертальцев. Даже из нашей пещеры, у Тихой, я выгреб тонны мусора, а здесь с гигиеной вообще не дружили. Пол был основательно загажен, отходы жизнедеятельности были у самого очага. Повсюду валялись какие то кости, обрывки шкур, обломки камней. Ну и запах стоял соответствующий... Как Тенак и его спутники умудрились в таких условиях сохранить одежду опрятной — загадка. Вот прежде всего на этот аспект я и стал давить, периодически давая слово Раугу. Он ведь тоже жил в похожих условиях, но присоединившись к нам, не только оценил преимущество жизни в относительной чистоте, но и активно продвигал эту идею среди остальных новичков. Мы неспеша, с достоинством, не обращая внимания на презрительно фыркающих стариков, рассказывали о жизни в нашем племени. И перед глазами слушательниц возникала картина некоего рая каменного века. Дальше дело времени, день за днём они будут капать оставшимся мужчинам на мозги, и я уверен, что убедят их изменить свое мнение.

Ночевать в пещере мы не стали, выбрав чистое место неподалеку. Развели костер, и достав остатки жаренного ещё утром мяса, быстро его прикончили. Кормить нас никто не стал, скорее всего просто было нечем — все местные жители были очень худыми, похоже, череда неудач на охоте продолжалась.

В сумерках я слышал приглушенную перепалку, срывающиеся на визг женские крики. Мне даже стало немного жаль тех троих мужчин. Наплевав на патриархальные устои неандертальского общества, дамы брали свое числом, просто не слушая возражений и упрямо гнули свою линию. Им явно надоело жить впроголодь, а тут я со своими рассказами... Споры и крики продолжались до глубокой ночи, а на рассвете к нам вышли три женщины, одна держала на руках ребенка, другая вела за руки обеих мальчишек. Все они остались без мужчин этой весной, и теперь решили переселиться к нам.

Делаю суровое лицо, и предупреждаю, что они должны забыть все свои привычки и жить только по новым правилам. Те соглашаются, деваться им некуда...

Вскоре из пещеры показались оставшиеся дамы. У двоих под глазами и на скулах наливались свежие синяки, третья была целая, зато досталось подростку — бока и спина которого были в ссадинах и кровоподтеках. Один из вышедших мужчин тоже сверкал фингалом... Рауг на всякий случай придвинул копьё поближе, но нас демонстративно игнорировали. Стариков не было видно вовсе.

Подхожу к суетящимся у костра людям, и негромко, но так, чтобы меня все слышали, говорю, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Я, Дим, вождь великого племени Солнца, буду ждать вас до той поры, пока степь станет белой. Если вы придете — мы дадим вам еду, новую одежду и защиту. Если нет — мы уйдем без вас.

Пристально смотрю в хмурые лица всех оставшихся. Некоторые смотрят на меня со злостью, некоторые жалобно и обречённо. Эти люди для меня сейчас дороже золота — но решать свою судьбу они должны сами.

Разворачиваюсь, и коротко кивнув уже собравшемуся Раугу, иду прочь. За мной идут наши новые соплеменники, охотник замыкает отряд. Ещё долго чувствую спиной взгляды оставшихся людей, на душе скребут кошки. Но иначе поступить я не мог...

Снова потянулась бесконечная степь. Мы спешили, ведь ещё никогда раньше я не бросал своих людей на такое длительное время. Как там Гер, довёл ли он свой отряд? Как Эрика? Как все?

Еды не хватало, козы куда-то подевались, и мы на ходу жевали редкие и уже огрубевшие стебли дикого лука и щавеля. Только на третий день пути Рауг каким то чудом успел ударить копьём выскочившего из под ног зайца. Тут же стали на привал, разожгли костер и разделили добычу, отдав большую часть детям и женщине с младенцем, им приходилось хуже всего. И снова в путь...

На двадцать пятый день с начала нашего похода, вышли к верховьям Тихой. Ещё три дня, и мы дома. Наша обувь изнасилась, прочная кожа бизонов истерлась, стала тонкой как бумага, швы местами разошлись. У идущих с нами женщин и мальчишек дела обстояли ещё хуже — грязные обмотки порастирали ноги, и они прихрамывали. Животы сводило от голода, но тратить остатки сил на охоту было бессмысленно.

Мы упрямо шагали к дому. Справа тянулись уже хорошо знакомые места, скоро брод, а там и до родной пещеры рукой подать. И через час, выйдя на берег, сначала увидели подымающийся на другом берегу дымок, а затем и радостно кричавших и размахивающих руками близнецов. Сбросив одежду, они за несколько минут перешли реку, и бросились к нам. Тор подхватил на руки обеих детей, Тур взял у матери заревевшего от испуга младенца и они быстро побрели назад, по пояс в холодной осенней воде. Делать нечего, все следуем их примеру, и вскоре уже стоим у костра, стуча зубами от холода, спешно натягивая на себя снятые вещи. Близнецы сначала обнимают нас с Раугом, затем с интересом рассматривают худых, измученных переходом, но не лишенных привлекательности женщин.

— Тор, очнись! — парень вздрагивает, и бросается к лежащему рядом мешку.

Перед нами, словно по волшебству, появляется большой кусок копчёного мяса, связка высушенной рыбы и груды сухих плодов. На добрые пол часа слышен только хруст работающих с огромной скоростью челюстей. Съели все, и Тур потянулся к мешку за новой порцией.

— На сегодня хватит! Завтра полдня отдыхаем и восстанавливаем силы.

Близнецы натаскали огромную грудку дров, и вскоре пламя запыхало ещё ярче.

Экономить нечего, больше мы не вернёмся на это место.

Пока Рауг готовил из сухих листьев и травы спальные места, успеваю расспросить близнецов, как живёт племя:

— Гер пришел ещё восемь дней назад, привел четверых людей. Мы с братом убили ещё пятерых бизонов в яме, мяса столько, что его некуда девать! Вит упал с дерева и сильно зашиб плечо, Арика с ним возится теперь, травы и листья прикладывает. Новые люди ждут твоего возвращения, чтобы ты провел праздник Солнца!

— Ты это о чём? — меня разморило от сытной еды и тепла, я уже засыпаю..

— Дим, ты же давал нашим мелким имена, помнишь? У нас есть знаки племени, а у новых людей нет, — и парни гордо вытаскивают из-под одежды свои ожерелья.

— Будет вам праздник... Тор, не мучай меня, быстро говори, как там Эрика!?

— А что ей сделается?.. Недавно Тенак пришел, может, она будет его невестой?

Я резко вскидываюсь, и Тор, громко смеясь, отскакивает от меня подальше, выставя перед собой руки. Убью гаденьша! Ведь прекрасно знает, что мне не безразлична эта девчонка, и все равно подкалывает вождя!

— Дим, Дим, не сердись, и правда смешно же...

— Я сейчас в тебя копьё кину, шутник!

— Все, говорю как есть — едва отбились от нее, хотела с нами идти и здесь тебя ждать. Не забыла она тебя, успокойся уже!

Падаю на пахнущую полынью сухую траву и смотрю в ночное осеннее небо. Звёзды мерцают, подмигивают, и я счастливо улыбаюсь...

Глава 4. Путь на север

*На горизонте солнца свет,
Иду к нему, там где рассвет.
Там вместе небо и земля,
Иду туда, где нет меня.
Дорога манит и влечет,
Мечта с собою в даль зовет.
А за спиною чей-то крик:
«Он был младенец — стал старик».
Группа " Арктида", "На горизонте"*

Прошло уже больше года с того времени, как я появился в этом мире. И колесо истории неохотно, со скрипом стало отклоняться в сторону с проторенной колеи. Так получилось, что мои действия помогли полностью уничтожить довольно большое племя кроманьонцев, пришедших на полуостров с севера. Остатки семей неандертальцев, разбросанные по южным склонам Крымских гор, получили шанс выжить.

Мне удалось собрать всех — оставшиеся поначалу в пещере Острых Копий пары, все-таки пришли глубокой осенью. Изменить свое решение их заставили даже не женщины, как я рассчитывал, а гораздо более сильный мотив — голод. На охоту ходили каждый день, но степь опустела. Когда после бесплодных попыток добыть хоть что-то, умер сначала один, а затем и второй старик, они решились на переход. И дошли ведь...

Сейчас нас стало пятьдесят шесть. В новом племени сейчас был сильный перекося в сторону женщин и детей, взрослых и близких к этому мужчин было всего семнадцать. Конечно, через несколько лет ситуация выправится, а пока придется работать с тем что есть.

Эрика не отходила от меня, рассказывая и показывая все, чего достигли люди за месяц моего отсутствия. А сделали немало — одних только веревок разной толщины сплели столько, что для их перевозки придется выделять отдельную волокушу. Женщины уже сшили для всех новые комплекты одежды, удобные и теплые. Сейчас доделывали обувь.

Запасов провизии было на порядок больше, чем мы заготовили прошлой зимой, особенно много копченого и вяленого мяса и рыбы. Дважды сходили за солью, набив ею десяток больших мешков. Отдельно аккуратными стопками возвышались бруски мыла, более — менее ровные глиняные миски и горшки. Охотники изготовили десяток новых копий, используя принесенные Тенаком наконечники и инструменты.

Не меньшим достижением было и то, что практически все люди, кроме совсем новых членов племени, говорили на русском языке. Часто с акцентом, иногда подменяя слова аналогами из неандертальского наречия, но процесс обучения шел непрерывно. Эрика вообще наловчилась болтать так, словно выросла где-нибудь в Рязани или Новгороде.

Пещера теперь не могла вместить всех, и мужчины перебрались в расставленные у входа юрты. Этих простеньких жилищ — палаток изготовили семь штук, и мы периодически тренировались их быстро разбирать и собирать вновь.

В начале декабря родился первый ребенок нового племени. Роды прошли на удивление быстро и легко, и всего через пару часов после начала схваток в пещере уже во все горло орала смуглая малышка. Я присмотрелся к ней внимательнее, слишком мягкими были черты лица. И точно, знакомство с кроманьонцами для одной из освобожденных женщин не

прошло бесследно, и уже второй ребенок нес в себе гены этого вида людей...

Остальные отнеслись к этому спокойно, может, просто не заморачиваясь, а может и из-за моих слов о том, что дети теперь объявляются величайшей ценностью для племени.

А через неделю и двое других женщин родили крупных мальчишек, на этот раз вполне обычных.хлопот у девчонок прибавилось, они все теперь возились с новорожденными.

В общем, мы были готовы к началу исхода, осталось дожидаться устойчивого снега. Начало зимы выдалось теплым, и я решил выполнить данное близнецам больше месяца назад обещание. Ожерелья были уже готовы — детские, из ракушек, мужские, с волчьими клыками, и женские, с небольшими морскими звёздами. До Нового года оставалось совсем немного, и праздник официального подтверждения статуса всех новичков, как полноправных членов племени Солнца, решили приурочить к этому событию.

Начали складываться новые пары, молодежь тоже не теряла зря время, но жили пока все раздельно. Все свадьбы отложили до следующей осени, когда переселимся на новое место. Пришлось клятвенно обещать Эрике устроить новое, невиданное торжество...

Первый снег выпал за день до намеченного праздника. Я притащил ближе ко входу пару волокуш, и до вечера пробовал разные варианты укладки груза, добиваясь максимально низкого расположения центра тяжести, подгонял кожаные ремни по своей фигуре. Опытным путем выяснил, что довольно легко могу тащить груз больше ста килограмм, усадив на сани сначала Рауга, а затем и двоих крутившихся рядом детей. Исходя из этого я и стал распределять грузы для каждого человека, увеличив немного для взрослых мужиков, и уменьшив для женщин. Около трёх тонн мы потянем, дети и подростки смогут тащить ещё с полтонны.

Оставалось только выбрать маршрут. Конечной целью похода стала местность, лежащая приблизительно между будущими Гуляйполем и Угледаром — во первых, там, как я помнил, протекала река, а это постоянный доступ к воде и рыбе. Во вторых, совсем рядом были крупные месторождения железа и бурого угля, чуть дальше — марганца, титана и угля каменного, выходы мела и гранита. Песок и полевой шпат, глина и каолин, и все практически в одном месте. В нескольких дневных переходах на северо-восток лежали, небольшие, но оттого не менее ценные, медные месторождения Бахмута и гигантские запасы соли. За Днепром можно добыть никель, а на юге были месторождения золота. Добавьте сюда плодородные черноземы на сотни километров вокруг, отсутствие вулканов и землетрясений, катастрофических наводнений и массовых миграций вредителей вроде саранчи — трудно себе представить лучшие условия для запланированного мной технологического рывка.

Дорогу разбил на три отрезка. Для начала нужно выйти на материк — в будущем это либо Перекоп, либо Чонгар. Я склонялся ко второму — хоть сейчас там и нет никаких мостов. Ещё на берегу Керченского пролива отметил, что он намного уже, чем в будущем, да и само Азовское море больше похоже на заболоченное озеро. Сейчас была межледниковая оттепель, судя по тёплому климату Крыма, но огромные шапки льда все ещё сковывали север Европы, и уровень моря был значительно ниже. Так что там точно можно пройти по суше.

Затем по Азовскому побережью добраться до верховьев Молочного лимана, и уже оттуда, повернув на север — дойти до русла Днепра.

Третий отрезок нашего пути начнется чуть ниже острова Хортица, и затем протянется по прямой на восток, пока не упрется в небольшую реку Мокрые Ялы, сейчас она должна быть намного полноводнее. Это и станет конечной точкой маршрута.

Что такое полтысячи километров для неандертальцев? В действительности, не так и много — я сам уже не раз проходил в день километров пятьдесят. Но это может проделать молодой, сытый и хорошо отдохнувший охотник. Женщина или ребенок столько даже летом не пройдут. А у нас ещё тяжеленные волокуши, которые вряд ли будут идеально скользить, отсутствие компаса и только приблизительные догадки, что лежит впереди. Хорошо, если будем за световой день километров десять — пятнадцать преодолевать. Это два месяца в пути, и выходить нужно не позже, чем в середине января. Так и поступим!

Пока я задумчиво рисовал на снегу карту, стараясь, чтобы она хоть немного соответствовала реальности, вспоминал ориентиры и высчитывал расстояния, стемнело. Брался лёгкий мороз, на безоблачном небе зажглись первые звёзды. Слышу за спиной негромкое похрустывание снега, и меня обнимают, закрывая тёплыми ладошками глаза. Звонкий голос задаёт традиционный вопрос:

— Дим, угадай, кто?

Улыбаюсь, и, чтобы подразнить, серьезным голосом называю имя

— Канг!

— Я снова выиграла! — через мгновение Эрика уже передо мной. — Ты мне должен одно желание!

Пытаюсь скорчить расстроенную гримасу, но ничего не получается, смех рвется наружу.

— Целуй! И покрасневшая девчонка, замирает, прикрыв глаза.

Делать нечего, желание нужно выполнять. На несколько минут мир вокруг перестает существовать, разом съезжившись до размеров всего одного человечка ...

Слышим крики, смех, и в нас летят снежки. Стайка детворы высыпала наружу, и затеяла игру перед сном, разделившись на две команды. И первой целью почему то выбрали нас. Подхватываю Эрику, и мы смеясь, прячемся за рядами волокуш, ладони сгребают снег, вылепливая снаряды для битвы. Ну, робингуды малолетние, держитесь!

Сегодня я, ещё раз пересчитав зарубки на длинной, гладко ошкуренной палке, и убедившись, что не ошибся, объявляю о начале праздника. Новый год на дворе!

Женщины заняты готовкой горячей еды — вчера близнецы выследили по следам трёх жирных зайцев, и теперь сияли от гордости, хвастаясь добычей. А мы с остальными мужчинами готовим сюрприз — музыкальные инструменты.

Выбор вариантов не велик — с нашими материалами и возможностями. Первыми под моим руководством на свет появились выточенные из кости гибриды свистка и флейты, их раздадим детям. Затем — погремушки, несколько маленьких глиняных горшочков с горстью гладких камушков внутри. И, наконец, провозившись несколько часов, мы таки собрали барабан. Обручи приготовлены заранее, все равно никто не догадался, зачем я хранил эти изогнутые в дугу палки. Сейчас же общими усилиями им придали одинаковую толщину, и длину. Затем Гер играючи свел края вместе, а мы быстро садим их на деревянные шипы. И так пять раз, формируя бочонок без дна. В завершение натягиваем аккуратно вырезанные и прошитые по краю куски кожи бизона.

Я по несколько раз объясняю, кто, как и в какой последовательности должен играть на этих шгуках, простенькие ударные мелодии будем разучивать на месте. Немного поспорив, кто станет главным ударником, вручаем барабан Раугу, и на этом закругляемся — дети уже несколько раз прибежали, спрашивая, когда начинаем.

Пещера ярко освещена, пламя костра поднялось высоко, в рост человека. Вокруг, на кольцевом выступе, сидят мои люди. Сколько же их теперь!.. Вглядываюсь в лица, и вдруг в

памяти всплывает полузабытое за всеми хлопотами видение — я их всех уже видел, тогда, в языках пламени. Это они брели по заснеженной земле! Выходит, мне показали картинку из будущего?...

Оставив пока эти мысли, встаю и подхожу к огню. Народ затихает, и я начинаю говорить.

— Народ племени Солнца! Сегодня очень важный день. Мир вокруг прожил этот год, и мы прожили его вместе с ним. Мы собрались вместе и остались живы! Наши дети сыты, одеты и согреты!

Одобрительный гул голосов разносится под сводами нашего жилища, и я продолжаю
— Я позвал вас стать частью моего племени, и вы пришли. Трудились наравне со всеми, охотились, выделывали шкуры, делали из мягкого камня посуду! Вы давно уже люди Солнца, и сегодня я вручаю всем знаки нашего племени!

Гул голосов вокруг нарастает, и я подаю первый знак. Рауг, ухмыльнувшись в усы, неспешно взмахивает рукой, и раздается низкий вибрирующий звук:

— Буммм! Буммм! Буммм!

Подмигиваю Эрике, и она подталкивает к костру детей, что пришли к нам в этом году. Второй знак, и молодежь начинает в такт ударам трясти погремущки.

Я по очереди надеваю ожерелья, произнося имена тех, кто их ещё не получил, и мелкие выпрямляются, гордо сверкая глазами. Третий знак, и свист костяных недофлейт завершает первую церемонию.

Теперь Рауг бьёт в барабан чаще, и к костру выходят женщины и девушки. Их ожерелья с морскими звездами занимают свои законные места, радостные крики и хлопки в ладоши нарастают.

И, наконец, доверив инструмент близнецам, с энтузиазмом колотящим по туго натянутой толстой коже, и ко мне подходит главный охотник. За Раугом собираются и остальные мужчины. Грохот первобытной музыки закладывает уши, дорвавшиеся до новых игрушек дети и подростки выкладываются изо всех сил.

— Отныне вы не только охотники! Вы воины и защитники нашего племени!

Мужчины довольно улыбаются, поглаживая пальцами волчьи клыки на своих ожерельях.

— А теперь все к огню! Сегодня праздничный ужин!

Мы отдаем дань уважения творениям наших женщин. Из не особо обширного списка продуктов они сегодня умудрились создать новые блюда. Начиненные отмоченными заранее в воде грушами тушки зайцев, натертые диким чесноком и травами куски копчёного мяса, наваристая уха и кисловатый компот из сухофруктов!

Когда все насытились, я снова обхожу музыкантов, объясняя простенькую ритмичную мелодию. Вроде все поняли...

Подхватываю Эрику, и мы начинаем танцевать. Движения самые простые, куда там до танцев 21 века, но мое племя смотрит на это широко открыв глаза. Девчонка моментально схватывает, что от нее требуется, и теперь уже скорее она ведёт в нашей паре.

Через несколько минут к нам присоединяются Тур с Ирикой, а за ними и остальные. Места немного, мне кажется, что языки пламени вспыхивают в такт грохоту барабана, жар от костра обжигает кожу. Или он тут не причем?

Прижимаю к себе Эрику, и под восторженный рев собравшихся, целую свою будущую невесту. Краем глаза отмечаю, что молодежь следует нашему примеру...

Танцы продолжались ещё долго, и только перед рассветом мое племя, уставшее, но счастливое, разбрелось спать.

Первый день нового года порадовал новым снегопадом. Наблюдая за детьми, с криками возившимися в снегу, я вспомнил о том, что чуть было не упустил важную вещь. Это здесь, на юге, снега прошлой зимой выпало мало. А ведь севернее картина будет другая, там наметет настоящие сугробы. И как по ним идти?

Проблему частично можно было решить с помощью снегоступов. Изготовить широкие плетеные из лозы щиты, приделав к ним ремни — и можно смело идти по глубокому снегу. До начала похода оставалось ещё немного времени, как раз успею воплотить эту идею в жизнь.

Большой толпой мы спустились к реке, и стали заготавливать лозу, толстые прутья пойдут на каркас, тонкие — на само плетение. Управились быстро, и нагруженные охапками веток, вернулись к пещере. С лозой уже умели работать многие, и когда я сделал первый образец, присоединились. До вечера мы изготовили пять пар снегоступов, решив продолжить завтра, при дневном свете.

Через несколько дней снегопад прекратился, и температура упала ещё на пару градусов. Снегоступы для всех уже были готовы, а мы, выходя на улицу, стали стаскивать ко входу камни. Горки из булыжников быстро росли, они нам скоро понадобятся...

Прошло двенадцать дней. Мы сходили к реке, и, разбив лёд, убедились, что он достаточно окреп, без труда выдерживая наш вес. Больше тянуть было нельзя, и, вернувшись, я дал команду начинать увязывать грузы.

Работа закипела... Юрты разобрали и погрузили на первые семь волокуш. Их потянут самые сильные мужчины. Пятеро саней были загружены мягкими шкурами и связками веревок, ещё двое — инструментами и мылом. Посуду распределили равномерно, завернув ее в шкуры и переложив сухой травой. Остальные волокуши загрузили едой и топливом. Несколько лишних прикрепили к груженным саням, на них перенесем груз с сломавшихся в дороге. Люди старались забрать с собой все, до последней шкуры и горшка...

Для младенцев были сшиты меховые конверты — мешки с ляжками из ремней, их матери понесут сами на спинах. Также налегке пойдет Дар. Его задача — идти в километре впереди отряда, в пределах видимости. Завидев опасность, он должен бегом вернуться и предупредить остальных. Кроме того, у парня был врождённый талант чувствовать дорогу — он мог часами идти по прямой, не взирая на препятствия и складки местности. Вот и пусть задаёт направление движения всего отряда, получив мои указания.

Сегодня последняя ночь в этом месте... Полтора года назад я очнулся в этой пещере, и с тех пор уже привык считать ее домом. Да и мое племя тоже... Что нас ждёт впереди? Хищников можно особо не опасаться. Даже крупная стая волков не рискнёт напасть на такой большой отряд. Смилодоны? Это противники посерьёзнее, но и они чаще нападают из засады, на одиночные цели.

Риск нарваться на мигрирующее племя кроманьонцев зимой минимален, скорее мы можем встретить отдельные группы охотников. Сколько их может быть? Вряд ли больше двадцати, а это хоть и опасно, но отбиться мы сможем. Неандертальцы были намного сильнее и выносливее, тот же Рауг копьё кинет и дальше, и сильнее. За это приходилось платить большим расходом энергии и, соответственно, пищи, но с этим у нас проблем не было. Так и не решив для себя, все ли предусмотрел, я уснул...

Меня разбудил низкий грохот барабана. Гер, уже одетый, сидел у входа, и, прикрыв

глаза, раз за разом бил по инструменту увесистой палицей.

— Буммм!

— Буммм!

Нормальный такой будильник... Я вскочил, натянул на ходу одежду. Небо уже серело, скоро взойдет солнце. Проснувшиеся люди потянулись к костру, и получив порцию горячей еды, отходили, собираясь у волокуш. Пещера опустела, только огромная груда золы в центре да несколько разбитых в спешке горшков говорят о том, что здесь совсем недавно жили люди. Наконец, с завтраком покончено. Люди в последний раз смотрят на свой бывший дом, и мы начинаем заваливать вход камнями. Может, когда-нибудь наши потомки сделают из этого места музей...

Первым, надев снегоступы, вперед идёт Дар, за ним, медленно набирая скорость, вытягивается вся колонна волокуш. Рауг, Гер и пришедший недавно из Острых Копий Шенк пробивают колею в снегу остальным. Сразу за ними мое место, мы послабее их, но тащим почти столько же. В центре построения тянут груз полегче женщины и дети. Замыкают отряд пятеро волокуш, запряженных взрослыми охотниками. Тяжеленные сани поскрипывает, но держатся неплохо. Великий исход неандертальцев из Крыма начался...

К замерзшему броду через Тихую мы подошли после полудня. Пока хвост колонны подтягивался к берегу, проверили лёд. Сантиметров 7 — 10, должен выдержать. Дар давно уже на другой стороне, сейчас приплясывает на месте, согреваясь.

Переправляемся по одному, лёд иногда потрескивает, но держит. Вот прошла первая волокуша, вторая, третья... Все равно выдыхаю с облегчением, только когда все собрались на противоположном берегу Тихой. Делаем привал, но огонь не разжигаем. Пожевав по пригоршне сухих фруктов, с полчаса отдыхаем. И снова в путь, на этот раз повернув строго на север.

Горы остались позади, и перед нами раскинулась бесконечная заснеженная степь. Местность не идеально ровная, невысокие холмы чередовались с впадинами, но идти это не мешало. Зимний день короток, и, через несколько километров, едва небо стало темнеть, мы остановились. Мужчины быстро собрали юрты, выстроив их по кругу, за ними ставим бок о бок груженные волокуши. Женщины уже внутри, разжигают огонь. Горячий чай и бульон — то, что надо уставшим и замёрзшим людям. Топливо бережем, и вскоре почти все, завернувшись в шкуры, спят. Снаружи, у небольшого костра всю ночь, сменяя друг друга, будут дежурить охотники, охраняя нас и наши вещи.

В первый день, по моим прикидкам, прошли около двенадцати километров. Вполне достойный результат!

Следующие три дня походили друг на друга, как две капли воды. С рассветом мы завтракали, сворачивали лагерь, и шли до вечера, лишь в обед давая ногам и плечам небольшой отдых. Люди стали втягиваться в походную жизнь, стало меньше суеты и лишних движений. Колонна двигалась медленно, но уверенно, оставляя за собой широкий, утоптаный десятками ног след. Зверей вокруг практически не было. Только раз на горизонте появилось стадо бизонов, но и они, решив держаться от нас подальше, вскоре исчезли.

Трижды мы пересекали небольшие, промерзшие почти до дна ручьи, иногда долго шли по дну неглубоких оврагов, иногда по склонам низких холмов. И вот, идущий впереди Дар останавливается, и над равниной разносится крик:

— Впереди большая вода!!

Вскоре и мы различаем серое и неприветливое Азовское море — озеро, наш первый ориентир. Даю команду готовить лагерь к ночёвке, а сам вместе с близнецами иду вдоль волокуш, осматривая их. Пока все держаться, разве что светлые полозья потемнели и слегка разбухли от влаги. Сходил к воде, попробовал ее на вкус — пресная, это и близко не рассол, который был в мое время. Значит, озера Сиваш ещё не существует, как и Арабатской стрелки.

Неудобства и тяготы походной жизни неандертальцы переносят легко. Даже грудные и совсем маленькие дети, большую часть времени спящие за спинами матерей. Не изнеженные благами цивилизации, эти люди пока даже насморк не подхватили, на ходу утоляя жажду пригоршней снега.

Пытаюсь посчитать пройденный путь — выходит около пятидесяти километров. Значит, в среднем 13 км в день, из намеченного графика не выбиваемся! Расстояние я измерял по количеству своих шагов первые три дня, приняв их длину за 60 см. Конечно, все приблизительно, но хоть что-то...

Теперь Дар, получив указание не терять берег из виду, шел слегка отклоняясь на запад, срезая, где это можно, выступающие далеко в море песчаные косы и мысы. Местность стала ниже, справа все чаще появлялись заросшие тростником озера и болотца, замёрзшие заливы и лиманы. Мы их старались обойти, но несколько раз пришлось и переходить напрямик. Обошлось, лёд был крепкий, погода не подводила, и оттепелей пока не было. Один раз ненадолго остановились — Дар заметил у крохотного озерца семейство оленей, крупного самца и двух самок. Мы, оставив волокуши, широким кольцом окружили добычу. Вырваться было поздно, в зазевавшихся животных полетели копья, и на вечер у нас было свежее мясо. Туши разделали, они пополнили запасы пищи. Да и вместо дров мы стали жечь сухой тростник, хоть его и требовалось намного больше.

Так прошла неделя, и, наконец, мы вышли на узкую полосу земли, с двух сторон окружённую водой — десятки болот и озёр сливались в сплошной лабиринт. Кое-где она была подтоплена, и приходилось выписывать петли, обходя участки мокрого, пропитанного водой снега. Волокуши вязли в грязи, и наше движение сильно замедлилось. Так продолжалось долгих шесть дней, пока местность не стала повышаться. И наконец, на седьмой день блуждания в тростниковых зарослях, измученные люди увидели справа и слева, до самого горизонта, широкую полосу сухой земли. Из последних сил мы дотащились до твердого берега, и разбили там лагерь.

Чонгарский перешеек был пройден, мое племя вышло на материк!

Обычно под вечер все выматывались настолько, что падали у едва тлеющих костров, едва вкинув в желудок порцию рыбы или мяса. Я был не лучше других, и, если меня не будили для ночного дежурства, отключался до утра.

Мне уже давно не снились сны. Вообще, после увиденной в пламени костра пещеры, как отрезало. И вот они вернулись... Сначала смутные, туманные, и под утро с трудом вспоминалось, что там было. Но с каждым новым днём похода они сны становились все чётче, реалистичнее.

Мне снова снились неандертальцы. Новые и новые лица стариков. Они что то пытались мне сказать, иногда спокойно, но чаще я чувствовал неприкрытую злость и ярость. Я изо всех сил пытался разобрать слова, но их смысл постоянно ускользал. Просыпался в остывшей юрте и, вдыхая холодный воздух, пытался успокоить дыхание и бешено колотящееся сердце. И затем весь день шагал, стиснув зубы от ноющей головной боли.

Сегодня я увидел того самого старика, отца Канга. Он, словно все ещё живой, пытался что-то мне сказать, и как ни странно, улыбался, хоть и грустно. Это настолько удивило, что я смог сосредоточиться и разобрать неясные, больше похожие на шелест травы слова:

— Дим... пещера... предки... ты должен ... прийти.

Кажется, он понял, что услышан. Призрак, морок или что это там было, беззвучно растворился в красноватом тумане. А я, впервые за много дней, смог выспаться...

Утро было просто прекрасным — ничего не болело, вождь племени Солнца снова был бодрым и в отличном настроении.

Мои люди уже второй день отходили от рывка через Чонгар. И я не стал им мешать, понимая, что нужно хоть немного восстановить силы. Вот только здесь, на открытом со всех сторон Азовском побережье, было опасно долго находиться, тут проходят маршруты миграции и диких животных, и кроманьонцев. Сегодня охотники уже просыпались среди ночи, разбуженные криками часовых — к лагерю подошла большая стая волков, и до самого утра кружила вокруг волокуш. Звери, привлеченные вкусными запахами еды, тоскливо выли, но боялись костров, вспыхнувших вдоль всего периметра стоянки.

Утром стая отошла, но не слишком далеко. Волки сидели и лежали на снегу, наблюдая за нашими сборами в дорогу. И только когда в другой стороне показалось огромное стадо туров, хищники ушли. Спокойная жизнь закончилась...

Мы повернули на восток, двигаясь вдоль цепочки болот. То, что Чонгар был намного выше, означало, что многие, знакомые мне в будущем ориентиры могли измениться. И действительно, береговая линия сильно отличалась от той, что я помнил — Федотовой косы и Бирючего острова не было, похоже, они стали частью материка. Азовское море сильно обмелело, и сейчас представляло собой заболоченную низину. На месте Молочного лимана, к которому, по моим расчетам, мы подошли на двадцать четвертый день похода, был узкий, теряющийся в болотах залив, в который с северо-востока впадала одноименная река.

Вечером, чтобы хоть немного подбодрить людей, я объявил, что половина пути пройдена. За это время три волокуши развалились, их пустили на дрова, а груз переложили на запасные. Самих дров тоже осталось всего ничего, их приходилось экономить. Хорошо, хоть здесь, у залива, снова появились заросли тростника. Его мы и жгли теперь, пытаюсь согреться перед сном.

Не всем людям нравилась такая жизнь, они уже успели пожить в относительном комфорте. Я все чаще замечал недовольные взгляды женщин...

Но пока до открытого бунта дело не дошло. Меня поддерживали мужчины, успевшие потерять всех своих родичей в стычках с кроманьонцами. Дойти до места, где будет все, чтобы не только от них отбиться, но и создать первый в этом мире ГОРОД — ради этого они ещё и не столько готовы прошагать...

Новое слово словно магнитом притягивало к себе все разговоры. Я рассказывал, как мы создадим новые пещеры среди степи, окружим их высокими стенами, станем не охотиться на животных, а выращивать их рядом с собой... Для них это было настоящее волшебство, ведь только могущественные духи могли создать такое. А тут — человек...

Но мне верили. Так, как верят дети взрослым, не сомневаясь в их словах. Странное это было чувство — ощущать веру в себя стольких людей. Только бы дойти, не подвести их...

Я рассказывал о большой реке Днепр, посреди которой находится скалистый остров Хортица. К нему мы и должны дойти, чтобы понять, куда идти дальше.

— Сколько дней ещё идти, Дим? — это Эрика, она тоже устала, но виду не подаёт

Сложно сказать... Если будем проходить по десять — двенадцать километров в день — то две недели точно. Волокуши стали чуть полегче, мы съели треть запасов пищи. Световой день медленно увеличивался, так что вполне возможно, что пройдем и больше. Ещё раз все прикинув, уверенно отвечаю:

— Двенадцать дней. Нужно попытаться идти быстрее. Если снег начнет таять, мы застрянем.

Пока держится минусовая температура, стало даже холоднее. Но уже середина февраля, и когда точно начнется весна, я не знал. Чем севернее, тем позже, на это и была надежда.

Недаром говорят — хочешь рассмешить богов, расскажи им о своих планах. Мы сделали рекордный дневной переход, отойдя от берега моря километров двадцать, когда стал срываться снег. Ветер дул все сильнее, температура упала и мы бросились укреплять наши юрты, огораживая каждую волокушами. Вскоре началась метель, видимость упала настолько, что мы в двух метрах едва различали друг друга. Убедившись, что все семь юрт стоят надёжно, я нырнул в задымленное убежище — ветер мешал нормальной тяге. Неандертальцы нервничали, прислушиваясь к вою непогоды, в таких условиях наши временные жилища ещё не испытывались. Бизонья кожа, натянутая на жёсткий каркас из длинных жердей, вздрагивала, иногда гулко хлопала под очередным, особенно сильным порывом ветра, но держалась крепко. Через некоторое время, убедившись, что опасности нет, люди успокоились, завернулись в шкуры и стали дремать.

Наутро я с трудом раскопал выход, занесённый снегом. Метель немного притихла, но ни о каком продолжении похода не могло быть и речи. Обойдя лагерь, и убедившись, что в каждой юрте есть дрова и относительно тепло, вернулся к своим охотникам. Мы стали ждать...

Пользуясь свободным временем, я размышлял о главной загадке этого мира и странностях неандертальцев. Это я влез со своим уставом в чужой монастырь, до этого ни женщинам, ни тем более детям никаких особых вольностей не полагалось. Их ценили, даже любили, особенно детей — но все равно взрослые мужчины-охотники были и законом, и силой в одном лице. Вот, к примеру, Рауг — я же вижу как его корежит, когда с ним спорят мои дети и девчонки. Аж желваки на скулах играют... Но сдерживается, держит данное слово. И медленно, неохотно, этот гигант изменяется. Он стал все чаще ставить под сомнение "заветы предков" — те привычки и обычаи, что не менялись на протяжении сотен и тысяч лет. Теперь ему было с чем сравнивать...

Иногда, сквозь осыпавшуюся каменную броню запретов, табу, непонятных правил в нем проглядывал ребенок, весёлый, любознательный, с живым и цепким умом. И в эти моменты я едва мог узнать могучего охотника. Может, в этом их проблема, всех неандертальцев? Ведь все новое сразу принималось в штыки, объявлялось злом, противным предкам. За этим пристально следили мужчины и старики, мне уже не один раз рассказывали и Эрика, и пришедшие позже женщины. Так сотни лет сознательно тормозился любой прогресс, поставивший этот вид людей на грань вымирания...

Но зачем это им?

Я вспомнил слова Арики, о том, что в этой мистической пещере предков она получала какие-то знания, информацию, и смогла их использовать во благо детей. Что это, тоже правило, или исключение? С тех пор она наотрез отказывалась говорить на эти темы, а других таких неандертальцев я не знал.

Мне уже несколько раз показывали будущее — и этот поход, и какое-то сражение с

кроманьонцами, и удар ядерного оружия, разработанного их нынешними врагами через десятки тысяч лет... Вот откуда они все это знают? Можно только гадать. Способ узнать больше есть, да и отец Канга о нем говорил, но повторять эксперимент с огненным гипнозом я не решался — потеряв литр крови, стану намного слабее, а у нас каждый мужчина на счету. Дойдем, обустроимся — тогда рискну. Но не сейчас...

Метель продолжалась три дня. И только на четвертый стала стихать. К вечеру снег прекратился, ветер ослабел, и мы стали откапывать скрытые под сугробами волокуши. Снег отгребали руками, высвобождая свои вещи. Степь стала абсолютно ровной, метель скрыла все неровности и препятствия. Только у самого горизонта я заметил несколько темных точек. Животные? Стоят неподвижно, в сгущающиеся сумерках не разглядеть.

Завтра выясним...

Сегодня ровно месяц с начала похода. Мы все так же идём на север, иногда по колено утопая в снегу. Снегоступы помогают слабо, снег ещё не слежался, да и вес мы тащим немалый. Скорость движения ещё больше замедлилась — скоро полдень, а мы хорошо, если прошли пять километров. Дар, маячивший впереди, идёт спокойно, опасности нет. Да и не было — темные точки увеличились, их стало больше и я узнал в них заметенные снегом кусты и деревья.

Привал, и новый рывок... Даже у неандертальцев есть предел, пробивающие колею гиганты все чаще сменяют друг друга, и когда мы добрались до небольшой рощи, командуя разбивать лагерь. Степь вокруг стала напоминать африканскую саванну — деревьев, одиночных и растущих группами, становилось все больше. С одной стороны, это несомненный плюс — не нужно тащить запас дров. С другой — как бы дальше нам через лес не пришлось продираться...

Внезапно до меня долетают громкие крики, и уже полузабытые звуки. Точно, это же лошадиное ржание! Близнецы, закончив устанавливать юрту, решили обследовать всю эту рощицу, и нашли соседей. Два десятка невысоких коренастых лошадей, глубоко, иногда по грудь проваливаясь в снег, пытались сбежать в степь. К братьям уже бежала подмога, охотники тоже заметили неожиданную добычу. Засвистели брошенные в догонку копья, и крупный жеребец, всхрапнув, заваливается в снег. Встать ему уже не дают...

Когда добычу притащили в лагерь, я смог получше их разглядеть. Оба животных, и убитый Тором жеребёнок, и взрослый самец желтовато — бурой масти, с большой головой, и жёсткой, стоящей щеткой гривой. Внешне больше похожи на зебру или осла, чем на лошадь, разве что габариты покрупнее. Дикае предки лошадей? Либо тарпаны, либо лошади Пржевальского, я не помнил, чем они отличались друг от друга в мое время. Но заметку на будущее сделал — нам такой транспорт очень нужен. И мы обязательно вернёмся сюда, чтобы поймать этих животных!

Похоже, небольшой табун спрятался в этой роще от непогоды, а затем там и остался, обгрызая кору и молодые ветки деревьев. К вечеру лошади легли в снег, вот тут их и увидели неандертальцы.

Конина оказалась вкусной, меньшую тушку съели сразу, а большую разрубили на куски и оставили на морозе, будет запас на пару переходов. Остатки дров также перестали беречь, теперь было где пополнить запасы. Наутро перераспределили часть груза, и колонна снова тронулась в путь. Деревья и рощи чередовались с обширными полянами, стали чаще попадаться следы зверей. Несколько раз замечали зайцев и лисиц, иногда вдалеке слышался волчий вой. Кое где стали подниматься невысокие холмы, местность постепенно

повышалась. Взобравшись на очередную такую возвышенность, идущий впереди Дар вдруг замер, всматриваясь вперед. Мы не останавливаемся, сигнала опасности нет, и колонна медленно подтягивается к нему.

Ещё издали я услышал странные, ни на что непохожие звуки — то ли громкое фырканье, то ли хриплое дыхание каких то больших существ. Сбрасываю с плеч ремни волокуши, подхожу к нашему разведчику. И замираю...

Впереди, всего в паре сотен метров от нас, в небольшой низине проходили мамонты. Не узнать этих огромных животных было сложно — похожие на слонов, но крупнее, покрытые длинной бурой шерстью звери поразили даже меня. Мое племя, собравшееся рядом, в немом восхищении провожало взглядами этих величественных гигантов. Об охоте или нападении никто и не вспомнил... Звери неспешно брели на восток, на ходу разрывая снег и вырывая с корнем сухую траву, иногда останавливались и ломали ветви с деревьев и кустов. Стадо было большое, животные шли и шли, в основном самки с детёнышами. Огромные самцы брели в самом начале, то и дело оглашая округу трубным ревом.

Совсем недавно я представлял, как посажу неандертальцев на лошадей. Но сейчас, увидев это живое чудо, меня захватила новая идея — приручить этих гигантов...

Мамонты давно прошли, а мы все ещё стояли, под впечатлением от встречи. И только когда на руках одной из женщин разревелся ребенок, стали возвращаться к волокушам. Тема для разговоров была обеспечена на несколько дней вперед!

Снег стал чуть плотнее, и сегодня мы прошли больше, около пятнадцати километров. Теперь, разбивая лагерь, мы сразу направлялись к ближайшим кустам и деревьям, иногда рубили, а чаще ломали сухие ветки для костров.

Половина взятой в путь провизии уже исчезла, но я не беспокоился по этому поводу — если сильно припрет, начнем охотиться, зверья вокруг полно. Ещё две волокуши сломались и отправились в огонь, одну из юрт пришлось спешно ремонтировать, связывая переломившиеся жерди. Все чаще зашивали начавшую рваться одежду. Одна из женщин подвернула ногу, оступившись, и не могла идти, теперь она ехала на своих же санях. Мелких проблем, поломок, становилось больше с каждым днем...

Погода наладилась, морозы отступили, и мы уже несколько дней ставили рекорды скорости, наверстывая упущенное время. Снег слежался, стал плотным, и ноги в снегоступах больше не проваливались. Деревьев вокруг становилось все больше, наш путь вместо прямой линии стал изгибаться из стороны в сторону. Теперь каждое утро я задавал направление не строго на север, а западнее, опасаясь промахнуться мимо Днепра. Все больше новых следов оставляли на снегу местные обитатели, а иногда мы издали замечали и их самих. Кабаны и волки, олени и лоси, след крупной кошки, скорее всего рыси, различная звериная мелочь — зайцы, куницы, ласки, жизнь вокруг кипела.

Так мы прошли неделю. На утро я остановил людей, сворачивающих лагерь, и, объяснив, что мы могли отклониться в сторону, решил провести разведку. Две пары молодых охотников пошли на север и на запад, а мы занялись ремонтом, поправляя, что было можно.

К обеду вернулись Тенак с Даром, по их словам впереди все такой же редкий лес, разве что стало больше новых колючих деревьев — и мне протянули сосновую ветку.

Ещё через два часа вернулись и близнецы. Ещё издали по их довольным лицам я понял, что сходили они не зря. И оказался прав — Тор радостно доложил, что всего в четверти дневного перехода лес обрывается на берегу очень большой реки. Правда, никакого острова они не видели.

Короткая отрывистая команда, и наша колонна направляется на северо — запад. Вечером мы разбили лагерь на левом берегу Днепра...

Хортицу мы обнаружили на следующий, тридцать восьмой день похода. Ещё издали Дар увидел невысокие скалы посреди реки, и вернулся к нам с радостной новостью. А вскоре и весь отряд расположился напротив острова, рассматривая второй важнейший этап нашего пути.

Восточный берег Днепра был невысоким, на всем его протяжении тянулись камышовые плавни, длинные языки отмелей и песчаных кос доходили до самого острова. Сама Хортица постепенно повышалась на северо — запад, где древние гранитные скалы подымались вверх на полсотни метров. Остров весь покрыт густым лесом, только с юго-востока деревьев становилось меньше, там берег был болотистым, заросшим тростником.

Ещё немного, и все это пространство затопят разлившиеся талые воды, февраль заканчивался. Сегодня температура впервые повысилась до нуля, солнце все ощутимее пригревало. Оттепели среди зимы в этих широтах были не редкостью в будущем, но сейчас я не знал, что и думать — хоть ледник и отступил далеко на север, но такая температурная аномалия была явно не типичной для этого времени. Арика подтвердила это предположение, оставалось надеяться, что скоро опять станет холоднее.

Сегодня отдыхаем, а завтра отправимся на восток, по моим прикидкам осталось пройти около сотни километров.

Впрочем, отдыхали не все — пользуясь тем, что сегодня прошли намного меньше обычного, часть охотников отправилась прочесывать прибрежные плавни. Цепочки кабаньих следов уходили в прибрежные заросли, снег вокруг был разрыт, обнажая целые пласты вывернутой почвы и прошлогодней листвы. Остальные собирали дрова, женщины уже начали разжигать большой костер снаружи — готовить на свежем воздухе было удобнее.

Я как раз заметил небольшое упавшее дерево и направился было к нему, чтобы потащить к лагерю, как со стороны реки раздался визг, и почти сразу — крик боли. Отбросив уже собранные сучья, со всех ног бегу назад. Схватить копьё — секунда, и вот уже оставшиеся мужчины бегут к реке.

Сегодня Тенаку не повезло — он сидел на земле, зажимая руками разорванную на ноге штанину, руки его уже стали красными от крови. Причина раны лежала тут же — не очень крупный, но вооруженный острыми клыками кабан. В нем торчало сразу два копыя, одно лишь вскользь располосовало черную, покрытую грубой щетиной шкуру на шее зверя, а второе вошло в глазницу, поразив мозг. У Дара рука была точнее...

Чуть в стороне близнецы вытаскивали из камышей троих упитанных поросят, а увязавшиеся за ними Слав и Вит деловито приматывали к кривоватой палке ещё одну хрюшку, побольше.

Дёрнуло же их полезть к секачу!... Я со злостью сплюнул, и мы вместе с Даром подхватив пострадавшего парня под руки, потащили его к лагерю. Тенак был бледным как мел, за ним по снегу тянулся темный красный след.

Забираю у женщин горшок с кипящей водой, и кричу, чтобы тащили мешок с иголками, и моток веревки. Мы положили Тенака сверху на одну из волокуш, укрытую грубой бизоньей кожей. Разрываю ему штанину до пояса, и снова ругаюсь — похоже, чертов свин задел артерию, из располозованного бедра все так же стекает кровь. В мешке с веревками нахожу широкие полосы из кожи, мы из таких лямки на волокушах делали, туго стягиваю ногу парня выше раны. Сюю ему в зубы кусок деревяшки, чтобы не орал, и вымыв с мылом руки, такой

же мыльной водой промываю рану. Большая, с ладонь длинной... Клык кабана вспорол кожу и частично разорвал мышцу. Кровь перестала бежать ручьем, но не останавливается. Пока моток тонкой веревки и костяная игла приваривается в кипятке, осторожно свожу края раны вместе, и удерживаю их так. Вроде получается, кровь хоть и просачивается мелкими каплями, но это уже намного лучше того, что было в начале. Рядом собралось почти все племя, кричу Эрике, чтобы тщательно мыла руки, будет мне помогать. Тенак в сознании, явно хочет что-то сказать, и пытается встать.

— Рауг, прижми его!

Эрика уже рядом, и я, вытащив горячую иглу, начинаю накладывать шев. Шрам будет жуткий... Игла прокалывает кожу, оставляя грубые отверстия, и я стягиваю края раны веревкой. Один узел, другой, третий... Парень перестал дёргаться, отключился от боли, но дышит. Пятый узел, теперь ещё раз промываю рану горячей водой, и обматываю ногу полосками меха. Вместе с Раугом переносим Тенака в юрту, и я снимаю жгут, присматриваясь к ране. Вроде кровь не бежит... Все, что мог — сделал. Укрываем парня шкурами, и, поручив подросткам развести огонь, выходим.

Люди не расходятся, столпились у входа в юрту. Одна из девчонок, отбитых у дикарей в прошлом году, выходит вперёд, и заглядывая мне в глаза, путая русские и неандертальские слова, спрашивает:

— Дим, ты защитишь Тенака от злых духов?

Хотел бы я знать... У меня даже спирта нет, одна надежда на иммунитет и стойкость молодого организма.

— Я их отогнал, пока он слаб и без сознания. Но дальше Тенак должен сам с ними бороться.

И, уже обращаясь ко всем собравшимся:

— С этого дня никакой охоты на крупных зверей. У нас уже двое не могут самостоятельно идти. Ещё несколько таких случаев, и мы просто не дойдем до ГОРОДА! Рауг, я прошу тебя объяснить доходчивее, если кто-то опять вздумает пойти на охоту!

Тот молча кивает, затем обводит хмурым взглядом молодежь. Тор, подбивший остальных на эту вылазку, втягивает голову в плечи и отводит глаза

— Сейчас готовим еду, и ложимся спать. Завтра продолжаем поход. Тор, переложи свой груз на другие волокуши. Ты повезешь Тенака.

Парень не спорит, и, ссутулившись, выходит из толпы... Ничего, пусть осознает свою вину — кабаны встречались в Крыму, иногда они появлялись вблизи пещеры. Близнецам уже скоро четырнадцать стукнет, а ума нет. Знали ведь, насколько опасны взрослые секачи, и все равно полезли, ещё и других за собой потянули...

Наутро погода испортилась. Поднялся сильный ветер, температура стала быстро снижаться. Колонна неандертальцев длинной змеёй петляла между деревьями, двигаясь на восток. Иногда они сгущались, образуя практически непроходимый лес, заваленный буреломом, иногда напротив, практически исчезали, и мы несколько километров шли по заснеженной равнине.

Низко надвинув капюшоны, люди упрямо тащили волокуши по затвердевшей корке наста. Пошел снег, мелкий, колючий, он, казалось, проникал во все щели — и таял, вместе с потом стекая по щекам и спине. Шаг за шагом, словно ты не живое существо, а робот. Никаких мыслей, впереди только гора шестов и шкур, которые тянет идущий впереди. Испугавшись возвращения оттепели, расстроенные вчерашней неудачной охоты, мы молча

брели до глубоких сумерек. И лишь когда идущий впереди Дар вернулся, заявив, что больше может идти в нужную сторону, мы стали разбивать лагерь. Сытный ужин и, наконец, такой желанный сон...

Через два дня снег и ветер стихли, небо прояснилось, опять выглянуло солнце. Мороз по прежнему держался, даже усилился, обрадовав и меня, и осознавших опасность застрять в грязи, почти добравшись до цели, людей.

Тенак пришел в себя почти сразу после "операции", и держался неплохо. Сегодня вечером я рискнул снять швы, все же сплетенная из волокон крапивы веревка это не хирургическая нить, хорошо, хоть получилось ее вытащить не порвав. Снова выступила кровь, но рана уже начала рубцеваться, отек вокруг сошел, только края возле шва были багровыми, воспаленными. Гноя не было, значит, парень скоро пойдет на поправку

Подвернувшая ногу женщина уже шла самостоятельно, хоть и без нагрузки, опираясь на подобранную в лесу палку.

Ещё одна волокуша приказала долго жить, десяток других мы спешно ремонтировали, укрепляя конструкцию ремнями и веревками.

На сорок третий день похода мы перешли по льду узкую речку, тянущуюся с севера на юг. Вряд ли это была искомая река, от Днепра мы успели отойти самое большее на пятьдесят километров. Холмов и балок стало больше, все чаще по пути попадались небольшие озера. Насколько я понял, мы шли по самому краю огромного лесного массива, раскинувшегося далеко на север. Там он должен переходить в лесотундру, а затем и в тундру, что тянется вплоть до самого ледника, накрывающего Скандинавию и Балтику. Заросли деревьев то врезались далеко в степь, то отступали, давая нам возможность идти быстрее.

Деревья — это хорошо. Это здорово! Я то думал, что по прибытии придется строить дома из глины, и топить печи бурым углем, в мое время все эти леса давным-давно вырубали...

Через два дня пересекли ещё одну, такую же мелкую, речушку. Начинаю нервничать, ведь за тысячи лет реки могли сильно измениться, обмелеть или, наоборот, стать полноводнее. Как определить, какая из этих рек наша? Когда то, в будущем этого мира я часто проезжал в этих местах, и четко запомнил расстояние от Запорожья до дачи друга возле реки в селе Макарово — ровно сто сорок километров. Эхх, сколько пива там было выпито на рыбалке...

Добирался тогда через Гуляйполе, и маршрут сильно отклонялся от прямой линии, образуя дугу. Вот её хорду, около ста двадцати километров, я принял за основу. И не смог придумать ничего лучше, чем снова отсчитывать шаги. Мы уже прошли семьдесят километров на восток от Днепра, осталось максимум четыре перехода, сейчас мы делали по двенадцать — тринадцать километров в день. Решено, останавливаемся у реки, которую встретим на четвертый день пути!

Народ встретил эту новость с радостью, близость цели придавала людям сил. Снова на стоянках стал слышен смех, на вечно хмурых, вставших лицах заиграли улыбки.

На следующий, сорок шестой день погода снова изменилась, мороз усилился настолько, что пройдя всего пять километров, мы спешно разбили лагерь. Дров не жалели, юрты быстро прогревались. Теперь я был уже полностью уверен, что мы успеем дойти по снегу ...

Наступили пять долгих дней вынужденного бездействия. Мы пережидали холода, переходя из одной юрты в другую, вспоминали пережитые приключения, строили планы на будущее.

Тенак уже вставал и понемногу ходил, но я все равно запретил ему становиться в строй. Под нагрузкой едва зарубцевавшаяся рана точно откроется, а рядом с ней не самая чистая одежда. меховые костюмы пропитались потом, стали грязными и засаленными. Эх, нам бы в баню сейчас! Доберёмся до места, непременно устроим и стирку, и помывку...

Мы дождались — ещё вечером Арика уверенно заявила, что завтра станет теплее. И не ошиблась, воздух перестал обжигать лёгкие при дыхании, небо затянуло тучами, вокруг кружились одинокие снежинки.

Лагерь свернули быстро, люди, хорошо отдохнувшие и восстановившиеся, с энтузиазмом накидывали на плечи лямки волокуш. снова замелькали рощи, занесённые снегом поляны и озерца, пологие холмы и балки. Перешли очередную речку, такую же, как и предыдущие, взобрались на склон балки, ожидая, пока подтянутся отстающие. И, начав спуск, наткнулись на разрывающего снег Дара. Парень указывает на край меховой одежды. Труп человека...

Вскоре мы освободили находку от снега, и перед нами предстал совсем ещё молодой охотник, подросток. Чернокожий. С раздробленным чудовищным по силе ударом черепом... Природа вокруг мгновенно потеряла все свое очарование. Тут живут люди, и либо кроманьонцы устраивают разборки друг с другом, либо здесь есть и наши сородичи.

Дальнейший осмотр тела и одежды ничего не дал, даже определить, откуда и куда направлялся неудачливый охотник, было невозможно. Теперь, глядя на широкую колею, что мы оставляли за собой, я понимал, что найти нас проще простого, было бы желание. Значит, сегодня ночью будут дежурить половина мужчин, одинокого часового можно убить бесшумно, и тогда беда...

До вечера мы больше не встретили ничего подозрительного, и люди слегка расслабились. За сегодня прошли около пятнадцати километров, перешли по льду очередную, заросшую камышом реку. Лагерем стали немного не дотянув до очередного лесного массива, выдающегося далеко на юг — на открытой местности проще заметить движение...

Спал я плохо, то и дело просыпаясь и прислушиваясь к потрескиванию костра за стеной юрты. И с облегчением уступил место продрогшему Анту, сменив того на дежурстве. Впрочем, опасались мы зря — вокруг не было ни души, никто на нас не напал. Изредка доносился волчий вой, пару раз с недалёких деревьев обрушивались горы налипшего снега, вот и все происшествия за ночь.

Следующий день дался тяжело, хотя мороз и ветер практически не чувствовались. Впервые мы шли через сплошной лес, без возможности обойти. Дар с ног сбился, выискивая дорогу между упавшими деревьями и густыми кустарниками. Мы проходили два километра, а к цели приближались на один...

И так до самого вечера, пока заросли не сменились привычными рощами и полянами. Лесная чаща взяла с нас дань в виде двух развалившихся волокуш, и пройденный путь увеличился ещё на десяток километров.

Ночью, сидя у костра, я процарапал очередную черту на своем деревянном календаре, и пересчитав все зарубки, определился с сегодняшней датой — 7 марта. Завтра в будущем будут поздравлять женщин, отмечая приход весны. Если оно, конечно, уцелело, это будущее...

Я невесело улыбнулся — может, меня сюда забросило не случайно, и это второй шанс начать все заново? Пройти то же путь, но воспринимая мир чуть иначе? Кто знает ...

Сегодня наступил пятьдесят шестой день похода. Так и не выйдя за прошедшие два дня к цели, я понял, что мы сильно отклонились в сторону, и всю ночь ворочался, не зная, как поступить. Решил, что сегодня остаёмся на месте, а мужчины, разбившись на четыре отряда, обследуют местность вокруг. Со мной пошли Канг и близнецы. И каково же было наше удивление и радость, когда, прошагав на юг всего километр мы вышли на невысокий берег замёрзшей реки. Русло сильно изгибалось, за деревьями сложно было оценить общее направление.

Пройдя вдоль нее на север, мы встретили вторую группу во главе с Раугом, они шли нам навстречу. Вернувшись в лагерь, выслушали остальных охотников — все посланные на разведку вышли на берег, пройдя около километра... Выходит, мы внутри большой речной излучины, примерно в ее центре.

Наш поход завершен! Но сначала, нужно сделать ещё кое что...

Я придирчиво разглядываю шесты, что мы везли с собой для ремонта юрт. Затем, выбрав брёвнышко потолще, беру рубило и начинаю затачивать его с одного конца. Мне помогают, и вскоре крепкий кол готов.

Рисую на нем знак Солнца, втирая в глубокие царапины золу от ночного костра. Отгребаю в сторону ещё теплые угли, и, с силой размахнувшись, вонзаю этот столб в оттаявшую землю.

— Племя Солнца! Наша дорога закончена, мы нашли, то что искали! Отсюда начнется история нашего народа, а здесь — указываю на вбитый столб, — здесь мы начнем строить ГОРОД!

Глава 5. Беспокойные соседи

*Через боль, через страх,
Через страх
Сделай шаг, пусть он немыслим
Белый плен, белый ад,
Белый ад
Но в тебе есть воля к жизни.
Через крик, через бой
Право жить — за тобой
В. Кипелов, "Белый ад"*

Гости появились на третий день — мы едва успели расчистить поляну вокруг от кустарников и небольших деревьев. Пятеро взрослых, опытных охотников выслеживало кабанов, в изобилии водившихся в камышовых зарослях. И, пробираясь вдоль реки, наткнулась на двоих неандертальцев. Мужчины, один постарше, второй ещё подросток, взобравшись на дерево, издали наблюдали за нашим лагерем. Это занятие настолько их захватило, что только резкий удар древком копья по ветке заставил чужаков взглянуть на землю. И замереть — пятеро охотников направляли на них оружие, отсекая любую возможность сбежать.

Гер попробовал с ними заговорить, но практически ничего не понял. Не долго думая, пойманым шпионам скрутили кожаными ремнями руки, и повели ко мне.

Я как раз вышел из "бани" — одну из юрт переоборудовали под это дело, и теперь туда выстроилась длинная очередь желающих смыть пот и грязь после длинной дороги. Устройство было простым — в костре раскаляли камни и, занеся их внутрь, поливали их водой. Помещение наполнялось теплым паром, и захватив кусок мыла и мочалку из перетянутого веревками пучка травы, можно было хоть немного привести себя в порядок.

Для допроса выделили свободную юрту. Чужаки разговаривали на наречии, сильно отличающимся от привычного моим неандертальцам. Часть слов совпадала, но значение остальных понимал только я и, как позже выяснилось, Арика. Старуху не стали выгонять на улицу, она так и сидела в уголке, закутавшись в шкуры.

— Вы хотели убить моих людей?

Я внимательно слежу за мимикой пленных. Напуганы, избегают смотреть в глаза. Явно бояться, что их убьют.

— Нет. Мы шли следить за черными людьми, но заметили дым среди деревьев. Подойти было страшно, и мы наблюдали.

— Это мои люди видели. Почему вам было страшно подходить? Я не чернокожий, мои люди тоже.

Старший мужчина смеётся, но спохватившись, прерывает смех и издает какой — то булькающий звук.

— Сейчас мало добычи. Если у вас нет еды, вы убьете нас, и мы станем едой.

Вот значит как... В этих краях процветает каннибализм?

— Белые люди — обвожу рукой сидящих рядом со мной охотников, не открывающих взгляда от пленников, — не едят таких же, как они.

— Ты лжешь! — мужчина смотрит мне в глаза, он уверен, что говорит правду. Всегда

победитель съедает того, кто слабее. Вас очень много, вы сильнее нас.

Он с восхищением, уже не в первый раз, смотрит на копье, что сжимает Рауг. А у них вместо копий — обожжённые на костре заострённые палки...

— Вы постоянно воюете с другими родами людей?

— Раньше да... Уже много лет, как пришли черные люди. Теперь мы воюем с ними!

В общем, логично — пока есть общий враг, склоки между отдельными семьями отступают на второй план.

— И много черных людей вы убили?

Мужчина мрачнеет. Похоже, особых успехов они не добились.

— Чего молчишь?

— Нет, не много. У них такие же копья, как у него, — чужак показывает на Рауга. — Когда земля стала белой, только двоих.

— Твой род, он настолько слаб?

Интересно, что он ответит? Вряд ли их больше десятка, один неандерталец в ближнем бою стоит двоих кроманьонцев. Или все дело в вооружении?

— Род Огненного Камня — сильный род! Наши охотники всегда побеждали врагов!

Оно и видно... Вот только название у ребят больно интересное.

— Скажи мне, великий воин — огненный камень, он черного цвета, и руки от него тоже становятся черными?

Вместо ответа чужак достает из-за пазухи кусочек самого настоящего угля, и протягивает мне. Рассматриваю камешек — не антрацит, конечно, но излом блестящий, он даст хорошую температуру.

— Завтра я, Дим пойду со своими воинами к твоим родичам. Ты и ты, — указываю на молчавшего все это время молодого парня, — будешь указывать дорогу. Нас мало, всего две руки, — немного преувеличиваю, но этого хватило

— Зачем?.. — мужик сглотнул.

— Чтобы вместе с ними навестить черных людей. Вас же не меньше?

Из угла раздалось фырканье Арики

— Дим, ты ему веришь?

— Нет, конечно. Но надо же познакомиться с соседями, — и, подкинув на руке кусочек угля, добавляю, — они знают, где в земле лежат вот такие камни.

Арика подошла ближе и пристально всмотрелась в глаза пленников. Словно случайно, поправляя волосы, поднесла руку к лицу. Рукав ее одежды сполз, обнажая ряды шрамов. Старший мужик дернулся и уставился на эти отметины.

— Ты увидел. А теперь назови свое имя и расскажи все заново.

И пленник заговорил. Звали его Фет, он вместе с сыном действительно шел к стоянке кроманьонцев, чтобы оценить их силы. Нас заметил случайно. Кроме них, великий и могучий род Огненного Камня насчитывал ещё двоих взрослых охотников, троих мальчишек — подростков и женщин с детьми. Раньше мужчин было больше, но Говорящий с огнем из рода Белого Волка всегда посылает мужчин из других родов к черным людям, так велят духи огня. Вот их и осталось мало.

Похоже, тех людей, что могут погружаться в транс и остаться после этого в живых, здесь боятся. Вон он как от Арики шархнулся...

Я посмотрел на языки пламени, но быстро отвёл взгляд. Нужно с этим разобраться, и побыстрее.

— Рауг, Фет и его сын останутся у нас. Руки развяжешь. Дашь им воду и еду, бить не надо.

— Вы же не попытаетесь сбежать? — а это уже к пленникам вопрос.

— Я прослежу за ними, — Арика снова подала голос. — Они не посмеют.

Чужаки понуро молчат, но, получив лёгкий тычок от моих людей, пошли с ними, не сопротивляясь.

Я вышел следом, окинув взглядом муравейник, в который превратился лагерь.

Юрты поставили так же, как и во время похода, кольцом, оставив в центре площадки место под костер. Из запасных частей и новых жердей собирали каркасы ещё для трёх жилищ. Волокуши уже разгрузили, и теперь, пока не растаял снег, на них таскали дрова и срубленные ветви, собирая вокруг все, что могло гореть.

Часть ровных веток оставляли, из них я буду делать ловушки по периметру стоянки. Почва ещё не оттаяла, и земляные работы откладывались. К ближайшему берегу расчистили дорожку, скоро река станет основным источником воды. Рыть колодец руками и палками — удовольствие ниже среднего, лучше дожидаться первых нормальных инструментов.

Что мне понадобится для выплавки железа? Прежде всего, железная руда. Ближайшее месторождение в районе будущего Гуляйполя.

Каменный уголь — образец, принесённый Фетом, меня вполне устраивал. Стоянка его рода в двух днях пути отсюда, это похоже на Угледар моего времени. И, наконец — глина. Я уже осмотрел ближайшие берега реки, и выходы глины там были, причем разной, и жирной бурой, и белого каолина. Осталось объединить это в одном месте, и вот тут возникали вопросы транспорта и безопасности. И если с первым ещё можно было хоть как — то мириться, жизнь заставит — притащим, то вот со вторым нужно было что то решать уже сейчас.

И главная угроза для моих планов — вовсе не кроманьонцы, а этот самый Говорящий с огнем. Явно мужик себе на уме, раз вместо охотников своего рода раз за разом отправляет к чернокожим пришельцам соседние семьи. Странно это, неандертальцы далеко не дураки, и просто так, по приказу не пойми кого, умирать не пойдут... Вот почему они не собрались все вместе и не отправили этого шамана к его горячо любимым духам огня?

Чего-то я не понимаю... Мне нужна информация, и один человек, точнее одна, ее мне сегодня выдаст, хочет она того или нет.

Глубоко вдохнув прохладный воздух и успокоившись, я вернулся в юрту. Арика была на месте, и дремала в своем углу.

— Арика...

Старуха не двигалась. Но в открывшихся глазах мелькнули отблески костра. Не спит, значит...

— Арика, мне нужно знать, почему Фет подчинился этому Говорящему с огнем. Это важно, пойми!

Женщина качнула головой:

— Я стара, но слышу не хуже тебя, Дим. Неужели сам не понял? Почему Рауг не стал нашим вождём вместо тебя? Или Гер? Они старше, они сильнее.

— Они дали мне слово, что будут частью моего племени. И держат это слово.

— Глупости не говори!

Арика снова презрительно фыркнула.

— Не только это... Ты был в пещере предков. И вернулся, живой и здоровый. Даже без

жертвы крови. А Рауг ещё неделю с головной болью ходил. А ведь он даже порог не перешагнул, у входа стоял.

— И как бы мне это помогло?

Все равно не могу представить, как эти галлюцинации могут остановить Гера, вздумай он проломить мне череп.

— Дим, те кто хоть раз смог увидеть лица предков, услышать их — они остаются там навсегда. Ты охотишься, ешь, спишь, но другой ты — там, среди них. И ты можешь прийти сюда, — старуха постучала по голове, — к любому человеку, который посмотрит на огонь. Или спит. И забрать его с собой.

Я ошарашенно молчал. Значит, моя власть в племени держится не только и не сколько на уважении и авторитете, сколько на страхе. Но ведь я никогда не делал ничего подобного!

— Арика... Мне нужно снова вернуться в ту пещеру?

— Решай сам. Но как только Говорящий с огнем из рода Белого Волка узнает, что ты существуешь, он придет сам.

Прошло больше года с того момента, когда меня спас Рауг. Я всеми способами оттягивал повторение этого опыта, но, похоже, дальше тянуть было просто опасно...

— Арика, сколько крови нужно пожертвовать?

Старуха оценивающе смотрит на меня, затем, порывшись в грудe вещей у стенки юрты, протянула мне глиняную миску.

— Полную? — В таре больше, чем пол литра...

— Да, Дим. Если ты остаёшься в Пещере Предков надолго, то нужно отдать духам огня много крови.

Как же не хочется, ещё заразу какую занесу в рану!.. Нужно хоть подготовиться, раз по другому нельзя. Поблагодарив Арику — все таки она мне хоть немного помогла разобраться, направляюсь в свою юрту.

Близнецы, Дар и трое мелких мальчишек, что жили тут же, сейчас на улице, они не помешают. Но мне нужен рядом человек, которому я доверяю как самому себе.

— Эрика!

Девушка — в свои четырнадцать она выглядела совсем взрослой, оставила своих подруг, и подбежала ко мне. Девчонки за ее спиной захихикали, перешептываясь. Показываю им кулак, вручаю Эрике миску, что получил от старухи, и захожу в юрту.

— Зачем она мне? — моя невеста покрутила посуду в руках, — ужин ещё не готов. Тебе принести сушёной рыбы?

— Нет, ты будешь меня охранять, пока я буду там — указываю на огонь. Принеси чистого снега, нужно вскипятить воду.

— Дим, это опасно! Я чуть не умерла от страха, когда ты там был прошлый раз!

Потираю щеки, вспоминая.... Да, им тогда досталось, отпечатки ещё неделю сходили. Рука у Эрики тяжёлая, даром что девчонка.

— Сегодня я знаю, куда иду. И готовлюсь.

— Хорошо... Дим, сколько тебя ждать?

Я не планировал днями жить среди призраков и миражей, думаю, до утра мне хватит времени.

— На рассвете разбудишь. Надеюсь, что это не понадобится, и я проснусь сам. Ты ведь не забыла — Дим великий Энн — ой!

Смеюсь, но на душе не весело. Страх остаться парализованным никуда не делся,

несмотря на все, что говорила Арика

— Балабол ты, а не энн-ой! — Эрика быстро целует меня, и выбегает наружу, набирать снег.

Кремниевых ножей осталось мало, они быстро ломались и прокалить такой инструмент на огне — значит его испортить. А вот в кипятке я его подержу...

Вскоре вода уже закипела, я расстелил на толстый слой сосновых веток ещё одну шкуру, отключусь ведь надолго, не хочется потом с простудой слечь. Закатываю рукав и резким движением провожу по коже, оставляя глубокую царапину. Кровь бежит тонкой струйкой, медленно заполняя миску. Чтобы ускорить процесс, сжимаю и разжимаю кулак. Эрика сидит рядом, не сводя глаз с раны. Перевязочный материал наготове, разложен у нее на коленях.

Наконец, миска наполнена. В голове слегка шумит, во всем теле разливается слабость. Девушка уже обматывает мою руку, а я перевожу взгляд на огонь.

Пламя пылает ярко, отбрасывая тени на стены юрты. Не отвожу взгляд, как всегда, наоборот, всматриваюсь в мерцание огня. И мир вокруг, подернувшись красноватой дымкой, исчезает...

Странное это было чувство — словно паришь в тумане, где нет ни неба, ни земли. В этот раз никаких картинок мне показывать не спешили. Я пролетал через россыпь красноватых искр вокруг, и они, отдаваясь, странным образом складывались в очертания Европы, какой ее можно увидеть из космоса. Красно — оранжевое свечение впереди становился все ярче, заставляя прикрыть глаза. И вот огненная мгла рассеивается, сквозь туман проступают грубые каменные стены, огромные грозди сталактитов, свисающих с теряющегося в темноте свода...

Это место совсем не изменилось с прошлого раза — в центре зала все так же горит костер, вокруг сидят старые неандертальцы.

Почти сразу нахожу глазами лицо Арики. Неужели она решилась пойти следом за мной?..

За ней вижу отца Канга, он во втором ряду. Но вот какая странность — я вижу его нечётко. Он совсем рядом, но иногда сквозь его силуэт проступают очертания камней на полу и других стариков. С ними тоже не все в порядке, чем дальше от костра, тем более призрачными становятся фигуры. Их очень много, сотни и даже тысячи, но последние практически неразличимы, сливаясь с темнотой. Что это, игра света или игра моего подсознания?

Медленно обхожу костер по кругу, чувствуя на себе все больше взглядов. В голове нарастает шум, словно нахожусь не в пещере с призраками, а на берегу моря. Сейчас я спокоен, и начинаю различать отдельные слова и их смысл:

— Ты чужак!

— Нарушитель!

— Уходи, ты оскверняешь это место!

— Убить его!!

Мне здесь не рады.

Задние ряды призраков подаются вперед, ярко вспыхивая, ко мне тянутся искрящиеся струйки дыма. И, не долетев всего пару сантиметров до тела, растворяются в воздухе. Кожу покалывает, словно от электричества...

— Ещё раз!

— Святотатец!!

— Нас больше!

Новые вспышки, на этот раз меня потрясло так, будто я за оголённый провод схватился. Мышцы свело судорогой, сердце пропустило удар, в воздухе появился резкий запах озона.

Темнота у стен сгустилась. Хотя нет, это просто часть тускло мерцающих призраков исчезла. А ведь эти атаки обходятся им дороже! Знать бы ещё, как ответить на горячий прием...

Снова ищу глазами Арику, но та сидит отрешённо, закрыв глаза, только на лбу пролегли глубокие складки морщин.

А вот отец Канга, как и несколько фигур вокруг, поднялись на ноги. Они стали совсем прозрачными, но это не мешает отметить, что старики довольно улыбаются, прищурив глаза, их губы шепчут одни и те же слова:

— Вы не утащите во тьму живых... Уже нет...

Делаю шаг к ним, это, похоже, единственные люди, которые мне рады. И тут же дорожку заступает поднявшийся из первого ряда мужчина. Он седой, но крепкий, совсем не похож на большинство здешних обитателей.

— Ты!

Его рука с силой упирается мне в грудь. Непохоже, что он состоит из тумана...

— Я.

Отвечаю спокойно, не думаю, что он физически сильнее меня.

— Ты не понимаешь, что творишь!

— Так объясни. Или вы всегда так встречаете гостей?

Мужик со злостью уставился мне в глаза, его зрачки сузились, вены на лбу проступили чётче. Ну что ж, в эти игры можно играть и вдвоем — я не отвожу взгляд. На секунду стены пещеры вокруг зашатались, но нет, все нормально. Показалось..

— В тебя успели поверить слишком многие... Но они ещё не знают, что ты ведёшь их к гибели!

— Я вывел их из западни, которая захлопнется если не в этом, то в следующем году. И они все живы, а не поджариваются на кострах черных людей!

Снова меня пытаются обвинить во всех грехах... Это начинает доставать, и, зная, что лучшая защита — нападение, сам перехожу в атаку:

— А что сделали вы? Вы, все, кто собрался здесь? Люди сами убивают друг друга, их с каждым годом становится все меньше! Ваших детей и внуков убивают чернокожие! Что сделали вы, мудрые предки?!

Мой голос эхом разносится под древними сводами. Задние ряды призрачных фигур вскакивают с мест, гневно потрясая сжатыми кулаками. Пара слабых искрящихся дымных струек летит в мою сторону.

Не нравится? Держите ещё!!

— Вы запрещаете своим потомкам искать новое, они за тысячи лет не стали жить лучше! Чужаки, которые только появились, уже делают вещи и оружие, о котором вы можете только мечтать!

Мужик напротив отводит руку в сторону, но не отступает

— Ты молод и глуп. Ты не понимаешь... Новые вещи — зло. Они принесут этому миру смерть!

— Смерть приносят не вещи, а руки, что их используют! Или ты хочешь сказать, что

копье само убьет оленя?

— Но если не будет копья, олень останется жив. Понимаешь меня?

Так когда-то поступали луддиты в далёком будущем, отшельники, некоторые староверы и другие сторонники дикой жизни вдали от цивилизации. И эти древние, как дерьмо мамонта, старцы, туда же?

— Давай сядем у костра и спокойно все обсудим. Я, Дим, вождь племени Солнца, отвечу на все ваши вопросы. Но и ты ответишь на мои. Договор?

— Договор. Я Заруг, род Белого Волка будет говорить через меня.

Пока мы, отвернувшись от бушующей толпы призраков, присаживались у костра, я рассматривал своего собеседника. Вот он какой, Говорящий с огнем рода Белого Волка...

Мне ведь все равно придется с ним столкнуться в реальном мире. Послал же бог соседа!..

— Ты научил людей делать новые вещи. Их нужно уничтожить.

— Говори точнее, Заруг. Кого уничтожить — глиняные горшки, мыло, одежду или самих людей? Ты ведь так поступаешь с соседними родами?

Старик недовольно прищурился, но ответил

— Ты уже встретил кого-то из них... Но я обещал отвечать, и я отвечу. И вещи, и людей, которые их создали. Иначе зло расползется по всему миру

— Выходит, нужно убить и меня?

А ему бы этого хотелось, вон как подобрался, ещё немного и вцепиться мне в горло...

— Да. Ещё никогда наш мир не был в большей опасности. Они, — он обвел рукой сидящих рядом, словно статуи вполне живых, и бурлящее море призраков позади, — они все пытались.

— И не смогли?

— У нас мало сил, древний страх перед тьмой слабеет, и мы, хранители этого мира, исчезаем вместе с ним. А когда ты стал нарушать правила, мы стали исчезать десятками... Ты убиваешь нас!

Вот и первый ответ. Но ведь их много, и десяткам, если не сотням, поколений прививался страх перед теми, кто мог говорить с огнем. А тут я со своими горшками... как это могло настолько изменить баланс сил, ведь мое племя против общего числа неандертальцев, рассеянных по всей Европе, ничтожно мало?

— Дим, ты должен уйти!

Опять он за свое... Попробую из него вытянуть хоть что-то:

— Заруг, ты ведь знаешь, что я не уйду. Ты видел, как солнце зажглось среди степи? Поэтому вы не даёте людям развиваться?

— Ты все видел. И ещё смеешь спорить, здесь, в Пещере Предков?

— Смею. Хотя бы потому, что это сделали через тысячи лет дети чернокожих пришельцев, а не мои люди!

— Ты толкаешь настоящих людей на тот же путь!

Старик упрямо гнет свою линию. Разговор заходит в тупик

— Я знаю, как не повторить те ошибки, что они допустили. А теперь ответь мне — зачем людям мир, в котором их не останется? Вы видели будущее — и там нет ваших детей. И вас самих, этой Пещеры там нет!

Со всех сторон доносится недовольный ропот, некоторые полупрозрачные силуэты, сгорбленные, больше похожие на обезьян, чем на людей, бросаются ко мне. И пролетают

дальше, только холодом повеяло...

— Дим, я же говорил, что ты не поймёшь. Такие как ты, появлялись и раньше, но их быстро убивали, а без тела они мало что могут. И ты не сможешь. Я все сказал.

Заруг отворачивается от меня, уставившись на языки огня. Говорить не о чем, мне, по сути, только что объявили войну. Ну что ж, вызов принят!

Со свода пещеры с грохотом обрушивается гроздь сталактитов, по едва различимой стене пробежала трещина.

Я встаю, и направляюсь прямо сквозь толпу тускло светящихся призраков к виднеющемуся вдали пятну света. Надеюсь, там выход...

Ощущения неприятные, словно бредешь в холодной, липкой воде. Но вскоре я практически перестал их чувствовать, да и видеть тоже — силуэты стариков и старух стали практически невидимыми.

Пора возвращаться, я не знал, как быстро здесь, в месте, которое существует лишь в подсознании, течет время. Ускоряю шаги, но выход все так же далеко, как и раньше. Что за черт? Срываюсь на бег, но спустя некоторое время, останавливаюсь. Тщетно, выход не приближается.

Сзади повеяло холодом, я обернулся. Рядом стояли трое — отец Канга и два таких же сморщенных, полупрозрачных незнакомца.

— Дим, ты тратишь силы зря. Ещё никто из нас не смог туда дойти.

— Я хочу вернуться. Прошу, помоги мне.

— Тебе не нужна помощь. Выходи так же, как и пришел — тонкая рука указала на костер.

С досадой хлопаю по лбу — мог бы и сам догадаться, видел же, как Заруг замолчал, уставившись на пламя.

— Спасибо тебе! И... назови свое имя, отец.

— Живые звали меня Сенг. А теперь поспеши, ты зря тратишь силу, что дали тебе твои люди. Мы ещё встретимся, независимо от того, убьет тебя Заруг или нет.

Оптимистично... Что ж, и правда стоит поторопиться, Эрика там точно вся на нервах. Киваю тройке стариков, и бегу к огню со всех ног. Тепло приятно согревает кожу, с нее исчезают тонкие иголки инея. Приняв позу буддийского монаха, уже в который раз растворяюсь в огненном тумане...

Очнулся я глубокой ночью. Тишина... Открываю глаза, пытаюсь пошевелить затекшими от долгой неподвижности руками, и надо мной склоняется такое родное и милое лицо. Эрика... моя голова покоится у нее на коленях, девушка не спала, ожидая моего возвращения.

— Дим, все хорошо?

Пробую пошевелить пальцами, сгибаю и разгибаю ноги — вроде все работает. Словно гора с плеч свалилась...

— Да, любимая... Все хорошо, только пить очень хочется.

Глотка пересохла, кожа на губах растрескалась, язык ворочается с трудом и слова получаются хриплыми, словно чужими. Да и так я сейчас не в лучшей форме — тело какое-то вялое, то ли сильная потеря крови так подействовала, то ли общение с "милыми" предками.

Эрика помогает мне сесть, поддерживая, пока я пью. Сейчас бы чегонибудь сладкого съесть... Но пока даже мед мне недоступен. Летом обязательно найдем в лесу пчелиные

семьи, перенесем их поближе к лагерю.

Сбоку раздаётся шорох, и в юрту заглядывает Тор. За откинутой шкурой, закрывающей вход, ярко горит костер. Вокруг — десятки людей, их лица обращены в нашу сторону

— Дим, ты как?

И, не дождавшись ответа, кричит остальным:

— Живо-о-ой! Дим вернулся!!

Толпа подходит ближе — мои неандертальцы, замёрзшие, не спавшие всю ночь, ждали своего вождя. Здесь все — мужчины, подростки, дети, даже женщины с завернутыми в теплый мех грудничками.

На душе становится тепло и спокойно, даже слабость куда-то исчезает. Арика ошибалась. Меня не только ждали, в меня ВЕРИЛИ. Наверное, так в свое время верили и боги древние греки, славяне и викинги. Герои мифов, олимпийцы и асгардцы, Гардарика и Гиперборея — для них это были не просто слова. Встаю, меня слегка пошатывает, но идти могу. Выхожу в центр лагеря, люди расступаются, мужчины хлопают меня по плечам.

— Спасибо вам! Сегодня мы все одержали первую победу! Я был в Пещере Предков, но они не смогли меня убить!

Радостные крики раздаются со всех сторон, я вижу Арику, смущённо отбивающуюся от облепившие ее женщин и детей. Так вот кто инициатор ночного собрания... Протискиваюсь к ней и тоже обнимаю старуху.

— Вы, ваша вера стали моей защитой. Пока вы верите в наше общее дело, ни один Говорящий с огнем не сможет вам навредить!

Не хочется их расстраивать, но надо...

— Племя Солнца! Мы не одни на этой земле! Рядом живут и черные, и настоящие люди. И мы должны быть готовы к тому, что они превратятся во врагов!

Крики сменяют тональность на более воинственную. Люди уверены в своих силах, они не боятся никого и ничего. А я попробую им в этом помочь!

Отправляю всех, кроме часовых, отсыпаться. Небо ещё темное, до рассвета есть пара часов. Да и мне не помешает... С этой мыслью возвращаюсь в теплую юрту, и обняв Эрику, проваливаюсь в сон.

Наутро, наскоро перекусив, отправляюсь к большой куче ровных стволиков деревьев и кустарников, которые успели вырубить. И вскоре возвращаюсь с добычей — ровной сухой палкой, длинной от запястья до локтя. С одного края выбираю желобок, заканчивающийся уступом. С другого — закрепляю кожаную петлю под пальцы. Подумав, повышаю эргономичность обмоткой рукоятки веревкой.

Первая часть нового оружия готова. Зову Гера, и прошу его сделать для меня несколько коротких копий. Тот, увидев, какой длинны они должны быть, недоуменно вскидывает взгляд и мы какое то время спорим. Напоминаю ему о ловчей яме, которую никто не воспринимал всерьез, и охотник сдает сдается, обещав до вечера все сделать.

Продолжаю обдумывать, как можно повысить боеспособность моего племени. Хороший лук я пока не создам, не хватит ни времени, ни материалов, арбалет тем более. А вот воспользоваться опытом вьетнамских партизан не только можно, но и нужно. Жаль, у меня ещё нет железа, но и так справлюсь.

Подзываю свободных от расчистки подростков, и поручаю им заготавливать короткие колышки, тщательно заострённые с одного конца, чем больше, тем лучше.

Теперь следующая задумка — ловушка — капкан. Сначала развожу небольшой костер,

и, пока земля прогревается, собираю довольно простую конструкцию.

Для нее отбираю четыре ровные толстые палки, и просверливаю их по центру, соединяя попарно длинными осями, смазанными жиром. Две палки покороче просверливаю в трёх местах, но не до конца, и вставляю в эти отверстия длинные осколки костей, посадив их на клей. Они соединят крестовины сверху, это "зубы" капкана. И последняя пара палок снизу, на них натягиваю широкую полосу кожи.

Теперь, когда земля оттаяла, я быстро выкапываю яму в полметра глубиной, и вбиваю оси ловушки в ее стенки. Развожу зубастые рамки в стороны, прикрываю яму сверху тонкими веточками, прошлогодней листвой и окончательно маскирую снегом.

Под отброшенными углями образовался ещё один оттаявший участок, и там я вбиваю в землю маленькие колышки остриями вверх. Маскирую их снегом. Рядом вбиваю столбики, помечая место, где установлены ловушки. Для гарантии ставлю сверху пустую волокушу, и, подозвав мальчишек, поручаю ее охранять, запретив сдвигать с места.

Осталось последнее — очерчиваю вокруг лагеря окружность метров тридцать в диаметре, и начинаю стаскивать на этот периметр ветки и хворост. Земля ещё не оттаяла, выстроить земляные укрепления не получится, а действовать надо быстро. Полученный бруствер засыпаем снегом и обливаем водой, мороз держится небольшой, всего пару градусов, но этого хватает. До вечера вокруг поселения уже возвышался обледеневший вал около полутора метров в высоту.

Гер принес мой заказ, и я созываю всех на первую выставку новейших вооружений каменного века. Народ с удовольствием собирается, мои приготовления не остались незамеченными. Итак, начнем!

Позаимствовав у охотников свиную тушку, уже выпотрошенную и ожидающую своей очереди попасть на костер, привязываю ее за ноги к ветви дерева, метрах в тридцати. Подзываю Рауга, и прошу его метнуть копье. Опытный охотник не подвел, тяжёлое длинное копье со свистом рассекает воздух, и глубоко застревает в мишени.

Теперь подзываю Слава, весь день осваивавшего новое оружие под присмотром близнецов неподалеку от лагеря.

— Рауг, может ли Слав метнуть копье так же далеко?

— Он ещё слишком мал, Дим. Не добросит.

Вручаю парню копьеметалку, и скрестив пальцы на удачу, даю команду к броску. Слав заученным движением отводит руку далеко назад, уперев край небольшого копья в уступ, и придерживая его пальцами. Примеривается, и резко взмахивает рукой. Небольшой снаряд с гораздо большей скоростью проносится к цели, и навывлет пробивает свиную ногу.

Столпившиеся вокруг охотники поражены. Долго осматривают и само оружие, и изрядно подпорченную испытаниями тушу бедного кабанчика. Наконец, Рауг выносит вердикт:

— Завтра же делаем такие копьеметалки для всех мальчишек!

— И для девчонок!

Эрика отобрала у Рауга копьеметалку, и сосредоточено закусив губу, в точности повторяет движения Слава. Взмах — и дротик улетает вдаль, с силой вонзившись в снег метрах в пятидесяти.

Переходим к следующему номеру. Волокуша уже убрана, и я, отрубив от многострадальной туши массивную ногу, демонстрирую действие невидимых, но довольно таки опасных предметов. Брошенная плашмя на землю, нога нанизывается на колышки, и все

видят ряд глубоких отверстий. Предлагаю подумать, что будет с человеком, если он наступит на такой сюрприз голый, или обутой в непрочную обувь ступней.

Теперь очередь капкана. Определившись с местом, я упираюсь реквизитом в снег. Мишень проваливается, с силой давит на полосу кожи, и челюсти капкана захлопываются, вонзая в мясо костяные острия. Без посторонней помощи из такой ловушки не выбраться ...

И наконец, демонстрирую преимущество метания копий по команде из-за укрытия. Эта задумка всем понятна и без объяснений.

Люди возбуждены, с жаром обсуждая новинки. Подождите, то ли ещё будет, дайте мне только до железа добраться!

Наутро вокруг всего вала, отступив от него пару метров, горели костры, прогревая замерзшую почву. Все свободные от охоты и разведки люди занялись изготовлением нового оружия и ловушек, мои поделки уже были разобраны и выступали образцами.

Фет с сыном так и оставался у нас. Его статус из пленника превратился в военного советника. Предварительная договоренность о присоединении его рода к нашему племени уже была, и по лагерю они перемещались свободно. Теперь, увидев, что я тоже Говорящий с огнем, он разговорился, да ещё как!

Этот хитроватый мужик оказался кладезем бесценной информации. Кроме известных мне сейчас, в пределах недели пути отсюда проживало еще целых пять родов. Правда, небольших, максимум десять взрослых мужчин. В одном из них ещё два года назад был свой Говорящий с огнем, но, когда его не стало, этот род, как и все остальные, подчинился Заругу.

Стоянка кроманьонцев была на западе, в двух днях пути, и мы чудом с ними разминулись во время перехода. Племя было довольно крупным, не меньше моего. А вот охотников у чернокожих людей явно не хватало — за последний год они больше ни разу не совершали военные вылазки, уйдя в глухую оборону и накапливая силы.

И, самая важная для меня информация — род Белого Волка. Упоминание о высоких холмах, сложенных из белой земли, наводило на мысли о районе Славянска или Изюма. Он находится от нас далеко на северо — востоке, до него идти пять дней, это если не по снегу. Так что время до нападения и возможность подготовиться у нас была.

Заруг сумел сохранить своих людей, и теперь мог выставить два десятка взрослых мужчин. Обладая таким перевесом в силе, и будучи Говорящим с огнем, он легко держал в подчинении окрестные семьи неандертальцев. И ещё — уже несколько лет, как прекратился обмен невестами. Заруг хотел ещё больше увеличить свой род, но тем самым заложил мину замедленного действия в и так небольшую человеческую популяцию.

Я его мог понять, сам действовал похожими методами, нарушая традицию забирать невесту в свой род и оставляя новую пару в своем племени. Вот только цели у нас не совпадали...

Вчера, обстругивая и оттачивая палки и кости, я много думал о феномене Пещеры Предков.

В будущем генетики выделили из генома неандертальцев фрагменты, отвечающие у современных людей за склонность к депрессии, нарколепсии, галлюцинациям и даже шизофрении. Но ведь это проявилось у кроманьонцев и их потомков, сапиенсов!

Сегодня я окончательно убедился, что они ошибались, эти гены у моих бывших современников просто работали неправильно. А здесь, в каменном веке, это давало неандертальцам просто фантастические возможности — от быстрой передачи информации на огромные расстояния до создания защищённого от любых катаклизмов хранилища

знаний!

Вся эта пещера будет существовать до тех пор, пока остаётся в живых последний из неандертальцев. Вечный огонь в центре, как и сознания ее обитателей, подпитывается страхом или верой людей. Не отсюда ли пошли все развитые религии будущего? Что, если именно эти, почти угасшие и зачастую работающие неправильно гены, в незапамятные времена доставшиеся нам от межвидовых браков, проявлялись в виде мифических героев, экстрасенсов, магов, пророков и святых? Ведь не случайно именно народы с примесью генов неандертальцев и ещё более древних денисовцев, сделали наибольшее число открытий.

Мысль о использовании этого места во благо всего племени захватила меня. Уже с четырнадцати — пятнадцати лет эти люди способны туда войти. Основная проблема — повреждения мозга из-за резко возрастающего артериального давления, и, как следствие — инсульт, паралич или смерть.

Навскидку вспомнил несколько вариантов — это и растительные, и химические препараты для снижения давления, мочегонные средства, медицинские пиявки, использование магнитных полей... Решение точно было, и я его обязательно найду!

Через два дня наша стоянка больше напоминала военную крепость, а не мирное поселение. За ледяным валом в землю под углом вбили остро отточенные колья, широкими лучами расходящиеся в стороны. В пространстве между ними были вырыты десятки ям-капканов, а в затвердевающей грязи таились сотни мелких деревянных шипов. Люди активно расчищали пространство вокруг, оставляя только средние и крупные деревья. Подростки нашли вербу, и целыми днями пропадали на реке, заготавливая ветви. Из них затем плели рыболовные верши, маленькие и большие корзины, в дальнейшем этот материал пригодится при строительстве. Доставалось и зарослям тростника, огромный стог сухих стеблей, прикрытый от непогоды шкурами, возвышался за юртами.

Группы разведчиков продолжали изучать местность, им я дал поручение тащить в лагерь любые необычные камни и материалы, что они встретят по пути. Пока я только прорисовываю карту местности, где мы поселились.

Реку, назвали знакомым мне словом, Аркаим. Я не возражал, в переводе с неандертальского Арка — "извивистая", Им — "небольшая река, ручей". Но в памяти всплыло совсем другое значение этого слова — древний город за Уралом, в тысяче километров отсюда...

Река действительно, хоть и текла с юга на север, постоянно петляла между балок и невысоких холмов, оставляя вокруг десятки стариц и озёр. Лесной массив к северу становился гуще, к югу напротив, заканчивался. Уже в пяти километрах он прерывался участками степи, а в десяти и вовсе исчезал, сменяясь редкими рощицами и одиночными деревьями.

Добычи вокруг хватало, но пока охотники истребляли местное поголовье кабанов, чтобы далеко не отходить. Мясо, сало и наваристый бульон стали постоянными блюдами, да и запас жира пополнялся.

Сегодня ночью, к моей радости, выпал небольшой снег и скрыл все следы ловушек. Охотники сделали хороший запас мяса, и оставались в лагере, только дозорные двойки продолжали поиск возможного неприятеля. Но Заруг не спешил осуществлять свою угрозу. Прошел один день, затем другой, третий — по прежнему никого не было.

Неандертальцы тренировались бросать дротики, запоминали простейшие команды. Кольцевой вал разделили на участки, закреплённые за отдельными группами, на случай

шпурма со всех сторон сразу.

События стали развиваться только через неделю ожидания. Сначала двойка Дара сообщила, что заметили дым и отряд мужчин в тридцать человек в одном дневном переходе. Заруг тоже не терял зря время, и успел собрать охотников ещё с одного, а может и с двух соседних родов. И теперь все эти люди шли к нам с северо-востока, явно не с дружественными намерениями.

Но и вернувшиеся из разведки близнецы заметили большой отряд черных людей, двигавшийся параллельно лагерю чуть севернее нас. Тор отозвался о них пренебрежительно — слишком маленькие, одни дети и подростки. А куда делись взрослые воины? Странно, я был о них лучшего мнения...

Фет забеспокоился — кроманьонцы двигались к стоянке рода Огненного Камня, и мужчин там не осталось. Вскоре он с сыном попросил отпустить его к своим, помочь отбиться. Но у меня появилась другая идея. Собрав самых ловких и быстрых парней, объяснил им свой план, и мы, налегке, нацепив снегоступы, быстрым шагом пошли наперерез черным людям.

Их отряд мы засекли издали — и, затаившись за горами бурелома, стали поджидать. Вскоре среди ветвей замелькали невысокие фигуры. Я присмотрелся внимательнее, и удивлённо выдохнул — Тор ошибся. Это племя кроманьонцев были пигмеями, рост самых крупных не превышал полтора метров. Одеты неплохо, но оружие некачественное, деревянные копья без наконечников, просто обожжены на огне. Выходит, и по пути сюда мы нашли взрослого воина...

Подпустив их на полсотни метров, я выпрямляюсь во весь рост, и метаю дротик. Рядом Дар повторяет мой маневр, и мы бежим к следующей паре. Весь отряд чернокожих с воплями устремляется за нами. Пробежав пару километров, передаём эстафету близнецам, а сами, уйдя в стороны, влезаем на деревья и замираем. Толпа преследователей, получив ещё пару дротиков — на это раз кого-то даже зацепили, — устремляется за ними. Последняя пара, Фет с сыном, ожидали их на пути отряда Заруга, и должны были вывести пигмеев прямо на них.

Выждав несколько минут и отдышавшись, мы идем по вытоптанной в снегу тропе, и вскоре догоняем близнецов. Те, справившись со своей частью плана, неспеша шли по следу кроманьонцев.

Далеко впереди раздались завывания чернокожих, треск ветвей и яростные крики не ожидавших такой подставы неандертальцев. Я довольно улыбнулся, все шло как нельзя лучше. Вскоре к нам присоединился и Фет с сыном, описавшие по лесу широкий круг, и снова выйдя на свой же след. Шум битвы не стихает, и мы, осторожно, прячась за стволами деревьев и кустарников, подошли поближе.

На небольшой поляне продолжалась схватка двух видов людей. Пигмеям приходилось туго, проигрывая в росте и силе своим противникам, они пытались сравнять шансы с помощью оружия. Копья давно были брошены в неандертальцев, но не нанесли никакого урона, просто не пробив шкуры, из которых сшили одежду. Теперь, уворачиваясь от дубин и копий разъярённых гигантов, чернокожие раз за разом прикладывали ко рту небольшие деревянные трубки, из которых вылетали оперенные колючки. Большинство из них запуталось в мехе, но несколько нашли свою цель, впившись в щеки, носы и губы.

Кроманьонцев добивали. Последний чернокожий, видя, что они проиграли, бросается на рослого охотника, и подпрыгнув, отвешивает ему оплеуху. Его насквозь пронзают

копьями, но и на щеке неандертальца остался предсмертный подарок пигмея — сразу три крохотных дротика торчали в заросшей рыжей бородой скуле.

Я узнал Заруга. Крепкий старик, ни чем не уступающий своим воинам. Он ещё не знал что умирает — небрежным движением вырвал колючки, вытер проступившую кровь, и стал собирать своих людей. Охотники разбрелись по полю боя, собирая копья, свои и чужие, осматривали трупы кроманьонцев. Но вот один из них зашатался, сделал несколько шагов и упал. К нему бросились остальные, не зная, чем помочь. Парня трясло, он корчился на земле в судорогах. Раздались крики, и ещё двое упали на землю. Охотники растеряны, они кричат Заругу, что это энн-ой черных людей наслал на них духов огня. Тот начинает что-то отвечать, но и сам хватается за горло и падает в снег...

Вот теперь неандертальцы испугались по настоящему. Четверо мужчин умерли за несколько минут, и Говорящий с огнем тоже. Озираясь по сторонам, сбившись в кучу, они выжидали около получаса. Наконец, видя, что больше никто не умирает, и решив, что духи уже ушли, они стащили трупы своих людей в кучу и стали заваливать ветвями и хворостом. Долбить мерзлую землю никто не стал...

Мы лежали неподвижно, тело начало затекать, но все же дождались, когда потрепанный отряд, немного поспорив, развернулся, и направился по следу чернокожих. Я выдохнул — на четыре — пять дней нас оставили в покое.

Осталось осмотреть тела пигмеев. Предупредив своих людей, чтобы не прикасались к маленьким оперенным колючкам, осторожно поднимаю одну из них. Шип какого-то растения, боярышника или акации. Коротенькое древко из тростника, с двумя птичьими перьями, вставленными в расщеп. Подношу смертельно опасную вещь к глазам, и вижу, что шип имеет борозды, покрытые какой-то мутной вязкой слизью.

Но где они достали яд? Я обыскиваю чернокожих, бесцеремонно стаскивая с них окровавленную одежду. И вскоре нахожу небольшой мешок, висевший на груди у пигмея. Развязываю и вытряхиваю содержимое на снег, на всякий случай отступив подальше.

В груди мокрых листьев и травы вяло шевелятся две лягушки. Их спина зеленовато — бурая, с темно — серыми разводами, а вот брюшко — почти чёрное, покрытое оранжевыми и красными пятнами. Похожи на жерлянок, но окраска намного контрастнее, да и размер крупнее. Рассказываю другим, от чего на самом деле умерли Заруг и другие. Фет, внимательно рассматривая замерзающих лягушек, уверенно заявляет, что такие твари живут в болотах немного южнее нашего лагеря, хоть и встречаются очень редко.

Упаковываю находку обратно в мешок, покажу остальным. Туда же отправилась духовая трубка и несколько стрелок.

Мы возвращаемся — пусть хитростью, но первый бой за нами!

Снова потянулись дни в ожидании развязки. Я втайне надеялся, что без Заруга отряд повернет назад. Сейчас лидерство перехватил кто — то другой, и, понеся потери от пигмеев, решил покончить с этой проблемой раз и навсегда, уничтожив остатки их племени.

Пользуясь затишьем, мои охотники пополнили запасы пищи, а остальные продолжили тренировки. Весна все настойчивее заявляла о своих правах, и днём температура стала подниматься выше нуля. Снег ещё держался, но с каждым днём вокруг появлялись все новые проталины, лед на реке потемнел, у берега появились широкие полосы воды.

Теперь все внимание дозорных сосредоточилось на западе, и вскоре они заметили признаки возвращения отряда — дым от костров на привале. Узнав об этом, я распорядился перекрыть последний безопасный подход к лагерю рядами заточенных кольев, и мы стали

ждать гостей.

Они не прошли мимо — добив остатки кроманьонцев, отряд на обратном пути все же решил напасть нашу стоянку. И во второй половине дня двадцать пять враждебно настроенных мужчин появились на краю вырубki, не решаясь в лоб штурмовать укрепления. Одного не хватает, значит женщины, дети и старики пигмеев дорого продали свои жизни...

Фет, заметив среди них двоих родичей, во всю глотку заорал, чтобы не смели нападать на нового Говорящего с огнем, угрожая им гневом духов. Впрочем, видимого результата не последовало, и отряд разделился на четыре группы, охватывая лагерь со всех сторон. Мое предложение решить дело миром тоже проигнорировали.

Мы следили за врагами — да, теперь эти люди изменили свой статус с "вероятного противника" на четкое и однозначное — "враг". Те, дождавшись, пока последняя группа обошла лагерь и остановилась с другой стороны, заорали боевой клич и ринулись в атаку:

— Во — о - олк!

Мы приготовились. Перед валом стояли взрослые мужчины с копьеметалками, за ними — женщины и подростки с таким же оружием. Сто метров, восемьдесят, пятьдесят...

— Ого-о-онь!

Мой крик, поддержанный остальными, перекрывает рев атакующих. Девятнадцать дротиков устремились к своим целям, мы отходим назад и наше место занимают женщины. Двое мужиков падают, дротики попали им в лицо, но остальные бегут дальше. Тридцать метров...

— Ого — о - онь!

Новый залп был гуще, но сильно ранить смогли всего одного врага. Лёгкие деревянные копья наносили неглубокие раны, если не попадали в открытые части тела.

Снова перестроение — женщины отступают к центру лагеря, а мы, пригнувшись к самому краю укрытия, берем тяжёлые копья с каменными наконечниками, и готовимся к ближнему бою. В нас летит несколько копий, одно перелетает ледяной вал и пробивает стену юрты, два других встряли в насыпь.

Пять метров...

— Аааааа!

Крики боли разносятся над поляной, и наши противники уже никуда не бегут. Большая часть попала в капканы, тщетно теперь пытаюсь освободить застрявшие в костяных челюстях ноги.

— Аааааа!

Трое чудом проскочили капканы, но их стопы пробиты десятками острых колышков, спрятанных под снегом в небольших ямках.

— Ого-о-онь!

Мы метаем тяжёлые копья. С пяти метров, в практически неподвижные цели. Крики боли сменяются хрипом..

Все кончено... Я с грустью смотрю на двадцать три трупа сильных, здоровых мужчин. Как бы мне пригодилась их сила и опыт!..

Судьба распорядилась иначе, они сделали свой выбор и погибли. Но двое из них оказались умнее, или хитрее. В стороне, присев на корточки и обхватив руками головы с разметавшимися темными волосами, сидели родичи Фета. Они не подняли оружие против нас, но теперь, под руководством Рауга, указывающего на скрытые ловушки, до темноты перетаскивали трупы к лесу.

Второй бой, да и сама война завершились нашей полной и безоговорочной победой. Единственное, что омрачило радость племени — то единственное копье, залетевшее внутрь периметра. Когда мы зашли в пострадавшую юрту, у стены неподвижно лежала Арика. В ее остекленевшим глазах отражалось пламя костра, а из пробитой груди медленно стекала струйка крови ...

Глава 6. Пыль дорог

*Я вижу лица.
На них печать восьми ветров.
Кому молиться,
что б нам в пути всегда везло.
А тот, кого выбрала смерть,
Других ей не отдаст.
Он тенью скользит рядом с нами
И охраняет нас.
Другая жизнь — не сон.
Всё ближе горизонт.
И в час ночных дорог
Никто не одинок.
Группа "Ария", "Свобода"*

Наступила первая весна на новом месте. Снег таял, обнажая покрытую травой и прошлогодней листвой землю. Аркаим стал освобождаться ото льда, река вздулись, вбирая талые воды. В лагере стояла грязь, мои неандертальцы на время прекратили все хозяйственные работы, ожидая, пока все вокруг хоть немного просохнет.

Непосредственная опасность на время отступила. Потеряв практически всех мужчин, род Белого Волка скатился с вершины местного рейтинга, и теперь мы еще долго ничего о них не услышим. Кроманьонцы уничтожены, и, пока не подойдёт новое племя, их не стоит опасаться. Фет с родичами отправился к своим, обещав привести оставшихся подростков, женщин и детей рода Огненного Камня. Ну и принести сам огненный камень, уголь — сколько смогут.

Хищников в округе, несмотря на сложившееся в будущем мнение об этом времени, было немного. Самыми опасными были волки, но они опасались связываться с людьми, и обходили лагерь стороной. Больше всего неприятностей доставляли лисицы, обнаглевшие настолько, что пробирались за ограждения и пытались утащить готовящееся мясо. Иногда такие попытки завершались успешно, и тогда в лагерь оглашался рассерженными криками женщин. Мыши тоже быстро проведали, где можно хорошо поесть, и стали портить мешки с едой. Теперь они висели на верёвках, чтобы грызуны до них не добрались. Я поручил подросткам искать логова камышовых котов в плавнях у реки, надеясь добыть котят и приручить их

Кого-то крупнее — медведей, рысей и саблезубых кошек, мы пока не обнаружили, что меня совсем не расстраивало...

Похоронить Арику решили с помощью кремации. Мысль о том, что умерший человек сможет снова стать частью этого мира, неандертальцам понравилась. На следующий день был сложен огромный погребальный костер, и тело столько сделавшей для меня женщины исчезло в пламени. Небольшой глиняный горшок с горстью праха остался единственной памятью о ней для племени Солнца. Место под кладбище ещё не было выделено, и урна стояла рядом со столбом, означающим центр города. Позже я займусь этим вопросом, обряды, символизм, ритуалы и праздники — все это ещё больше сближает людей.

Пользуясь неожиданно свалившимся свободным временем, я размышлял, с чего лучше

начать. Задач было столько, что голова шла кругом...

Во-первых — обеспечить людей едой и с середины лета начать ее заготовку на зиму. Сопутствующие задачи — место для хранения этой еды.

Во-вторых — инструменты. Все больше каменных орудий ломалось, и проблема добычи железа вставала в полный рост.

В-третьих — жилье. Юрты сослужили нам хорошую службу, но нужно начинать строить стационарные жилища.

В-четвертых — новое оружие и новая линия обороны, все жизненно важные постройки должны находиться внутри периметра. Нынешнюю площадь поселения нужно расширять.

В-пятых — транспорт. Неандертальцы сильны, взрослые мужчины могут поднять до сотни килограмм без особого труда, но вот нести такой вес на большие расстояния — уже нет.

Было ещё и в-шестых, и в-десятых... Каждая задача порождала круг сопутствующих проблем, зачастую взаимосвязанных. Мне не хватало всего — времени, людей, материалов, ресурсов... Поэтому пока решил сконцентрироваться на самом важном — добыче металла, с едой проблем сейчас не было, а там и река начнет вносить свою лепту.

Первый шаг я уже сделал — определил, где находится каменный уголь неплохого качества. На поиск железной руды отправлюсь чуть позже, а вот подготовку к строительству плавильной печи нужно начинать уже сейчас. Мне нужен был огнеупорный кирпич или шамот. Дело за малым — натаскать от реки глины и каолина, запастись топливом и формами. Вот с последними была беда — каменные орудия не предназначены для настолько тонкой работы по дереву. Поэтому пришлось подбирать толстые сухие бревнышки небольшой длины, и раскалывать их клиньями пополам. Затем долго и муторно выравнивать поверхность, стачивая камнями лишнее. И, наконец, соединять конструкцию перемычками из таких же, отесанных с боков, отрезков бревен. Как же не хватало нормальной пилы или хотя бы топора...

Идеальной чистоты поверхности добиться не получалось, поэтому соединял части рамки под небольшим наклоном, так делают формы для металлических слитков. С этой работой и провозился несколько дней, сделав три десятка кривоватых рамок. Небольшую кучу глины уже натаскали, и для начала мы стали лепить небольшие плоские глиняные блины, выкладывая их рядами для просушки.

Затем их обжигали и дробили на мелкие кусочки. Кирпич ведь толстый, такой объем материала при обжиге пойдет трещинами. Вот мне и понадобился наполнитель, осколки уже готовой обожжённой керамики.

За этим занятием прошла неделя. Земля уже не была сплошным болотом, и люди стали все чаще выходить из лагеря. Недалеко, на склоне балки, обнаружили выход пластов камня, вполне подходящего для выкладывания фундаментов. Вот добыча этих материалов — глины и камня — и стала основным заданием для племени.

На поиск железной руды со мной отправились четверо — Гер, Ант и близнецы. Куда идти, я знал, хоть и приблизительно, моей целью был район Гуляйполя — родины знаменитого анархиста из будущего. Поэтому, пройдя на запад два дня и преодолев около сорока километров, мы остановились. На следующий день начали поиск по спирали, отходя все дальше. Получив описание руды — темно серых камней, с красновато — бурым налетом, мои спутники внимательно осматривали землю, склоны оврагов, подбирая все, что хоть приблизительно подходило под описание.

И почти сразу мы наткнулись на разгромленную стоянку кроманьонцев. От поселения пигмеев мало что осталось — растащенные хищниками кости, кучи пепла от сгоревших жилищ, и горы мусора вокруг. Долго в этом месте мы не задержались, и продолжили поиски.

Первую находку сделал Гер. Принесённый им камень был весь покрыт ржавым налетом, он уже очень давно пролежал на воздухе. Отметив место находки, стали искать рядом, разрывая землю. И вскоре обнаружили крошащийся пласт бурого железняка, выходящий в этом месте на поверхность. Около него и разбили стоянку. Железистый кварцит довольно прочен, и поэтому приходилось искать небольшие кусочки, или разбивать камни вдоль трещин. Наполнив мешки, мы отметили это место, выложив из камней небольшую пирамиду, и, оставляя зарубки на деревьях и запоминая местность, отправились домой. Обратный путь потребовал в два раза больше времени.

Пробираясь по краю лесного массива, мы часто видели в степи небольшие стада диких лошадей. Поймать жеребят будет непросто, но вполне возможно. Вот только построить крепкий загон пока нереально, и они или снова разбегутся, или станут пищей для волков. Да и простейшую телегу без железных инструментов не сделать ...

Перемешать тяжести на такое расстояние дело неблагоприятное, но пока выбора не было. За этот поход мы доставили в лагерь около двухсот килограмм мелко раздробленной руды. Содержание железа в кварцитах около тридцати процентов, при выплавке часть металла уйдет в чугун и шлак. Хорошо, если после всех усилий я получу пятнадцать — двадцать килограмм пригодного для создания инструментов металла. Поэтому походы к обнаруженному месторождению будут продолжаться и дальше.

За время моего отсутствия Фет привел своих родичей, и нас стало на пятнадцать человек больше. И уголь он принес, как и обещал. Правда, этого мне не хватит даже на одну плавку, поэтому после небольшого отдыха его ждал новый поход в родные края. Мужчины и женщины племени спешно достраивали три новые юрты, размещая прибывших людей.

Да, сейчас наш лагерь и близко не напоминал обещанный рай, скорее наоборот... Чёрное пятно выжженной, засыпанной золой земли в центре, где постоянно горит огонь. Кольцо неказистых юрт, за ним — завал из вырубленных ранее ветвей. Его уже начали постепенно растаскивать, сжигая в кострах. Дальше, за полосой ловушек и капканов — огромный стог стеблей тростника, кучи лозы, глины, камней, руды и угля.

К запахам дыма, жареного мяса примешивался приносимый порывами ветра совсем неаппетитный "аромат" выгребной ямы на краю леса, отмокающих в глиняных горшках кабаньих шкур, кто-то уже начал варить костный клей... С приходом тепла стоянка все больше напоминала муравейник, где каждый тащил в дом все, что могло принести пользу.

Сегодня вечером произошло ещё одно важное событие — наш лагерь получил наконец название, и мог официально считаться стационарным поселением.

Между собой неандертальцы все чаще упоминали словосочетание "место силы" или "место победы", Лант Эрр или Лант Инр. Не долго думая, продолжаю понятную только мне традицию названий, и слегка меняю звучание фразы, объединив оба варианта на древнерусский лад. В далёком будущем мои предки славяне вкладывали в похожее слово сакральный смысл. Латырь, алатырь — камень, "отец всех камней" фигурировал во многих мифах, легендах и сказаниях, он надеялся великой силой.

Новый вариант — ЛАНТИРСК — устроил всех, и с этого дня стал названием только только зарождающегося города.

Наблюдая за уходящими за рудой и углем отрядами, по пять человек каждый, группой

охотников, ватагами подростков, потащивших к Аркаиму новые верши, я понимал — мне не хватает рабочих рук. Да и останавливаться на нынешней численности населения не стоило, прокормить мы могли намного больше. Нужно собирать ближайшие рода неандертальцев, найти их не составит труда — родичи Фета знали о стоянках всех семей, и послужат проводниками.

Вот только как уговорить их работать на совсем не лёгких строительных работах? Они должны увидеть лучшие условия жизни, чтобы переселиться. А у нас даже до постройки первого дома дело не дошло...

Стоп! Ведь ключевое слово — "увидеть". Мои люди, когда я рассказывал о каменных домах и средневековых городах, не только слышали мои слова, но и видели картинки. Мы не входили в транс, отводя взгляд от огня, как только чувствовали границу, за которую не стоит переходить, но и этого хватало. И в пламени костра проявлялись нечёткие, но вполне понятные образы невиданных здесь построек.

А что, если вот так показать свои мысли окрестным семьям неандертальцев? Да и надавить авторитетом Говорящего с огнем можно... Решено, завтра же отправляемся, нечего им прохлаждается, когда тут работы непочатый край!

В поход к ближайшему роду Горностаев со мной отправились шестеро мужчин и четыре подростка. С тех пор, как метание дротиков освоили даже дети, подростки считались вполне самостоятельными боевыми единицами. С собой взяли образцы вещей, сделанных в племени.

Мы пошли на юго — запад, и скоро лес стал исчезать, уступая место степи. Стада туров, бизонов и диких лошадей то и дело мелькали на горизонте. Один раз заметили пару десятков коз. Вдоль небольших озёр сотнями гнездились вернувшиеся лебеди, гуси и утки, да и при движении мы уже не в первый раз пугали куропаток. Это тоже хороший источник пищи, и осенью здесь можно хорошо поохотиться!

Стоянка искомой семьи была на склоне очередной балки. Их жилища отличались от виденных мною ранее — фактически это были полужемлянки, частично заглубленные в почву, и перекрытые навесом из жердей и плохо выделанных шкур.

Считаю "дома" — двенадцать. Нас заметили, из жилищ высыпали люди, сжимая в руках оружие. Копья так себе, наконечники из местного камня, а его очень сложно приспособить под это дело.

На вид — такие же темноволосые крепыши, как и семья Фета. Одеты по-разному, но большинство шкур сильно истерлись, ворс высыпался, да и грязи на них порядком...

К нам выходит лидер охотников — огромный, похожий на Рауга, мужик. Мы заранее опустили оружие, и теперь подходим, подняв раскрытые ладони. Нас не атакуют, уже хорошо.

— Я Дим, вождь племени Солнца. Мы друзья для всех настоящих людей. Род Горностаев примет гостей? Я буду говорить, много. Для рода Горностаев это важные слова.

Неандерталец, секунду поколебавшись, опускает свое оружие.

— Я Тинг, старший охотник рода. Вы друзья Горностаев. Сегодня вы наши гости.

— Благодарю тебя, Тинг.

Слегка наклоняю голову, и мои люди повторяют этот жест. Все нормально, можно начинать разговор. Охотники заулыбались, пытаются разговаривать друг с другом, но не слишком успешно, хорошо понимаем этот диалект только я и проводник. Внутрь землянок заходить не стали, расположившись у огня, где уже подрумянивается тушка небольшого

оленя.

— Дим, ты говоришь, что вы друзья всем настоящим людям. Но другие мои гости, из рода Белого Волка, считают иначе!

Интересное заявление... Значит, я слишком быстро сбросил род Заруга со счетов?

— Тинг, это не я напал на род Белого Волка. Напротив, люди Заруга пришли в мой дом с оружием в руках. И мы их убили, всех до последнего.

— Но тогда почему мои гости утверждают, что ты пошел против воли наших предков?

Я молча протягиваю к нему руку, закатав рукав. Он и так поймет, что если я жив после посещения Пещеры, значит, был не только прав, но и оказался сильнее ее хранителей.

— Вот как...

Тинг задумался, затем продолжил:

— Они пришли два дня назад. Сначала рассказали, что ты вопреки воле духов огня пришел на наши земли, и привел с собой очень сильный род. Затем — что обманом убил почти всех охотников рода Белого Волка.

— Прошли такое расстояние, чтобы пожаловаться на мое поведение?

— Нет, Дим. Чтобы объединить два наших рода и заключить союз. Против тебя и твоих людей.

А эти "гости" время не теряли... Впрочем, ничего страшного не случилось, решение ещё не принято.

— Тинг, я хочу говорить со всем родом Горностая. Пусть они придут сюда. Ты видел, что духи огня подчиняются мне.

— Разве моего слова не достаточно?

— Тинг, мне тоже нужны люди. Не для войны с другими, нет. Для жизни. Я покажу вам, как могут жить настоящие люди. Как они заставляют мир меняться по своей воле. Я буду просить вас помочь, вас всех. Ты решишь за них?

Охотник слегка нахмурился, а затем спросил:

— А просто оставить нас в покое, это возможно?

Не хочу ему врать. Я ведь и вправду пришел разрушить привычный порядок вещей.

— Нет, Тинг. С тобой или без тебя, но я не остановлюсь. Другие рода примкнут ко мне, и вскоре станут жить намного лучше вас. С каждым годом нас будет становиться больше. И когда придут черные люди, мы их встретим и убьем. А вы?

Молчание... Тинг встал, пристально посмотрел на меня, и подозвал двоих мальчишек. Те, выслушав своего лидера, побежали к другим землянкам, громко созывая людей.

К нам подходят — мужчины, женщины, под руки привели двоих старух. Стайка детей разного возраста, увязавшись за глашатаями, с ними же и вернулась к костру.

Большой род — больше тридцати человек. Встаю с места, приветствую народ. И, взмахнув рукой с едва затянувшимся шрамом, приглашаю всех подойти ближе к огню.

Люди медлят, но, заметив лёгкий кивок Тинга, рассаживаются вокруг.

— Род Горностая! Я, Дим, Говорящий с огнем великого племени Солнца, буду говорить, и огонь донесет мои слова до вас. Помните, что духи накажут вас, если будете смотреть на пламя слишком долго.

И вот здесь, на склоне безымянной балки, в каменном веке, за десятки тысяч лет до моего рождения, оживают картины будущего. Я показываю дома — нет, не небоскребы из бетона и стали, их время ещё придет. Обычные средневековые домики, но и они здесь вершина зодчества. Представляю запряженных в телеги лошадей, всадников — и огонь

послушно отражает эти образы в глазах неандертальцев. Замечаю, что один из подростков слишком пристально всматривается в пламя, и его тут же звонкой оплеухой возвращают в реальность, а затем выталкивают из толпы. Молодцы, мне не хочется стать причиной несчастных случаев...

Я продолжаю рассказ, представляя огороженные поля и загоны, где растет зерно и бродят стада туров и бизонов. И, наконец, выпускающие клубы черного дыма горны и печи, из которых огненным потоком льется металл.

Люди ошарашены. Они с трудом воспринимают такой поток информации, сегодня они увидели едва ли не больше, чем за всю свою жизнь до этого...

— Вы видели все! Я приглашаю вас переселиться в Лантирск. Вы получите пищу и защиту, жилища не хуже тех, что у вас есть сейчас, но скоро мы начнем СТРОИТЬ новые дома. Охотники и воины, ещё до зимы у вас будет оружие, которого нет больше ни у кого в мире. Ваши дети, когда вырастут, легко найдут себе пару. Решайте, это ваша жизнь!

Я встал, и положив руку на плечо Тинга, успокаивающе произнес:

— Ты будешь главой рода и в Лантирске. А род Горностаев станет частью племени Солнца.

— Но решать, как мы будем жить дальше, будешь ты?

— Да. Пока я жив, через меня будут говорить ваши предки, те, которые не желают смерти и забвения своим детям. Род Белого Волка пошел против их воли, и где он теперь? Делай свой выбор, Тинг.

Ночи были уже не настолько холодными, чтобы прятаться в душной землянке. Поэтому мы, собрав побольше дров, отошли подальше и развели огонь. Пусть местные переварят новую информацию, все обговорят и обсудят.

Мы были не одни такие — на другом краю стоянки так же горел небольшой костер. Вокруг него сидели трое мужчин, то и дело бросая в нашу сторону злые взгляды.

Это хорошо, что нас больше. В открытую они не нападут, побоятся, но и нам расслабляться не стоит. Указываю на эту группу Кангу, и он понятиво кивает — ночью дежурить будем по двое.

Постепенно приглушённые голоса в землянках затихли, ночную тишину нарушал только далекий волчий вой. Моя смена была под утро, и я, не теряя зря время, завернулся поплотнее в меховую куртку и почти сразу уснул.

Мне снился Лантирск, темные силуэты юрт, едва освещенные светом костра. Вот в этой спит Эрика, ее подруги, в соседней — Юр с остальными детьми. А здесь — уставшие от бесконечного прочесывания леса и берегов Аркаима, охотники. Вот пара часовых, потягивающих горячий чай у костра, обширная вырубка вокруг... Городок отдалялся все дальше, превращаясь в едва заметную светящуюся точку, и вот далеко на западе я замечаю вторую. Лёгкое мысленное усилие, и эта точка приближается, становится все ярче. Вот уже я узнаю Гера, потирающего глаза. Рядом спят четверо уставших мужиков, они весь день добывали и дробили руду... Картинка снова отдаляется, словно масштабируемая карта. А если попробовать представить Фета?

Ощущение полета становится сильнее, и вот я вижу совершенно незнакомую мне местность. На склоне холма чернеют глубокие ямы, и только одна из землянок неразобрана. В ней и спит первый шахтер каменного века, я не вижу его лица, скрытого навесом, но почему-то точно знаю — он там. Вот от горящего у входа костра поднимается фигура часового, и растолкав спящего, занимает нагретое место.

Я смотрю на зевающего Фета, подбрасывающего дрова, на ярко разгорающееся пламя, приближаясь всё ближе — и передо мной проступает полупрозрачный силуэт Сенга и ... Арики?

Старик что то говорит, но слов не разобрать. Повторяет снова и снова...

— Проснись!!!

Крик Арики все же пробивается сквозь треск искр и рев огня.

Я снова попал под действие этой странной силы? На меня накатывает дикий, первобытный страх. Прочь отсюда, быстрее! Мышцы пронизывает боль, но сознание уже вырвалось в реальный мир, и я, весь мокрый от пота, открываю глаза. Непонятным образом очутился на ногах, и теперь на меня вопросительно смотрят оба часовых ...

Что-то со свистом вылетает из темноты, быстрое, стремительное, едва не задев ногу. Отскакиваю в сторону, а в землю, в то место, где я лежал всего несколько секунд назад, на пару ладоней вонзается тяжёлое копьё.

— Будьте всех!

Часовые расталкивают спящих, а я, представив траекторию полета, выхватываю из огня длинную горящую ветку, и бегу в темноту. Позади тоже мечется свет, слышен топот — мои люди рядом. Через минуту замечаю человеческий силуэт впереди. Быстрее!

Ещё немного — и я с силой толкаю бегущего в спину, и сам лечу следом. Мы кубарем катимся вниз по склону, земля и небо стремительно меняться местами...

Факел я выронил, он лежит в начавшей отрастать траве выше. Противник едва различается, но это не мешает бить вслепую. Удар, другой, третий...

Вдруг человек подо мной изворачивается, выскальзывая, и в мою челюсть впечатывается здоровенный кулак. Словно лошадь копытом лягнула...

Перед глазами вспыхивают искры, я мотаю головой, пытаюсь прийти в себя, и ловлю ещё удар. Теперь уже на меня наваливается тяжёлое тело, мужик рычит сквозь сжатые зубы:

— Убийца!

В его руке появляется длинный, острый осколок кости, и он с силой устремляется ко мне.

— За смерть отца!!

Страх, что эта штука вот-вот вонзится мне в глаз, придает сил. Мне удастся перехватить сжимающую оружие руку, но противник намного сильнее. Кажется, мышцы сейчас лопнут, пытаюсь сдержать чужую мощь... Бесполезно, это все равно что пытаться остановить голыми руками надвигающийся поезд!

Вокруг становится светлее, раздаются крики, и вдруг все закончилось. Громкий, противный хруст костей, и враг обмяк, придавливая меня своей тушей. Отталкиваю его, пытаюсь встать — голова все ещё гудит. Взгляд наконец фокусируется, и я различаю крепкую мужскую ладонь. Тинг, опираясь на окровавленную дубину, протягивает мне руку. Крики вокруг стихают, и в тишине раздается его спокойный и уверенный голос:

— Мы сделали свой выбор, Дим.

Двоих оставшихся мужчин из племени Белого Волка так и не нашли. Охотники проследили их следы на полдня пути, но идти на восток дальше не стали. Ушли, и ладно...

Сына Заруга похоронили на месте смерти, просто засыпав тело землёй. Тинг после ночного происшествия больше не вспоминал о предложении наших конкурентов переселиться к ним, и его род начал собирать вещи. С нами в Лантирск уходила половина племени, большая часть женщин и детей. Изрядно нагруженные, назад мы шли два дня.

Остальные подойдут чуть позже.

Городок встретил нас суетой — прямо перед нашим приходом произошло небольшое ЧП, и в этом отчасти была моя вина. Юр, с такими же мелкими мальчишками, выполняя поручение вождя, нашел логово камышового кота и целых пятерых котят. Вот только самому коту это не понравилось, и теперь юный зверолов красовался разодранной одеждой и глубокими царапинами на спине и плечах.

До вечера ещё было время, и мы отправились на реку. Если зверьки ещё совсем маленькие, есть все шансы их приручить.

Нужное место было совсем рядом, но хорошо скрыто от посторонних глаз. Большое сухое дерево упало в воду, в заросли тростника. И теперь в этом переплетении ветвей и травы, коты устроили гнездо.

Под толстым стволом животные вырыли неглубокую яму, вымостили ее сухой травой и клочками серовато — бурой шерсти. И среди этого утеплителя на нас смотрели бусинки глаз троих котят. Они тихо шипели на людей, но никуда не убегали. На вид им уже больше месяца, глаза открыты, а судя по множеству мелкой рыбьей чешуи, мать уже стала отучать их от молока.

Взрослых зверей мы так и не увидели. Похоже, кошка, испугавшись, успела перетащить двоих детенышей в другое место. Но и три котенка, если удастся их выкормить и приручить, станут отличной защитой Лантирску от любых вредителей, будь то грызуны, птицы или рептилии.

Тор примерился, и, ловко ухватив первого котенка за шкурку, отправляет его в мешок. Малыш шипит и пытается царапаться и кусаться, но, очутившись в пропахшем сушёной рыбой укрытии, успокаивается. Вскоре к нему присоединяются остальные, и мы возвращаемся в город — нужно засветло переделать одну из больших корзин в клетку.

Вообще камышовые коты плохо приручаются, особенно в первом поколении. Это крупные, до двенадцати килограмм, животные свободолюбивы и по натуре одиночки. Но удачные попытки в будущем были, поэтому я настраивался на удачу.

А мальчишкам велел продолжать поиски, в том числе и в лесу — лесные коты тоже должны быть где-то рядом. Их приручить будет проще...

Второй находкой за время моего отсутствия стал бурый уголь. Нашел его Гер, возвращаясь с новой партией железной руды, причем встречались эти тёмно-коричневый слоистые камни там довольно часто. И, самое главное — не очень далеко, на полпути оттуда.

Сейчас этот ресурс мне не особо нужен, но чуть позже, когда вооруженные железными топорами и пилами неандертальцы уничтожат все леса вокруг на несколько километров, настанет и его время. Высушенный бурый уголь хорошо горит, и будет обогревать Лантирск долгие годы.

И, наконец, последней новостью стали все возрастающие уловы рыбы. Десятки вершей уже стояли вдоль берегов Аркаима, и каждый день добавлялись новые ловушки. Меню стало разнообразней, да и охотников теперь время от времени можно переключать на добычу камня и глины.

А ещё — на строительство коптилен, ведь те мешки соли, что мы привезли с собой из Крыма, нужно растянуть хотя бы на два года. Без транспорта идти к Черному морю за новыми порциями слишком долго и расточительно.

Заботится о котятках поручили девушкам, и они уже обустроивали для них новое

жилище. Вскоре пушистых малышей поселили в плетёную клетку, и, положив туда несколько мелких рыбёшек и миску с водой, оставили в покое. Но ещё несколько ночей мы слушали жалобное мяуканье, а Эрика с подругами ходила с поцарапанными руками...

Лантирск разрастался, новые юрты уже устанавливали, замыкая второе кольцо. Груда камней тоже увеличилась, и я стал обдумывать проект первой жилой постройки.

В первый год мы начнем подготовку к строительству домов, используя простейшую глинобитную технологию с передвижными опалубками. Численность племени возросла до ста пяти человек, ещё до сотни я рассчитывал привести из соседних стоянок неандертальцев. Для их относительно комфортного проживания нужно будет много места, минимум по четыре — пять квадратных метров общей площади на человека. Плюс оставить немного места "на вырост", несколько женщин были беременны.

При этом нужно учесть хотя бы часть пожеланий моих людей. Неандертальцам не нравились тонкие стены юрт, их тянуло в пещеры, под землю. Не нравились и прямые линии, хоть общая гармония постройки и симметрия им не чужды.

В итоге у меня получилось круглое строение, с внешним диаметром в десять метров. Высоты стен в два с половиной метра должно хватить с избытком, как и полуметровой толщины.

В центре такого дома будет располагаться кирпичная печь по типу шведской, ее задача обогревать помещение и упростить готовку еды, и поддержка стропил. Двенадцать разделенных тонкими перегородками комнат вдоль стен дадут хоть какое-то подобие личного пространства. Освещение — в теплое время через открытые входные двери и узкие окошки, в холодное — с помощью светильников на жиру.

Этих домов я запланировал шестнадцать, расположив их вокруг центральной постройки, и соединив переходами с боков.

Перекрытие — из тростника, крыша высокая, конусная, венчающаяся печной трубой. В дальнейшем, накопив достаточное количество кирпичей, можно будет обложить эти постройки снаружи, а тростниковую кровлю заменить на черепичную.

Технологию строительства решили отработать на "дворце вождя", который будет совмещать функции моего жилища, арсенала, школы, библиотеки и амбара.

Но все эти проекты неосуществимы без железа и железных инструментов, а его не добыть без плавильной печи. Поэтому, отложив глиняную пластинку с расчетами, я занялся формовкой шамотного кирпича.

Выбрав ровную площадку, стал готовить раствор. Приблизительное соотношение каолина и песка уже определили, когда готовили наполнитель из обожжённой керамической крошки, осталось добавить немного золы — и смесь готова. Теперь нужно ее набить в смоченные водой формы и, осторожно вытряхнув, оставить сушиться на две недели. За день работы шесть человек изготовили больше двух тысяч таких кирпичей, заняв ими все свободное пространство.

На следующий день занялись изготовлением глиняных форм под плиту наковальни, нескольких тяжёлых молотов, фурмы, решетки колосников, трубы задвижки и заслонки для печей. Отдельно были вылеплены десяток толстостенных цилиндров, если они выдержат обжиг, послужат временными элементами для мехов.

Я планировал сложить одну большую плавильную печь по типу изобретенных в Индии шпукофенов, и подвести к ней наддув с двух сторон. У меня был каменный уголь, который горит жарче, чем древесный, и я рассчитывал довести температуру до точки плавления

железа. Полученный чугу́н разольётся по формам, быстро охладится водой и затем пройдет отжиг. При этом излишки углерода перейдут в графит, и хрупкость существенно снизится. А вот железные крицы будут по краям состоять из стали, и после проковки и выбивания шлака из этого материала можно будет попробовать сделать инструмент получше.

Оставалась последняя проблема — сера. Наличие этого элемента в каменном угле сильно снижает качество полученного металла, делая его хрупким. Бороться с этой проблемой можно было двумя способами — добавить в шихту марганцевую руду, или воспользоваться опытом средневекового Китая. Там металлурги Кайфына, вырубив весь лес на десятки километров, стали применять прокаливание каменного угля без доступа воздуха, получая кокс.

Создать коксовую печь вполне возможно и сейчас, выложить узкие закрытые камеры, наполнить их углем, обложить топливом и поджечь, поддерживая горение около полусуток. Практически вся сера перейдет в газ и улетучится.

После первой плавки произойдет качественный скачок, почти все оборудование можно будет улучшить, и так несколько раз. А там и организовать большую экспедицию в район будущего Токмака за марганцевой рудой сможем.

Конечно, можно было бы поступить проще — использовать древесный уголь. Но проблема его добычи была не намного проще — нарубить каменными топорами достаточное количество толстых деревьев, и пережечь их без доступа воздуха, засыпав слоем земли. К тому же температура горения такого угля не выше 1000 — 1100 °С, тогда как кокс выдаст 1300 — 1900 °С.

Для сравнительно небогатой руды, которая у меня имелась, эта разница очень важна. Это ведь не гематит, состоящий на 60–80 % из железа, а кварцит...

Все таки небольшое количество древесного угля пригодится и мне, чтобы разжечь печь в начале плавки. Поэтому одну такую древесноугольную кучу и стали закладывать на окраине Лантирска.

Пока кирпичи сохли, я стал подбирать детали для изготовления кузнечных мехов. Самым сложным было сделать две широкие доски, между которыми был закреплен и приклеен сложенный гармошкой кожаный мешок. Узкий конец мешка закреплялся вокруг короткой глиняной трубы, через нее будет подаваться воздух в печь. В нижней доске просверлено отверстие, прикрытое полоской кожи, играющее роль клапана, к верхней крепился длинный рычаг. Установка двоих таких устройств позволит организовать практически непрерывную подачу воздуха в зону плавки.

Первые меха я изготавливал неделю, следующие немного быстрее, за пять дней. К этому времени высохла первая партия кирпичей, их убрали и сложили в штабель, заложили следующую, в два раза большую. Расчищенное пространство вокруг быстро увеличивалось, пни выжигали, все неровности засыпались и выравнивались.

Пришли остальные мужчины рода Горностаев, и, установив ещё пару юрт, с ходу включились в работу. Под руководством Эрики, прекрасно запомнившей мою первую конструкцию, они сложили две коптильни, и теперь туда сразу отправлялась часть улова из вершей. Такую долго не портящуюся провизию стали брать с собой отряды, отправлявшиеся за рудой и углем, чтобы не тратить время на охоту.

Апрель заканчивался, на деревьях стремительно набухали и лопались почки, ветви зеленели на глазах. Земля быстро просыхала, и я решил, что нужно наведаться к остальным родам неандертальцев, разбросанных от нас на расстоянии от двух до четырех дней пути.

Помня о недавних событиях, в этот большой поход со мной отправились десять мужчин и пятеро женщин и девушек. Они послужат живой рекламой нашего образа жизни, да и за тот же отрезок времени одна неандерталка сумеет рассказать слушательницам на порядок больше, чем все мужчины, вместе взятые...

Эрика тоже увязалась с нами, аргументируя свое участие тем, что она единственная уже освоила местное наречие. Спорить с этим было невозможно, у девчонки однозначно были способности к языкам.

Маршрут пролегал через владения рода Куниц, Черных и Серых Белок, и заканчивался стоянкой рода Медведей далеко на северо — западе, больше чем в ста километрах от Лантирска.

Этот поход завершился частичным успехом — три небольших рода, всего около семидесяти человек, приняли мое предложение, и проводники повели к городу новые караваны переселенцев.

А вот с родом Медведей пока не удалось договориться, местные неандертальцы сначала хотели все увидеть воочию, сеанс огненного гипноза их хоть и поколебал, но не убедил окончательно. Возможно, причина была в том, что этот большой и сильный род состоял преимущественно из молодых мужчин, не нашедших себе пару. Женщин было немного, и все усилия дипломатического корпуса с Эрикой во главе, прекрасно справившихся со своей задачей на предыдущих трёх стоянках, ни к чему не привели.

В Лантирск с нами отправилась только одна семейная пара, молодой охотник по имени Пратт и его женщина, Лесса. Подозреваю, что именно желание увести молодую жену подальше и подтолкнуло его уйти первым.

Здесь мы оставили все образцы наших изделий, обменяв их на десяток хороших каменных топоров. Пратт говорил, что за такими камнями они ходили на запад, к большой реке, и нашли их в месте, где вода бурлит между скал.

В этом мире Днепровские пороги, не скрытые под гладью водохранилищ, сохранились, и служат неплохим ориентиром. Я постепенно привязывал местность к той карте, что помнил из будущего, выходило что род Медведей обитал примерно на месте будущего Павлограда. Севернее никаких стоянок неандертальцев не было, или Пратт и его сородичи о них просто не знали. Черных людей здесь никогда не видели, только слышали рассказы о них на осенних встречах местных родов.

Если это так, то сейчас на всей этой огромной территории, ограниченной с северо — запада Днепром, кроманьонцев не было. Что происходит восточнее, я не знал, но надеялся, что Дон и Северский Донец тоже какое-то время будут естественными преградами на пути их миграции, и основной поток чернокожих сейчас идёт в Европу через сухопутный перешеек Босфора, ещё не успевшего стать проливом.

С этими переселенцами мне предстоит столкнуться в будущем, и огнем и мечом отбросить их назад, в Турцию. Мы сможем позволить ассимиляцию другого вида, но не больше пяти процентов от численности неандертальцев на тот момент. Приток новых генов увеличит наш запас прочности, и, через несколько поколений постепенно растворится в общей массе, оставив полезные признаки. Главное сейчас собрать побольше людей, и создать все условия для быстрого роста моего народа.

Задерживаться долго у Медведей мы не стали, и, чтобы не провоцировать конфликты из-за женщин, на следующий день отправились назад, к Лантирску. По пути я отмечал многие полезные растения, которые пригодятся в дальнейшем, несколько кустов ирги и

черники мы отрыли, и теперь несли с собой, в наполненных влажной землёй мешках — южнее они не встречались. Теперь, когда листья распустились, можно было распознать малину, ежевику, черную и красную смородину. Эти растения росли повсеместно, их хватало и в окрестностях нашего городка. Осталось дожидаться осени, и выбрать кусты с самыми крупными ягодами, закладывая основы селекции.

Эрика нашла большинство лекарственных растений, которые росли и в Крыму, за исключением степного мака, я же смог определить только подорожник, тимьян и мяту. Как же я теперь жалел, что, готовясь к исходу, не собрал несколько сухих коробочек с семенами! Ведь никакого другого обезболивающего у меня не было...

Ещё одной находкой стала съедобная лобода, родственное обычному бурьяну растение, с более яркими и сочными листьями. До созревания семян ещё долго, и молодые ростки перенесли в корзину вместе с комом земли, на которой они росли. Вместе со щавлем, черемшой и диким чесноком она станет первой сельскохозяйственной культурой, которую мы освоим.

Вообще, проблема селекции и новых, прежде всего высококалорийных культур, с ростом численности населения будет становиться все острее.

На сегодняшний день рыба составляла большую часть рациона, но Аркаим, хоть и был гораздо полноводнее и богаче уловами, чем в будущем, скоро не сможет прокормить Лантирск. Только через несколько лет, и то, если развитие не замедлится, мы сможем совершить каботажное плавание к берегам Турции, и попытаться отыскать дикую пшеницу.

Сейчас единственный выход я видел в ускоренном развитии животноводства, и первыми на очереди стояли дикие свиньи. Зимой охотники сильно проредили местное поголовье, но на их место пришли новые стада, и сейчас как раз должны появиться поросята. Эти животные всеядные, и прокормить их не сложно. На корм идёт все — трава, ряска, молодые ветви, листья и кора деревьев, любые плоды и ягоды, жёлуди, грибы, даже ядовитые для людей, мелкая живность вроде лягушек, ящериц и ужей.

Затея довольно опасная, взрослые животные яростно защищают потомство, их придётся убить. Да и отловить потом несколько десятков шустрых поросят будет непросто. Но — вполне реально, и через одно-два поколения они будут полностью домашними. Главная трудность — удержать животных на месте, а для этого нужны крепкие ограждения. И часть людей придётся закрепить за этим стадом, заготавливать ему корм, таскать воду, заниматься отбором самых крупных и спокойных животных на развод.

Ещё одного кандидата в домашние животные мы встретили на полпути домой. Сначала я подумал, что вижу знакомых мне равнинных бизонов, что были обычными в Крыму и Приазовье. Но нет, эти быки были поменьше, с более длинными рогами и не такой густой шерстью. В будущем они остались только в зоопарках и нескольких заповедниках, таких как Беловежская Пуца. В сотне метров от меня, по другой стороне поляны проходило небольшое, около двадцати голов, стадо зубров. Вот этих гигантов пока нам не удержать никакими силами, любые загоны и ограждения из дерева они сломают. Понаблюдав за величественными животными, мы продолжили путь, и через день нагнали большой отряд рода Черных Белок, направлявшийся в Лантирск. С ним мы и вернулись, затратив на все три недели.

Группа самых опытных охотников ушла в плавни, выслеживать кабанов и ловить поросят, новички обживались, ставя очередные юрты. Несколько мужчин занялись насыпью высокого земляного вала и частокола вокруг будущего загона, а я, отобрав пятерых

помощников, занялся подготовкой к металлургии.

За это время запас сырого кирпича увеличился до четырнадцати тысяч штук, и можно было начинать его обжиг. Для этого мы выбрали ровную площадку в стороне от построек, засыпали ее слоем чистого песка, и ещё раз разровняли. Затем я стал выкладывать три длинных печных канала, их заполнили сухими дровами. Дальше уже все вместе продолжили чередовать продольные, поперечные и вертикальные каналы, пересыпая каждые два ряда углем, и так до самого верха, пока весь кирпич не был сложен в бурт. Дрова подожгли снизу, и они сутки прогревали штабель, досушивая его, за это время мы обмазали стены бурта песчано — глинистым раствором. Осталось подбросить топливо, уголь воспламенился, и начался непосредственно сам обжиг.

Бурт горел и затем остывал десять дней, и, когда мы его разобрали, больше двух тысяч кирпичей ушло в брак, растрескавшись. Но остальных мне хватило, и в середине июня моя строительная бригада завершила выкладывание батареи коксовальных камер — узких, около двадцати сантиметров, промежутков между кирпичными стенами. Каждая вторая была закрыта с боков, в нее засыпали уголь, и прикрывали сверху рядами кирпичей. С торцов и в более широких промежутках развели огонь, заполнив их дровами, и Ант поддерживал его сутки. Жаль, конечно, что много ценных веществ просто улетучилось и сгорело, та же каменноугольная смола, например, но пока было не до нее... Затем торцы камер разрушили и мы общими усилиями вытолкали брёвнами спекшуюся массу наружу, залили ее водой, чтобы не воспламенилась на воздухе, и занялись ее дроблением.

Поручив Анту ремонт камер и новую загрузку, я занялся новым, главным делом — выкладыванием самого штокофена. Это было дальнейшее развитие сыродутного горна, но высота печи достигала уже трёх — четырех метров, а температура горения превышала 1100 °С, что позволяло выплавить не только губчатое железо, но и чугуны.

Большой сужающийся кверху конус выкладывали два дня, затем столько же подводили к нему трубы мехов, и строили помост для загрузки сырья. Кладка будет сохнуть ещё неделю, и мы, наконец, смогли немного отдохнуть...

В Лантирске жизнь кипела, за строительными работами я многое упустил, и Эрика потащила меня на экскурсию.

Берег Аркаима немного благоустроили, расчистив два песчаных пляжа, и теперь туда ходили мыться после работ. Чуть выше по течению на берег натаскали камней, сделав насыпь — там набирали воду.

Стайка девчонок хвасталась немного подросшими котятками — они уже не шипели на людей, благосклонно принимали угощение — рыбку или кусочек мяса, но гладить, или тем более, брать себя на руки, не позволяли.

Возле загона мы нашли Рауга, с интересом наблюдающего за поросятами. Звероловы выследили семейство кабанов, и, сначала перебив все взрослое стадо, стали ловить разбежавшуюся мелочь. Часть из них этот процесс не пережила, но два десятка малолетних свинов все же поймали, и притащили в город. Поголодав пару дней, они принялись уничтожать принесенные им охапки молодой травы и корней. И теперь не только дети и подростки, но и взрослые охотники постоянно таскали своим подопечным еду.

Идея кормить зверей, а потом, когда они вырастут, забить на мясо, Раугу очень понравилась. А когда он узнал, что имея большое стадо животных, можно будет не ловить их, а разводить, то был просто в восторге. Планы на развитие этого дела у него были огромные — строительство новых, обширных загонных, ловля коз, лошадей, туров, заготовка

корма...

Но это все будет позже, сейчас, когда в природе дикие поросята подросли, приручить их будет практически невозможно. А пока все свободные от охоты и рыбалки таскали руду и уголь, впереди было самое значительное событие этого года — первая плавка железа.

Оставив Рауга со своими питомцами, мы прошли дальше. Полоса ловушек и капканов была разобрана, вал из ветвей давно пущен на топливо. Теперь здесь в полутени от редких оставшихся нетронутыми деревьев сохли ряды деревянных распорок с шкурами, преимущественно кабаньими. Впрочем, десяток рыжих шкур лисиц и столько же белых заячьих тоже были в наличии. Чуть дальше, у границы леса эти шкуры отмокали в дубильных растворах, ивы здесь не было, зато коры дуба — сколько угодно.

Преодолев эти заграждения, мы прошли в центр Лантирска, за двойное кольцо юрт. Два рода Белок уже переселились, но род Куниц пока переправил только половину состава. Один очаг не справлялся с потребностями едоков, и теперь рядом с памятным столбом основания города горели уже три костра, вокруг которых хлопотали женщины. Ручьев поблизости не было, и речную воду для питья я велел кипятить, опасаясь вспышек болезней или паразитов.

Посуды стало намного больше, работать с глиной научились многие, и активно лепили самые разные миски и горшки, заменяя разбившиеся и делая запас. Здешняя глина была качественнее крымской, и изделия из нее были и легче, и прочнее.

В обществе неандертальцев вполне закономерно началось разделение на более узких специалистов — появились первые скотоводы и гончары, рудокопы и шахтеры, скорняки и сапожники, корзинщики и плетельщики веревок. Конечно, люди в большинстве так и оставались универсалами, но начало разделению труда было положено.

Лантирск сейчас был палеолитических Вавилоном — здесь говорили на трёх языках, упрощённом русском и двух неандертальских наречиях. Зимой нужно будет снова проводить обучение, самостоятельно, через общение процесс шел медленно — слишком много людей было задействовано в моих проектах, и не всегда в их составе были старожилы племени Солнца.

Уже под вечер, когда мы с Эрикой, сидя у костра хлебали уху, ко мне подошёл Прагт.

— Дим, выбери для меня и Лессы дело. Важное дело.

— Разве вам мало ежедневной работы?

Странная просьба, до этого люди просто присоединялись к той группе, где не хватало рабочих рук

— Работы хватает... Дим, я говорю о настоящем деле, чтобы наша семья заслужила право основать новый род.

— Ты считаешь, твои родичи не захотят жить с нами?

— Захотят, обязательно захотят. Дим, наш род очень большой, и этой осенью, когда большинство мужчин приведет в свои дома женщин, он должен разделиться на два новых рода. Так поступил род Белок пять зим назад.

А парень непрост, думает наперед... Что же, не буду его разочаровывать. Одна идея у меня была, и он отлично подойдет для ее реализации.

— Прагт, я расскажу тебе сразу о двух новых и важных вещах. Но чтобы их сделать, тебе придется постараться.

Парень сосредоточено кивает, он весь обратился в слух.

— Первая вещь называется сеть. Ею можно ловить рыбу. Ты уже видел веревки, что плетут наши женщины из крапивы, жгучей травы?

— Да, Дим. Веревки — это удивительные и очень полезные вещи.

— Вот пусть твоя жена и учиться их плести. Завтра я сделаю из дерева новый инструмент, челнок. И покажу, как из веревки сплести сеть.

Тема Пратта заинтересовала, вон как глаза горят.

— А вторая вещь?

— Вторую вещь сделать будет намного сложнее. Ты уже познакомился с Антом?

— Да, я помогал ему ремонтировать ту штуку, коксовую печь.

— Отлично. Делай что хочешь, но ты должен уговорить его научить тебя плавать.

Парень слегка напрягся, но не отступает.

— Я попробую... Многие дети из твоего племени умеют плавать, и я докажу, что не хуже их. Но зачем мне это?

— Когда ты научишься плавать не хуже детей, мы сделаем лодку. Из тех огромных деревьев, что так и не срубили на дрова.

Новое слово Пратт не понял, и я быстро рисую лодку на освещенной бликами костра земле.

— Ты сможешь плавать в этой лодке, не заходя в воду. Вся река, самые дальние и недоступные места станут ближе, чем я сейчас. И ты будешь ставить сети и ловить столько рыбы, что хватит наесться всем людям.

Вот теперь он понял, что ему предлагают. Не всякий охотник может добыть столько еды, чтобы накормить весь род. А тут речь о целом племени...

А я понял, что получил нового верного последователя. Если затея удастся, он станет первым судоплавателем. Аркаим слишком мал для больших судов, но ведь нужно с чего-то начинать. И на первой лодке мы не остановимся, начнем изучать парус и силу ветра, построим небольшую галерею, накапливая опыт. А там и до Днепра дотянемся...

Большая река меня привлекала не только возможностью выхода в море, но и тем, что где-то на ее берегах, ближе к устью, жил ещё один многочисленный род неандертальцев. О нем мне ещё Эрика рассказывала, но во время исхода было не до дипломатических контактов, а сейчас между нами было больше трехсот километров.

Пратт давно ушел, рассказывать жене о предстоящих переменах в их жизни, а я все так же сидел у костра, задумавшись о перспективах мореплавания.

Эрика, все это время сидевшая молча, обняла меня, и тихо спросила:

— Дим, а какое дело ты предложишь мне?

Вопрос не застал меня врасплох, я уже обдумывал варианты, куда направить энергию этой девушки. Может, пусть она сама сделает выбор?

— Для тебя у меня есть три предложения, подумай хорошенько, чем ты хочешь заниматься.

— Так много? А какое из них самое важное?

— Они все важны. Каждое по своему, сейчас ты всё поймёшь. Смотри на огонь, но не переходи черту дозволенного.

Девушка кивнула, и прижавшись ко мне, замерла.

— Первое дело — стать хранителем знаний, того, что успею передать людям я, и того, что они знали и умели раньше. Ты хорошо говоришь на двух старых языках — их нужно записать и сохранить. Станешь писать книги — они содержат многие десятки, сотни и тысячи слов, и, другие люди услышат эти слова даже когда ни меня, ни тебя не станет. Ты передашь эти знания следующим поколениям, НАУЧИШЬ их.

Говоря это, я представлял листы бумаги, шелест переворачиваемых страниц, бесконечные ряды книг на полках библиотек. Небольшую школу и слушающих учителя детей Эрика отвела взгляд от огня, и, несмело улыбнувшись, сказала:

— Мне нравится это дело, Дим. Разве может что-то быть важнее?

— Может, любимая. Тебе не стать великим воином, который станет на защиту нашей земли. Но ты можешь сделать так, что даже израненный в жестокой битве выживет. Слушай дальше...

Я подбросил дров в огонь, и он вспыхнул ярче, осветив ее сосредоточенное лицо.

— Второе важное дело — медицина. И ты, и многие женщины знают, что некоторые травы помогают при разных болезнях. Ты видела, как я зашивал раны. Но это мелочи, по сравнению с тем, чего можно достичь.

Я представляю ослепительно белые операционные, людей с протезами и вставными зубами, носящих очки и слуховые аппараты. Рассказываю о вакцинах и невидимом мире микроорганизмов, о акушерстве и выхаживания детей, о лекарствах и подопытных животных. И в конце — бесконечное море людей, расселившиеся по всей планете.

Эрика трёт виски, информации слишком много, большую ее часть она просто не поняла.

— Дим, это слишком... сложно. Все эти видения, что ты показал. Я не знаю...

— Ты как, держишься? Если начала болеть голова, лучше продолжим этот разговор завтра.

— Все хорошо, Дим. Духи огня ещё не сердятся на меня.

За моей юртой раздались женские крики, глухое ворчание мужчин. Прислушиваюсь — все как всегда, слабый пол уверенно отвоевывает все новые позиции у сильного. Эрика, поняв в чем дело, улыбается, едва сдерживая смех...

Да, и тут была моя вина — сначала постоянные напоминания о том, что важнее детей, а, следовательно, и их матерей для племени ничего нет и не будет. Затем — освоение копьёметалки, что сразу подняло женщин если и не на одну ступень с воинами, то не намного ниже. Последней каплей стал наш совместный поход, где они наравне с мужчинами смогли проявить свои дипломатические качества.

Тысячелетние патриархальные устои не рухнули, но ощутимо пошатнулись. И новые жители Лантирска, сталкиваясь с нарастающей волной эмансипации, были совершенно к такому не готовы. Мелкие семейные ссоры у сложившихся пар вспыхивали постоянно, девчонки все чаще подначивали молодых парней, собираясь вечерами у костров.

Мужчины постарше находили спасение в многодневных походах и стройках, численность отрядов, занятых на добыче руды и угля, значительно возрасла.

Те, кто помладше, активно учились, осваивая все новые навыки и умения, стремясь выделиться из толпы и поднять свой статус в глазах подруг. До осени оставалось не так много времени, и получить отказ от избранной девушки никто не хотел...

Наконец крики стихли, Эрика, отсмеявшись, слегка толкнула меня в бок острым локотком:

— Дим, а ты не боишься, что мы с девчонками теперь не только еду готовим и в юртах сидим?

А у самой в глазах веселые чертики пляшут ...

— Нет, Эрика. Людей очень мало в этом мире, и мужчины сами не справятся, пытаюсь его изменить. Поговори с подругами, они должны запомнить главное — не стоит пытаться

управлять мужчинами, это приведет только к ссорам. А вот направлять их, незаметно подталкивая к принятию ваших слов и решений так, чтобы они считали их своими, будет правильно.

— Направлять... Вот я и буду твои мысли направлять! Ты не забыл об осени, о СВАДЬБАХ? Девушки ждут, ты обещал!

— А ты обещала дослушать мое третье предложение!

С этой темы лучше побыстрее соскочить, иначе она до утра будет расспрашивать о новой церемонии и обрядах...

— Ладно... Но я все помню!

— Тогда слушай дальше. Третье дело — генетика и селекция. Ты замечала, что на разных деревьях могут быть разные плоды? Одни вкуснее, другие больше, а третьи наоборот, мелкие и совсем невкусные. В одном стаде могут быть разные свиньи — и по цвету, и по размерам. Но что будет, если дать потомство смогут только те из них, которые полезнее людям?

В пламени костра проявляется картинка — мелкие плоды дикой груши постепенно меняются, становясь все больше и ярче. Кабан раздается вширь и в длину, его ноги укорачиваются, жёсткая щетина практически исчезает.

— Так люди могут изменить любое живое существо. Не ждать сотни лет милости от природы, надеясь на случай, а самим отбирать лучших. Пища будет выращиваться, ее станет столько, что охотники исчезнут за ненужностью.

Я представляю ровные квадраты садов и полей, яркие, сочные плоды. Стада животных, совершенно не похожих на их диких предков. Окружённые сетями садки, наполненные тысячами рыб. Подземелья, где в темноте растут грибы...

— А люди? Их можно изменить?

— Можно изменить все. Но если изменить сразу слишком много, то люди просто перестанут быть людьми. Ты видела Нгеп и ее дочь? Девочка не похожа на нас, но она вырастет, найдет себе мужчину из нашего племени. И их дети станут практически неотличимы от остальных. И много полезного, что есть в черных людях, останется в нас навсегда.

— Мне не нравятся черные люди... Они убили слишком многих, ещё там, у Тихой...

— А здесь местные люди убили их. Эрика, они не хорошие и не плохие — их просто очень много, и это толкает их вперёд, на наши земли.

В костре с громким треском лопнула сырая ветка, в небо взлетели искры. Девушка прижалась ко мне, рассматривая россыпи звёзд на ночном небе

— Дим, ты же говорил, что мир настолько огромен, что места хватит для всех. Почему тогда они не идут в свободные земли?

— До тех земель очень непросто добраться. Я не рискнул вести наше племя туда. Мы бы просто не дошли.

— А дальше, за Аркаимом есть такие же как мы? Или там только черные люди?

— Никто этого не знает. Могу сказать только одно — далеко на востоке живут люди, непохожие ни на нас, ни на черных. Они больше и сильнее наших мужчин, их лица широкие, а кожа смуглая. И наш народ может получить часть силы и от них.

Эрика смеётся и протестующие поднимает руки:

— Мне не нужны никакие другие мужчины!

— А мне — другие женщины!

Получаю в награду поцелуй, девушка встаёт, собираясь идти спать.
— Я подумаю, что для меня интереснее, Дим. Спасибо!
Стройная фигурка растворяется в темноте, пора и мне спать...

Глава 7. Железный палеолит

*Каждому — свой путь...
И у каждого — свой ад и небеса,
Но у каждого две жизни, не одна —
Та, что видится в мечтах,
И та, что здесь, где бег и суета.
Но если рискнешь —
Создай невидимый мост,
Мост над бурной рекой,
И сольются две жизни твои воедино!
Группа Catharsis, "Воин Света"*

Звонкие, тяжёлые удары камня о кирпич разносятся в ночном воздухе. Лантирск не спит, все его жители собрались далеко за пределами двойного кольца юрт. Люди ждут чуда...

Тусклый отсвет раскаленной плавильной печи выхватывает из темноты фигуры раздетых мужчин у мехов. Тела блестят от пота, руки с силой тянут рычаги, не на секунду не останавливаясь. Слышен приглушённый рев пламени, словно эти древние люди сумели обуздать огнедышащее чудовище. И — шум голосов. Тихих и громких, мужских и женских, на русском и неандертальском — все они в предвкушении.

И я их не разочарую! Последний удар пробивает спекшуюся корку глины, и раскалённый чугун огненной струёй льется в подготовленные заранее формы. Рев толпы заглушает все остальные звуки, народ пытается протиснуться в первые ряды, чтобы своими глазами увидеть, как все их труды воплощаются в металле.

Готово! Пятидесятикилограммовая наковальня тускло светится в темноте, а я спешно закрываю сливное отверстие. На помост взбирается Рауг, ему подаются заранее приготовленные мешки с коксом, смесью руды и известняка, и он высыпает их в узкую горловину горна. Новая пара мужчин становится у мехов, процесс, начатый ещё днём, не останавливается ни на минуту. Сейчас там, внутри, накапливаются куски губчатого железа, сильно загрязнённого примесями. А более легкоплавкий шлак и чугун мы периодически сливаем, устраивая огненное шоу.

— Осторожно!

Дети тянут руки к схватившемуся, но все ещё раскаленному металлу, не обращая внимания на волны жара.

— В стороны! В стороны! Отойдите!

Толпа подаётся назад, и потоки воды падают на отливки. Шипит кипяток, облака пара на несколько секунд скрывают все вокруг. Глиняные формы растрескиваются, тяжёлая плита наковальни и пара молотов предстают во всей своей красе. Мы с Тором хватаем их обернутыми кусками кожи руками, и тащим к почти прогоревшему костру неподалеку. Отливки исчезают в груди раскаленных углей, их достанем через несколько часов, как раз новая партия изделий подоспеет...

— Гер, ты живой?...

Гигант молчит, но его тяжёлое дыхание слышно, наверное, и в самом Лантирске.

— Держи...

Протягиваю ему глубокую миску с настоянной на мяте водой, и пару минут слышу только шумные глотки...

Мы все тут — профессия металлурга каменного века оказалась намного тяжелее, чем я мог себе представить. Безумная гонка продолжалась двое суток, за это время мы переплавили почти три тонны руды. Шесть пар качавших по очереди меха мужчин сейчас отсыпались в юртах, они смогли дойти туда сами... А мы так и остались лежать на горячей, покрытой слоем пыли и сажи земле у развалившейся печи.

Меха рвались несколько раз, их зашивали на ходу. Капли раскаленного металла оставляли ожоги на руках и ногах, только чудом не лишив нас глаз. А когда ветер стихал, столб черного дыма, расплзаясь вокруг, вызывал удушливый кашель.

Но с этим мы справлялись, хуже всего оказалось то, что сама печь под конец плавки стала покрываться трещинами и рассыпаться. Последний металл мы разлили всего за несколько минут до ее обрушения...

Как бы то ни было, наше племя получило около трехсот килограмм железных криц с примесями стали, и втрое меньше — чугуна. Для каменного века это было огромное богатство.

Передо мной появилась новая проблема — как его разделить. Более того, получив обещанное оружие, люди потеряют стимул к дальнейшей работе, и весь с таким трудом запущенный прогресс снова остановится. Использовать способности Говорящего с огнем? Можно, конечно, но что мне делать потом с парализованными инвалидами, или трупами не желающих трудиться? Да и опасно это, от удара копья или дубины мстителей никакие способности не защитят...

Выход был известен давно — введение денег. Драгоценных металлов в окрестностях не наблюдалось, поэтому поначалу придется заменить их небольшими слитками чугуна. Две сотни таких кусочков, примерно по пятьдесят грамм весом, были отлиты мною в качестве грузил для плетущихся рыболовных сетей.

Но судьба решила иначе, и весь этот запас теперь станет первой, очень твердой, валютой.

После перековки железа и раздачи части новых инструментов самым трудолюбивым, остальные предметы из него отойдут в казну племени. В дальнейшем они будут выдаваться только для проведения важных для прогресса работ с правом выкупа. Любая работа станет оцениваться вот в таких кусочках, или их частях. Какое-то время придется потратить на составление таблиц, сколько будет стоить каждая вещь и день работы. Ввести гарантированную закупку товаров вождём, создавая резерв еды, одежды и предметов. Контролировать рынок, пока курсы обмена нормализуются. Готовиться к появлению первых мошенников и ростовщиков, даже консервативные неандертальцы до этого быстро дойдут. Времени на все это уйдет прорва...

— Дим, как назывался твой род? Тот, где ты жил раньше?

Я приоткрыл один глаз, щурясь на солнце. Сегодня второй день отдыха, все участники прорыва в железный век добрались до реки, отмываясь от сажи и копоти. И теперь изображали тюленей, валяясь на горячем песке пляжа.

— Мы пытались понять как устроен мир. Создавали новые вещи. Наверное, правильно будет назвать мой род Искатели Знаний.

Эрика с подругами принесла сюда, на берег Аркаима воду, жаренную рыбу и миску с первыми ягодами земляники. И теперь развлекали нас разговорами, не спеша возвращаться к

готовке пищи.

— И ты помнишь все, что вы узнали и создали?

Едва не поперхнувшись от смеха, отрицательно мотаю головой:

— Конечно же нет... Ни один человек не знает всего на свете. Я знаю основы многих знаний, но это очень малая часть от целого.

— Даже этой части хватило, чтобы изменить жизнь людей. Твой новый род будет заниматься тем же, что и ты?

И что ей ответить? Вопрос понятен, сейчас в Лантирске собралось больше полутора сотен людей. С одной стороны, новый Говорящий с огнем освободил их от вбитых с детства запретов и табу, по которым они веками жили, практически ничего в этой самой жизни не меняя. С другой — жить хоть и стало сытнее, но и отдыхать особо не получалось, только заканчивали одно дело, вождь ставил новую задачу. И многие люди, особенно из недавно присоединившихся родов, не знающие ни русского языка, ни большинства моих рассказов о будущем, стали пытаться монополизировать отдельные производства. Род Острых Копий освоил гончарное дело, род Огненного Камня с подачи Фета полностью перешёл в шахтеры и рудокопы, к ним же присоединились Черные Белки. Новых профессий становилось все больше, и отношения в племени стали напоминать цеховую структуру. Это, как ни странно, сильно упрочило мою власть. Неандертальцы все ещё только привыкали самостоятельно искать новые пути развития, не боясь запретов предков. Так, совсем недавно на новой посуде появились симметричные ряды оттисков, формирующие орнамент. Я же мог просто им это все рассказать, имея за плечами опыт и знания, накопленные прошедший долгий путь цивилизацией.

— Дим, ты спишь?..

Голос Эрики прервал мои размышления, и я, привстав, обнимаю не успевшую увернуться девчонку.

— Нет, не сплю. А теперь рассказывай, что решила. Ты же все это не просто так выпрашивала?

— Я буду хранить и передавать другим знания!

И, слегка отстранившись, заглядывает в глаза, изучая мою реакцию

— Дим, это же здорово — ты знаешь столько, что хватит на всю жизнь... И я всегда буду рядом с тобой!

Ну что тут скажешь, ее выбор меня устраивает. Полностью монополизировать сферу образования и науки мы, конечно, не сможем. Мой ещё не существующий род долгое время будет самым маленьким, но закрепить этот статус за нашими потомками — почему бы и нет?

— Отлично, мне нравится!

Я окончательно встаю, отряхиваясь от налипшего песка, и, подхватив корзины с вновь наполненными речной водой горшками, зову за собой размечтавшуюся Эрику

— Пошли в Лантирск, хватит загорать!

На следующий день начали перековку железных криц. Один из мехов подключили к небольшому горну, сложенному из остатков кирпичей. Куски железа сначала сплющивали и сминали несколько раз, выбивая из них остатки шлака. Затем, по методу древних китайцев, вытягивали в полосу и складывали ее вдвое, проковывали и сваривали по всей длине, и так двенадцать раз, добиваясь равномерного распределения слоев стали в общей массе металла. Первыми выковали кузнечные щипцы, устав дышать дымом от обугливающихся деревянных.

Дело пошло быстрее, молотобойцы сменяли друг друга, и к вечеру на свет появился первый ТОПОР.

Тяжёлый, около трёх килограмм, насаженный на крепкую рукоять из ясеня, заточенный кусками шероховатого песчаника до бритвенной остроты — этот инструмент произвел настоящий фурор среди мужчин. К кузнице выстроилась длинная очередь желающих помочь в перековке, и мне пришлось вмешаться.

— Сейчас топоры достанутся самым сильным мужчинам, благодаря труду которых и стало возможным их создание. Наконечники для копий получают все, а чтобы получить топор, каждый должен принести большую кучу руды, глины, угля или найденного недавно известняка. Мы снова повторим плавку, и так до тех пор, пока железные инструменты не появятся у каждого!

Мужики кучкуются, собираясь в отряды вокруг проводников, договариваясь о походе к залежам полезных ископаемых. Люди постепенно расходятся, и вскоре отряд из десяти человек потянулся на юго — запад.

Рауг светится от счастья, первым получив это чудо. И, не долго думая, подначиваемый хитрым Прагтом, начал демонстрацию его возможностей. Огромные дубы, чьи стволы в полтора метра диаметром были не по зубам каменным топорам, стали первой целью.

Вскоре на дереве появилась внушительная зарубка, и я остановил разошедшегося лесоруба — почти стемнело, завтра продолжит.

— На сегодня хватит! Рауг, зови остальных, идём ужинать. Прагт, не смотри так жалобно, все равно дерево будет сохнуть ещё долго, и лодку из него мы сделаем только после зимы.

Вечер прошел оживлённо — топор ходил по рукам, его рассматривали со всех сторон, пробовали остроту лезвия, любовались необычным металлическим блеском. Мне не очень понравились завистливые взгляды, направленные на его владельца, пришлось снова разъяснять остальным, как они смогут получить такой же. Вроде поняли, соглашаются, но хмурых лиц хватает...

Я вытаскиваю горсть увесистых чугунных шайб, и, подкинув одну на ладони, начинаю рассказывать, для чего они предназначены. Идея денег пока понятна еденицам, приходится долго разъяснять, почему большой мешок руды можно поменять на такую шайбу, а горшок с водой — нет. С цифрами знакомы не все, поэтому ставлю перед Эрикой и получившим зачатки образования ещё в Крыму, задачу — научить остальных счету до десяти.

Старшие мужчины и женщины, имеющие значительный авторитет, подсаживаются ближе, внимательно слушая — они быстро схватывают суть новой идеи. А мои слова, о том, что каждый род вскоре получит по сотне таких монет, и ещё по одной за каждого родича, заставили их отбросить все разногласия, и выступить единым фронтом в поддержку моего предложения.

Я сознательно перекладывал ответственность на них, пусть сами разбираются со своими людьми и решают, кто как работает и как кого награждать. Мне, как вождю племени, останутся функции верховной власти, определяющей, куда народу двигаться дальше, и верховного суда. Сильно зарываться они не будут, побоятся — поход в Пещеру Предков по прежнему оставался одним из главных страхов в жизни неандертальцев, и только единицы, уже в преклонном возрасте решались на подобное.

Осталось подобрать только личных телохранителей, пусть всегда держатся поблизости, да и за Эрикой приглядывают, и можно немного расслабиться — первый намечающийся

раскол власти подавлен. Такие люди были, не раз проверенные в походах и доказавшие свою преданность. Завтра же переговорю с Туром, Даром и Антом — стать главами своих родов им не светит, пусть присоединяются к роду Искателей Знаний!

К середине июля выковали уже десятки уплощенных четырехгранных наконечников, пять топоров, несколько кирок и лопат. Сейчас мы с Антом второй день пытались изготовить полотно двуручной пилы, одноручный вариант, поменьше, уже имелся в наличии. Приостановившиеся было работы снова сдвинулись с места, все больше ускоряясь, по мере улучшения инструментов.

Главы родов вели учёт, отмечая взнос каждого человека. Наличных "монет" пока не хватало, записи вели на свитках бересты до следующей плавки. Появились и новые профессии — к Лессе присоединились несколько женщин, но вместо сетей они стали плести грубоватую, все ещё недостаточно плотную ткань. Я показал им несколько приемов вязания, и первый трикотаж не заставил себя долго ждать — нечто среднее между бюстгальтером и топом быстро завоевало популярность у слабого пола. Летом, в этой одежде было гораздо комфортнее, чем в сшитой из шкур.

И, постепенно, новая форма трудовых отношений стала все глубже проникать в общество. Неандертальцы самостоятельно договаривались о стоимости предметов, порой в ожесточенных спорах дело доходило до потасовок, и главам родов приходилось их разнимать.

Вокруг Лантирска снова стали накапливаться материалы — сохли штабеля бревен, ровные ряды кирпичей, изготовленные с учётом предыдущих ошибок, первые образцы черепицы.

Все три огромных дуба были срублены, и теперь Пратт целыми днями очищал стволы от веток, испытывая первую пилу в деле. Я уже прикинул, что из ровных участков мы сможем сделать самое меньшее шесть больших и шесть маленьких лодок.

Рядом с загоном, где бодро хрюкали подросшие свинки, разбили небольшой садовый участок, и на нем уже росли как принесенные из похода растения, так и отобранные по величине ягод малина, смородина и крыжовник.

Моя личная гвардия, приняв предложение вождя, переселилась ко мне в юрту, и теперь один из них постоянно был рядом со мной, помогая в любой работе. Двое других копали глубокий кольцевой ров в центре города под фундамент первой постройки.

Эрика с двумя подругами открыла "вечернюю школу" — после ужина все желающие собирались в центре города, и в течении часа осваивали цифры и буквы, основы счета и письма. Вначале за посещением строго следили главы родов, но вскоре надобность в этом отпала. Дети учились вместе с родителями, и, зачастую намного быстрее запоминали новую информацию. После "урока" старшее и детское поколение расходилось, а молодежь ещё долго сидела у костров, разбившись на пары.

Я с интересом слушал разговоры этих подростков, ведь именно они были маркером моих успехов как лидера:

— Тур, ты видел, какую замечательную одежду сплели у Лессы? Такую яркую и красивую!..

Ирика, подруга парня, пытается отвлечь того от разглядывания только сегодня полученного ножа. Тот рассеяно кивает, его мысли далеко...

— Вот бы мне такую!

Девчонка не отстаёт, но пробить спокойствие своего избранника не получается.

Новую вещь я видел — в последнее время рукодельницы стали при плетении веревок вкладывать между волокнами небольшие пучки яркой лисьей шерсти. Работа долгая и муторная, но и результат достойный — заказов на новые женские топы было на недели вперед.

— И тебе она будет к лицу!

Тур на автомате кивает, соглашаясь, и только услышав взрыв хохота собравшихся девушек, смущенно прячет нож в чехол на шее, и включается в болтовню...

— Смотрите, что у меня есть!

Дар вытряхивает на ладонь несколько сростков кристаллов необычной сиренево — дымчатой окраски. Присматриваюсь внимательнее — нет, на топаз не похоже, дымчатый кварц, причем чистейший.

— Я их нашел в том же месте, где мы камни ломаем. Красивые правда?

Девчонки окружают парня, разглядывая его находку. Мелкая Лена, тайком пробравшаяся на "взрослые" посиделки, восхищённо произносит

— Мне бы такой...

Дар хитро улыбается, и окинув девушек взглядом, произносит

— Вот кто меня первой поцелует, той и подарю!

Пока девчонки шушукаются и переглядываются, Лена, встав на носочки, звонко целует парня в щеку. И, выхватив из ладони растерявшегося донжуана красивый камешек, со смехом убегает. Снова взрыв девичьего смеха, а Дар, расстроено махнув рукой, садится на место.

— А я сегодня видела, как наши кошки на краю леса вырыли из земли траву, наелись ее и потом весь день так смешно мяукали!

Это сестра Тенака, она тоже без пары, все выбирает. Или ждёт, когда осенью придут парни из рода Медведей, кто ее знает ... А вот странное поведение наших обычно незаметных и скрытных питомцев стоит проверить, я уже догадываюсь, какую траву они разрыли...

— Что там кошки... Я сегодня след большезуба видел!

Девушка в ужасе прикрыла рот ладошкой, а Тор, избранный главой рода Тихой Воды, гордо выпятил грудь, демонстрируя отлично развитую мускулатуру. Он с братом хоть и был младше меня, но уже перегнал по массе и комплекции.

— Ты не ошибся?

Он ведь может и приврать, выделяясь перед девчонками. Саблезубый тигр — нешуточная угроза, особенно так близко от города.

— Дим, я же сразу Рауга позвал, он подтвердил. Мы до самого берега реки прошли по следу, но в воде он оборвался. Большезуб переплыл Аркаим, и теперь бродит на том берегу.

— Завтра я с ним поговорю...

И, повышая голос, обращаюсь к остальным:

— Все слышали? К реке ходите только с оружием, и по несколько человек. Большезуб скорее нападет на одиночку, чем на толпу.

— Нас Тор защитит! Он такой сильный! Тор, ты ведь защитишь, правда?

Девчонки дурачатся, явно не осознав всю степень опасности. Большезуб легко убьет и Тора и Рауга, если застанет их врасплох. И даже с новыми железными копьями выходить против него очень опасно.

Тор улыбается, кивает, но я то вижу как сжались его кулаки, аж ногти побелели. Молодой охотник напуган подобной перспективой. Да и Тенак с сестрами стал серьезнее,

вспомнив о судьбе большей части мужчин своего рода.

— Дим, а Дим... Ну расскажи, как проходит свадьба!

Вот это у них любимая тема. Конечно, я рассказываю, и даже показываю дрожащие в огне картинки белых платьев и черных костюмов, грандиозных застолий и танцев, конкурсов и развлечений. Парням это не так интересно, их больше занимают машины свадебных кортежей.

Долго рассказываю обо всем этом, в который раз напоминая — точно так у нас не будет, причем ещё очень долго...

Расходимся далеко за полночь, чтобы успеть хоть немного поспать. Я падаю на мягкое сено, и почти сразу отключаюсь, проваливаясь в сон...

— Ви- иии- иии!

Я вскакиваю, в полутьме задевая приставленное к стене юрты копьё, оно падает на спящего Анта.

— Тревога!

Крики совсем близко, визг стихает, сменившись глухим рычанием. Тур уже на ногах, и мы, хватая оружие, выскакиваем наружу.

— Аагррх!

Рычание сменяется оглушительным ревом, и в тусклом свете луны я вижу огромную тень, перемахнувшую через ограду загона с поросятами.

— Аааааа!

Крик боли заглушает все остальные звуки. Вокруг уже десятки мужчин, появились факелы, и мы, выставив копьё перед собой, бежим к загону.

На залитой кровью земле лежит Шенк, он сегодня был часовым. Мертвый. С такими ранами люди не живут — голова мужчины почти оторвана, через всю грудь и живот тянется огромная рваная рана. Видны ребра, сизые петли кишок вывалились наружу...

Рядом раздаётся полный горя вой его женщины, бросившейся к трупю мужа.

Рауг проходит вперёд, осматривая примятую траву, и, подзывая остальных, указывает на пятна крови. Зверь сильно ранен, Шенк дорого продал свою жизнь.

— Вперёд!

Мы плотным строем, оцетинившись копьями, идём к реке. Через сотню метров видим копьё Шенка, лежащее на тропинке. Древко изгрызено, но наконечник цел — ночной гость вырвал оружие из раны. Вся трава вокруг липкая от крови, Дар показывает мне клочок бурой шерсти.

— Быстрее, его нельзя упустить!

Мы переходим на бег, след тянется к пляжу. Заросли тростника раздаются в стороны, мы замираем, услышав угрожающее рычание. Такой мирный и уютный днём, берег Аркаима ночью превратился в филиал ада. Собранный на днях столик и лавочка разломаны, на белом песке чернеют пятна крови, а у самого уреза воды замерла страшная фигура саблезубого тигра. Зверь медленно пятится, но плыть не решается — левая задняя лапа волочится по песку, из нее толчками выплёскивается кровь.

Рауг поднимает факел выше, и, с силой размахнувшись другой рукой, отправляет копьё в цель.

— Бей!

Я тоже бросаю копьё, рычание сменяется жалобным, почти человеческим скулежом. Оружие Рауга пробило тигру грудь, мой бросок хуже — только ухо задел...

— Бей!!!

Мы расходимся в стороны, и следующая пара мужчин бросают копыя.

— Стоять!

Рауг вглядывается в затихшего зверя. Тот уже не двигается, только лапы дёргаются в судорогах. Охотник берет у Дара копьё и осторожно тыкает кончиком огромную тушу. Ни какой реакции, готов...

Толпа обступает мертвого хищника со всех сторон, в свете факелов можно хорошо его рассмотреть. Длина тела — около двух метров, хвост небольшой, как у рыси. Лапы толстые, короткие, передние значительно длиннее задних. Тело покрыто густым мехом, рыжевато-бурым, с проступающими более темными пятнами. А вот знаменитые клыки вовсе не такие длинные, как я видел в музеях будущего. Другой, неизвестный вид?

Впрочем, мне на это наплевать — тварь убила одного из лучших охотников. Мы слишком расслабились, забыв, что здесь не спокойный берег Тихой... И поплатились за это.

Скоро рассвет, спать уже никто не ляжет. Оставляем четверых мужчин сторожить тушу от мелких падальщиков, и возвращаемся в город.

Женщины уже оттащили жену Шенка от трупа и увели с собой, в юрту. Несколько человек спешно заделывает пролом в стене загона, убитого поросёнка выволокли за ограду.

— Начинайте собирать дрова, утром нужно отправить Шенка в последнюю дорогу, к предкам.

Дров вокруг хватает, вырубка леса ускоряется с каждым днём...

— Рауг, что скажешь? Он один, или где-то рядом бродят такие же большезубы?

— Дим, это не настоящий большезуб. Я таких раньше не видел... У этого зверя могут быть другие повадки. Но след мы нашли только один.

Хоть что-то... Если палеонтологи правы, то эти звери были одиночками, очень редко образуя неустойчивые стаи. Да и на людей вряд ли сами охотились — даже наш гость забрался в загон с поросятами, и напал на Шенка, только когда тот его ранил.

Нужно решать проблемы с безопасностью... Низкий заборчик тигр перемахнул, даже не заметив. Строить высокий частокол, в пару человеческих ростов? Перелезает и такой ... Придется сверху добавлять площадку, нависающую над краем, или хотя бы колья.

Как же не хочется останавливать подготовку ко второй плавке, но придется. Завтра вернётся отряд шахтеров, через день подойдут рудокопы, это двадцать пар рабочих рук. Часть бревен уже заготовлена. Справимся!

В этот же день тело Шенка сожгли, и рядом с прахом Арики появилась ещё одна небольшая урна. Его трехлетний сын и жена, ждавшая второго ребенка, остались без кормильца, и я, поговорив с главой рода Острых Копий, выдал им полный комплект железных инструментов. С таким приданым у женщины осенью будут все шансы найти себе нового мужчину.

С неправильного тигра сняли шкуру, после выделки она тоже достанется женщине. Один клык отдал Раугу, пусть добавит в свое ожерелье, второй пока сохранил, отдам мальчишке, когда будет получать взрослое имя, на память об отце.

В кузне отковали коловорот, гвоздей у нас ещё долго не будет при таком дефиците железа, будем соединять бревна деревянными шипами. Канг занялся проковкой новой заготовки под лопату, этих инструментов понадобится много. Все другие работы, кроме кузнечных и рубки деревьев, были остановлены, и мы начали подготовку к большой стройке.

Сначала сделал эталон метра. На глаз, исходя из того, что я ощущал себя сейчас немного

ниже прежнего Дмитрия, оставшегося в будущем. Ровное тонкое брёвнышко тщательно ошкурили, с помощью циркуля разделили на сто частей, делая зарубки и втирая в них сажу. Для грубых работ хватит...

Затем выбрал самые толстые веревки и связал из них шнур в пятьдесят метров длиной, прошел от центра по радиусу, натянул до предела. Вновь замерил — растянулась на полметра, нужно внести поправку. И так, отмечая точки, очертил окружность диаметром в сотню метров.

Люди начали копать ров, глубиной в один и шириной в половину метра, отбрасывая землю внутрь круга. Второй ров, уже посерьезнее, на расстоянии в метр от стены, начнем копать позже, сейчас его только наметили.

Нам предстояло установить триста четырнадцать метров частокола, это девять сотен бревен. Я с грустью посмотрел на штабель готового материала — постройка первого дома снова откладывалась...

До вечера мы установили под отвес десять метров стены, тщательно утрамбовывая землю и делая отсыпку. Женщины месили глину, создавая гидрозатвор у основания бревен. Долго такая ограда не простоит, но лет пять — шесть у нас точно будет.

Между собой стволы соединяли посередине и поверху поперечными жердями, чередуя их в шахматном порядке. Разметив четыре разходящихся под прямыми углами от центра дороги, я определил места будущих ворот. И снова за топор, валить очередное дерево...

Работа ускорилась, когда вернулись рудокопы и шахтеры, а к концу месяца подошли и остальные переселенцы рода Куниц. Но все равно, последнее бревно мы установили только в середине августа. Часть людей приходилось отпускать на охоту, да и к реке осматривать верши и набирать воду подростки ходили под охраной взрослых.

— Буммм! Буммм! Буммм!

Сегодня решили устроить праздник — люди за месяц непрерывного, тяжёлого даже для могучих неандертальцев, труда сильно устали. Очень удачно охотники смогли добыть взрослого зубра, ранив того копьями из засады на дереве, и потом добив. Почти тонна мяса, пусть и не самого вкусного — это много даже для Лантирска, с его теперешним населением в сто шестьдесят восемь человек.

Поспели дикие груши и лесная ежевика, опытные грибники из местных семей набрали полные корзины белых грибов, маслят и подберезовиков. Пратт, не дожидаясь постройки лодки, ежедневно ставил сеть у берега, и уловы значительно возросли.

— Буммм!! Тук- тук — тук — тук — тук!! Буммм!!!

Музыканты стараются, и дети, молодежь, да и некоторые взрослые выходят на поляну, танцевать. Хореографы будущего упали бы в обморок, но здесь об этом никто не знает.

Прыжки, кувырки, приседания, размахивание руками, ногами и ближайшим соседом — эти танцевальные па особенно популярны. Ну и более цивилизованные варианты — это уже наш с Эрикой пример распространяется...

— Народ племени Солнца!

Когда музыка стихла и уставшие танцоры порассаживались у костров, я выхожу в центр поселка

— Мы сделали великое дело! Теперь мы сможем спать спокойно, и не бояться, что дикие звери или враги застигнут нас врасплох! Арх!

— Арх! Архх!!

Русское "ура!" не прижилось, а вот его неандертальский вариант продолжает жить.

— Каждый из вас получит железные инструменты и оружие за это великое свершение! С завтрашнего дня мы возобновим подготовку к новой плавке железа! Архх!!

— Аррхх!! Аррх! Аррх!!

Стихийный митинг набирает обороты, некоторые вскакивают с мест, градус эмоций растёт.

— Я обещал вам, что до зимы мы построим новые дома. Смерть нашего человека, мужчины из племени Солнца, изменила эти планы.

Но один дом мы все — таки построим! Аррх!

— Аарррхх!!!

Рев толпы ещё долго не стихает. Эти люди ещё не знают всех уловок и хитростей "просвещенной демократии", управлять ими легко — пообещал много, выполнил всего ничего, но они об этом не задумываются — выполнил же хоть что-то. Пока не задумываются ...

На рассвете я вышел из юрты, потягиваясь и разминая мышцы, огляделся. Ровный ряд толстых пятиметровых бревен теперь частично закрывал обзор, нужно продолжать работу, укрепляя поверху настил из жердей потоньше.

Подошёл к паре зевающих часовых, присел рядом с ними. Меня угостили горячим чаем — ароматный отвар из листьев и ягод малины и смородины неплохо бодрит. Делаю пару глотков — хорошо то как...

Тенак рассказывает о последней охоте на зубра, его напарник отходит подальше, к выгребной яме.

— Дим, Тенак!

Мы оборачиваемся. Парень, придерживая одной рукой сползающие штаны, указывает на светлеющее небо над частоколом.

Там, далеко за рекой, едва различимая на сером фоне, подымается тонкая струйка дыма...

Тревогу сразу поднимать не стали, всё-таки защита от внезапного нападения уже построена. Главное — не допустить врага под самые стены незамеченным, и я, разбудив близнецов и Пратта, уже хорошо плававшего, отправил их на противоположный берег Аркаима, наблюдать и разведывать. Они срежут большую часть пути, и пока мы будем собираться, хоть что-то узнают

Утром люди спокойно проснулись, позавтракали, и только тогда вождь обрадовал их новостями о "гостях" с востока.

— Рауг, Гер, собирайте всех мужчин. Оружие — только железное, каменное не брать. Раздайте новые копья Куницам, потом отработают.

— Дим, я возьму свой топор!

— А я молот из кузни!

Ну да, это в будущем махать двадцатикилограммовым молотом несподручно, а для этих двоих гигантов — пожалуйста... В ближнем бою такое оружие станет поэфффективнее копья.

— Тинг, давай к нам. Сейчас решим, что делать будем.

Глава Горностаев уже полностью собран, с оружием и походным мешком за плечами. Такие "рюкзак", с широкими лямками, в последнее время полностью вытеснили привычные мешки.

— Мы ждём у реки или идём к броду?

— К броду. Если черные люди перейдут брод первыми, они нас окружают. Да и

разведчикам будет проще отбиться, если что...

— К броду и идём вслед за Тором!

Тинг озвучил решение большинства. Не имея пока возможности перемещаться по стене, мы окажемся в ловушке, без возможности атаковать противника из-за прикрытия.

Как известно, лучшая оборона — нападение, и в нашем случае это не просто слова. Племя Солнца может выставить сорок семь бойцов, с улучшенным оружием. Семьдесят пять женщин и подростков вооружены дротиками, они в резерве, пока останутся в Лантирске. Нас может загнать назад, за стены только очень большое племя кроманьонцев, а такие мне пока не встречались.

— Всем становиться по два человека, пара за парой!

Толпа вытягивается в подобие колонны, и щит из бревен, заменяющий ворота, с грохотом падает наружу, открывая проход.

— К реке, шагом, марш!

— Аррх!!

Ещё недавно тут были сплошные заросли, теперь же — груды срубленных веток и десятки, сотни пней. Тропинка к реке уже хорошо утоптана, идти по ней легко.

— Налево, вдоль берега, вперёд!

До брода около двух километров, и оттуда тянется тропа до бывшей стоянки рода Огненного Камня. Там уже месяц не было шахтеров, и мысль о том, что это мог быть незатушенный костер, не выдерживала никакой критики. Да и к огню неандертальцы относились уважительно, с детства привыкая гасить за собой пламя...

Через пару часов мы нашли следы разведчиков, заламывавших ветки деревьев по пути, и пошли дальше уже медленнее, прислушиваясь к любому шороху.

Негромкий свист Пратта раздался впереди, а вскоре и он сам вынырнул из зарослей.

— Где близнецы?

— Тсс... Они впереди, недалеко, наблюдают за черными людьми.

— Их много?

Парень замялся

— Шесть...

— Говори точнее — шесть десятков?

Тот отрицательно мотает головой. У меня дыхание перехватило от следующего предположения, и я уже тише, севшим голосом спрашиваю разведчика:

— Шесть сотен?..

— Их всего шесть, Дим. Шесть черных женщин. И пятеро детей.

Мля... По сторонам слышны смешки мужчин, я и сам, осознав, насколько глупо выгляжу, смеюсь со всеми.

— Окружайте их стоянку со всех сторон, а то разбегутся, лови их потом... Будем знакомиться. Первыми не нападать!

Колонна снова трогается с места, и вскоре мы натыкаемся на близнецов. Те указывают в просвет между деревьев, и я вижу "грозного" врага.

На поляне стоит кривоватое подобие юрты, скорее шалаш из веток и пары шкур. Шестеро довольно симпатичных, похожих на Нгеп, женщин сидят у костра, рядом взяты мелкие детишки. Одна из них постарше, ей за тридцать, остальные моложе, две так вообще не старше Эрики. Из одежды только набедренные повязки из травы, и такие же сплетенные из травы браслеты на запястьях.

Отряд бесшумно растворяется в зарослях, огибая стоянку. Впрочем, старшая из кроманьонок что-то слышала, и они насторожились, в руках появились короткие копья, не длиннее наших дротиков. Наконечники каменные, но на конце древка длинная кожаная лента. И держат они их странно, совсем как наши девушки, когда ...

Стоп, да это же аналог моей копьеметалки, только не съёмный!

Так они мне точно кого-то ранят, доспехов пока мои неандертальцы не носят. Нужно начинать с переговоров. Шепотом передаю по цепочке в обе стороны команду не двигаться, и уже громко кричу столпившимся вокруг детей чернокожим воительницам:

— Мир! Дружба! Жвачка!

Разумеется, меня не поняли. Даже стоящий рядом Тор, уже неплохо знавший русский, удивлённо хмыкнул, услышав новое слово. Главное, меня услышали. Теперь эти амазонки все повернулись в мою сторону, вглядываясь в листву кустарников

— Мгуен лмето, к'тия!

Я все понял... И как преодолевать языковой барьер?

— Мы вас не тронем! Опустите оружие!

— К'тия ва!

Слева, метрах в десяти, раздаётся голос Анта:

— Ва н'техх, луемо!

Часть женщин повернулась в его сторону, но за тем местом, где я нахожусь, по прежнему следят. И слышат хорошо — пока пробираюсь через переплетение ветвей, острие дротика поворачивается следом.

— Ты их понимаешь?

— Плохо... Так Нгеп раньше говорила, ещё когда мы жили у Большой Воды.

— Что они говорят?

— Угрожают бросить копье, если мы нападём.

— Так скажи им, что если бросят, то их убьют.

Ант, подумал минуту, вспоминая нужные слова, затем что-то крикнул кроманьонкам. Те ответили, но оружие не опустили.

— Говорят, что не боятся двоих мужчин.

— А не двоих? Тор, все по команде — боевой клич!

Парень кивает, и через минуту над поляной разносится слитный рев почти пяти десятков неандертальцев.

— Ааррхх!!

Нужно их ещё научить бить в такт древками копий о землю, вообще красота будет...

— Ант, давай повторяй, что мы не нападём первыми. Пусть опустят свои копья.

На этот раз переводчик добился успеха. Женщины, растерянно поворачивающие занесенные дротики из стороны в сторону, обменявшись парой фраз между собой и положили оружие на землю. Затем разом присели, и, обняв детей, замерли.

— Ант, чего это они?

Тот пожимает плечами. Ещё одна непонятная фраза, и старшая, неуверенно поднимает голову, отбрасывая назад длинные черные волосы.

— Они боятся, что вы убьете детей, а их оставите, для развлечений.

— Скажи им, что у нас хватает своих женщин.

— Рауг, Тинг, Тор, выходим. Не нападаем, они без оружия. Всем ясно?

Нестройный гул голосов, и мы слитно выходим из зарослей. Женщины опять

сжимаются от страха, дети, скрытые под ними, режут во все горло...

— Пусть поднимутся и успокоят детей. Ант, переводи.

Послушались. Сначала старшая, затем и остальные встают, боязливо озираясь и вздрагивая каждый раз при виде моих соплеменников. Они уже сталкивались с похожими?

— Вы боитесь таких людей, как и мы?

Ответ я получил довольно странный

— Да. Таких. Не как вы, как мы.

— Ант, пусть собираются, проведем их в город. Добывать пищу они умеют.

Я указываю тускло блеснувшим остриём копья на недоеденную тушку гуся, лежавшую в костре и уже начавшую обугливаться.

— Дим, ты уверен, что их примут? Белки и Куницы на Нгеп до сих пор косятся, хоть она и выше тех, маленьких черных людей, что жили тут раньше.

— Примут. Переводи.

Конечно, это риск — вести кроманьонок в Лантирск. Оставить их здесь и уйти назад? Можно и так, но ведь с другой стороны — это шанс. Мне нужны их гены, слишком мало неандертальцев я собрал, и, если не найду новых, все это рухнет, они все равно исчезнут. И история, радостно скалясь черепами моих людей, вновь свернёт на старый путь.

Сейчас это сделать проще — у меня есть Ант и Нгеп, которые помогут им освоиться. И, что ещё важнее — они не пришли с войной под стены города, ни с кем не ссорились из-за добычи, никого не убили. Им не за что мстить.

— Дим, их юрту брать?

Я с сомнением смотрю на охапку кривых палок, составляющих постройку — одна шкура облезшая, очень старая. Вторая, свежая — получше, лисья, но не выделана и уже пованивает.

— Нет. Только вещи этих женщин. Детей пусть несут сами.

Спорить с нами никто не решился, что не удивительно при таком соотношении сил. Но вот полные ужаса взгляды, обречённо поникшие плечи и вздрагивающие спины после любой громкой фразы лучше слов говорят, что добра от жизни тут не ждут.

— Всем строиться, идём назад. Женщин в центр отряда.

Много нам нести не пришлось — пара полупустых мешков, заполненных сухой и привядшей травой вперемешку с мелкими дикими грушами, десяток неплохих дротиков, и небольшой свёрток, тщательно перевязанный витой веревкой из травы. Веревки, значит они уже тоже освоили...

Разворачиваю его — сгусток желтовато бурой субстанции, похожей на смолу, запах смутно знакомый — то ли дым, то ли асфальт... Так когда-то "пахли" шпалы на железной дороге. Эти амазонки где то бочку с креозотом нашли? Хотя нет, у него запах резче. Точно, это же деготь! Только очень густой, обычно он пожиже.

Я ведь и забыл о нем совсем, а ведь он скоро пригодится. Берёз тут хватает, вот и пусть сделают свой вклад в процветание племени. А вождь Дим позаботится, чтобы об этом не забыли.

Улыбаюсь, идти сразу стало веселее. Никто никого не убьёт, хватит с нас Арики и Шенка...

Лантирск встретил нас настороженно — щиты ворот подняты, ни звука, только дым поднимается над оградой. Рауг, не долго думая, бухает обухом топора по брёвнам, оставляя солидную вмятину. Вот, сразу услышали. За стеной раздались голоса, и, узнав наконец своих, радостные крики.

Вот и первый "триумфальный въезд" в город великого вождя, победителя несметных полчищ врагов и прочие, и прочие, и прочие... Тут даже Тор, мастер сочинять хвастливые истории не выкрутится — победа над шестью перепуганными женщинами никак не вяжется с воинскими подвигами.

— Зачем нам пленные?

— Дим, это женщины наших врагов!

— Почему вы не убили их?!

Гул голосов нарастает, негритянки, не понимая, где им укрыться от криков толпы, вновь сжимаются в тесную группу, пряча детей.

— Тихо! Все к огню, я буду говорить!

Отряд воинов растворяется в толпе, людская масса бурлит, заполняя всю площадь вокруг меня. Краем глаза замечаю, что все выходцы из Крыма держатся рядом со мной, взяв черных женщин в кольцо, да и Тинг со своим родом пробивается поближе.

— Вы все видели или слышали о черных людях! Те, кто был врагами нашего народа, уже мертвы. Нгеп, подойди!

Успокаивающе киваю Анту, пожилой неандерталец напряжен, как струна. Оружие из рук от так и не выпустил...

— Нгеп живёт с нами уже год! Она убила хоть одного человека?

Я смотрю в глаза десятков людей. Толпа тихо гудит, как растревоженный улей, но отвечать на мой вопрос никто не спешит.

— Она убила своего мужчину? Или ребенка?

Люди начинают отводить глаза, но возмущенный шум не стихает

— Посмотрите на меня! Моя кожа стала почти такой же, Солнце не делает различий между людьми! Выходит, и я теперь — враг?!!

— Ты настоящий человек! А они — нет!..

Кто-то из новеньких решился ответить. Перевожу взгляд на крепкого мужчину, совсем недавно он шел бок о бок с нами, возвращаясь из этой вылазки.

— Ты был сегодня там! Ты видел их жилище и их оружие. Это сделали лесные звери? Или им помогли духи предков?!

— Мы делаем лучшие!..

Так себе аргумент, но мужик не сдаётся, упрямо склонив голову.

— И давно у тебя появилось лучшее оружие?

— Сегодня же всем раздали, когда враги..., - он запнулся, — когда появились эти женщины.

— Рауг, дай мне копьё черных людей.

Охотник, порывшись в груди принесенных пожитков кроманьонцев, протягивает мне дротик.

— Ещё недавно это было лучшим оружием для женщин. И это придумал не я, а они! И ты утверждаешь, что они — не настоящие люди?

Толпа хмурится, но молчит.

— Скоро я покажу вам новое знание Предков. Эти женщины знают часть этой мудрости. Если бы они не были настоящими людьми, разве предки доверили бы им свои знания?!

— Тор, давай свёрток с дёгтем.

Разворачиваю кожу, отрываю кусок смолы, и высоко поднимая его над головой.

— Смотрите все! Вы умеете делать такие вещи?

Я протягиваю кусок дегтя ближайшей женщине, та, осмотрев его, передает дальше. Тинг тихо говорит мне, подойдя ближе

— Я видел похожее. Очень давно, к нам пришли несколько женщин из рода Белого Волка, и принесли с собой небольшие кусочки такого же мягкого камня. Он хорошо липнет и наконечники копий держатся крепче. А потом Заруг запретил меняться невестами.

Толпа увлеченно рассматривает необычный камень, и ещё двое мужчин постарше уверенно заявляют — видели когда-то похожий.

— Вы все знаете, что духи Предков рассержены на Заруга и его род. Их дар, их знания не были переданы всем людям. Теперь духи предков доверили эти знания им!

Я подхожу к старшей амазонке, и беру ее за руку, выводя в центр поселка. Увидев рядом Нгеп, она на секунду замирает, и уже смелее идёт за мной.

— Кто теперь скажет, что это не настоящая женщина и духи Предков ошиблись?

Тишина. Абсолютная. Навлечь на себя гнев предков не хочет ни один неандерталец. Без огня не выжить, а духи этой стихии всегда на стороне Предков...

— Любой, кто назовет этих женщин врагами, отправится в Первую Пещеру. Я сам провожу вас туда! И вы сами скажите Предкам, что правы вы, а не они. Я все сказал!

Люди расходятся, некоторые хмурятся, но большинство восприняло мое выступление нормально. Эрика с подругами уводит черных женщин с площади, тем явно неуютно стоять на всеобщем обозрении.

— Ант, поможешь?

Тот молча кивает. Мы идём устанавливать новую юрту...

Прошла неделя. За это время жизнь в Лантирске вошла в привычную колею, люди вернулись к прежним занятиям. За рудой и углем теперь ходили большие отряды, и рядом с местами добычи выстроили небольшие частоколы, достаточные чтобы вместить десяток или полтора мужчин.

Я всё-таки разыскал с помощью сестры Тенака яму, вырытую подростками котами. И, как и ожидал почувствовал сильный запах валерианы — едва растение немного отрастало, наши питомцы сгрызали его под корень. Нужно будет дать задание сборщикам ягод и грибов, пусть накопают корней, были у меня задумки на этот счёт...

Вчера в город принесли полную корзину мелких синих ягод, сладковатых, но терпких. Терен! Покрытые сизым пруиновым налетом, эти плоды на поверхности часто содержали важнейшую вещь — дрожжи. И я решил попробовать выгнать хоть немного самогона.

Три больших глиняных горшка, по двадцать литров каждый были на складе гончаров Острых Копий, их я и поставил рядом со своей юртой, посмеиваясь — вот уже и вождь племени влез в долги до второй плавки металла. Ягод дети и подростки мне натаскали быстро, стоило только назначить за них оплату повыше, чем за обычные. Теперь нужно раздавить все ягоды, залить таким же количеством воды, и оставить все это бродить в теплом месте. Подключил к этому развлечению Эрику, Нгеп и двоих недавно приведенных кроманьонок с длинными труднопроизносимыми именами. Для простоты назвал из Ллан и Мган. У Нгеп тоже оказывается раньше было такое же, но Ант, как и я сейчас, его сократил.

Проблему с гидрозатвором я решил просто — обмазал края горшков слоем глины, формируя желобок, налил в него воды и прикрыл сверху подходящими по размеру мисками с прорезями по краям. Во время брожения углекислый газ будет периодически приподнимать миску над водой, и через прорези выходить наружу. Горшки укутали в теплый мех, и

разместили в отдельной маленькой юрте. Теперь там постоянно тлел небольшой костерок, согревая будущую брагу. Ждать долго, диких дрожжей мало, будет месяц бродить, если не дольше.

Следующей вехой на пути прогресса стало одно из важнейших изобретений человечества. Сейчас, получив пилу и топор, я смог наконец сделать первое составное КОЛЕСО. Рауг с Праттом, наловчившиеся работать со столярным инструментом, помогли мне настрогать досок и собрать небольшую платформу на одном колесе и с двумя длинными ручками. И вскоре, смазав ступицу дёгтем, я продемонстрировал племени строительную тележку...

Каждый вечер, захватив с собой Эрику и Анта с женой, я отправлялся к юрте кроманьонков. Они все ещё сторонились людей, но меня принимали тепло, Нгеп им перевела все сказанное на площади. И, постепенно, продираясь сквозь путаницу перевода, раскрывалась их история...

Большое племя кроманьонцев начало свой путь из Африки много лет назад. Старшая рассказчица, Мтан, ещё помнила жизнь на теплых берегах большого моря, за которым всходило солнце.

Но пищи для всех не хватало, животные в той пустынной местности встречались не часто, и вскоре их стали теснить подходившие с юга соседи. Потеряв десятки мужчин в стычках, они решили идти дальше на север. Так началась кочевая жизнь.

Они проходили несколько десятков или сотен километров, останавливались, начинали исследовать местность — и неизменно натыкались на таких же переселенцев, как они сами. Четыре года назад они остановились перед узкой полосой воды, за которой на западе виднелась земля. Часть племени перебралась на ту сторону, связав плот из нескольких сухих деревьев.

И вскоре их охотники наткнулись на неандертальцев. Новые люди, более сильные, не похожие на них самих, ещё больше напугали родичей Мтан, и идти в новые земли никто не решился. Форпост на Керченском полуострове спешно свернули. В это время и потерялась Нгеп, ставшая впоследствии женой Анта.

Вновь объединившись с основным составом, кроманьонцы повернули на восток. Шли долго, и вскоре достигли берегов большого пресного моря, где и разбили стоянку. Но первая же зима в новом месте, непривычно холодная, заставила их пойти южнее. Добычи вокруг хватало, и, кочуя вслед за стадами, можно было вполне сытно жить.

Три года назад они добрались до места, где берег стал поворачивать на восток. Мягкий климат, теплая зима, обилие пищи — вот она, земля обетованная. Полгода они прожили спокойно.

А потом к ним вышли двое необычных людей. Почти такие же темнокожие, как кроманьонцы, они были выше и намного шире в плечах. Широкие плоские лица гостей не выражали никаких эмоций, они не понимали слов, но между собой говорили на непонятном языке. Так и не поняв друг друга, они ушли к горам на юге. О них вскоре забыли. Это и стало главной ошибкой кроманьонцев...

Первыми стали пропадать небольшие группы охотников. Отправленные на их поиск тоже не вернулись. Племя стало голодать, и вскоре уже все оставшиеся мужчины вместе отправились на охоту. Что с ними случилось, не Мтан, не другие женщины не узнали. Они с детьми и несколькими стариками остались одни и пытались выжить, собирая съедобные растения и изредка убивая птиц на побережье.

Так продолжалось не долго, и однажды, вернувшись к стоянке, она обнаружила там новых хозяев. Множество таких же темнокожих гигантов расположились в их жилищах. Стариков и детей они убили, а тела оттащили на окраину поселения. Пытавшихся сбежать женщин постигла та же участь. От некогда большого и сильного племени осталось всего три десятка кроманьонов.

Год они прожили вместе. Одни группы пришельцев появлялись, другие уходили к горному массиву. Новые мужчины не особо заботились о пропитании, но приносили гораздо более крупных животных, их остатков хватало и Мтан с подругами. Хуже было другое — женщины стали умирать. Беременности наступали часто, но почти все заканчивались выкидышами, а то и смертью матери. Дождавшись рождения последней девочки, все оставшиеся в живых решили уходить из этого места.

Выждав удобный момент, когда на стоянке остались только двое мужчин, их убили во сне. И, забрав детей, отправились назад, на север, вдоль берега Каспийского моря. Потом повернули на запад, и долго шли вдоль берегов большой реки. Питались в основном птицами, подстерегая их в плавнях. Брода так и не нашли, и во время переправы на связанных из деревьев и тростника плотам, потеряли половину взрослых и троих детей, ещё двоих позже убили волки. От устья Дона до берегов Аркаима дошли только шестеро кроманьонов...

Обдумывая эту историю, я сделал три вывода: Первое — где то на территории Северного Ирака начинается территория, заселенная третьим видом людей — денисовцами. То, что отдельные их группы могли дойти вплоть до Кавказа и даже пересечь Керченский пролив, я понял ещё в прошлом году, обнаружив их останки в Крыму.

Второе — вся территория Закавказья уже заселена кроманьонцами, хоть отдельные анклав неандертальцев и денисовцев там ещё остались.

Ну и последнее — реки вовсе не являлись непреодолимой преградой, некоторые кроманьонцы, да и не только они, отлично умели плавать.

Но все таки главным стали даже не новые сведения, а опустевший мешок из под еды.

Услышав о том, что во время перехода они собирали зерна растений, и питались ими, я бросился к пустой таре, безжалостно разрезав его. Мои старания были вознаграждены — в складках швов обнаружили семь мелких зёрен пшеницы, и три зерна другой формы, более вытянутых и узких. Рожь...

Находка была по-настоящему бесценной! Найденные зерна я отложил до весны, поместив их в сухой глиняный горшок и тщательно его закрыл.

Взамен женщинам принесли новые заплечные мешки, и целую пригоршню мелких железных наконечников для дротиков. Они начали ходить на охоту вместе с рыбаками, и, пока те проверяли верши, успевали убить несколько гусей или уток. Подарок пришелся очень кстати, и вскоре жареные и копчёные птицы стали постоянным дополнением к меню племени.

Лес вокруг Лантирска исчез полностью, о нем напоминали только десятки столбов дыма, поднимающихся в осеннее небо.

В начале сентября заложили новый большой бурт с кирпичами на обжиг, и рядом с ним — поменьше, в нем были небольшие пластины черепицы. Тлели кучи засыпанных землёй дров, пережигаемых в древесный уголь, дымили ямы, в которых стали вытапливать смолу и деготь. Коптильни работали круглосуточно, к ним добавились ещё несколько, перерабатывая дикие груши и птицу.

Тележки, мой первый вариант, а затем и двух, четырехколесные, существенно облегчили переноску грузов. Работы значительно ускорились, лесные тропинки расширялись, чтобы там мог проехать новый транспорт.

Над оградой сооружали настил, ее верх украсили острые колья, под углом направленные наружу.

Люди на время отложили ссоры, и спешили подготовиться к зимовке. Но иногда я ловил на себе хмурые, а то и злые взгляды. Теплая и беззаботная атмосфера, когда небольшое племя жило на берегах Тихой, исчезла навсегда.

Брага перестала играть, запах спирта чувствовался вполне отчётливо, пора было приступать к перегонке. В качестве конденсатора я применил наклонную чугунную дверку для новой плавильной печи, нарастив на ней высокие глиняные борта и залив холодную воду. Капли спирта стекали по наклонной поверхности в поставленную миску, и вскоре я уже набрал немного мутноватой жидкости. Первую порцию пришлось вылить, слишком уж несло от нее сивушными маслами, но остальное получилось собрать. Так я стал обладателем полутора литров довольно крепкого самогона, который после фильтрования через древесный уголь и станет изюминкой предстоящего торжества.

В середине октября мы восстановили и модернизировали разрушенную печь. Вторая плавка прошла спокойнее, и за неделю работы племя получило еще полтонны железных криц. Большую часть чугуна я разлил в формы, и количество наличных денег возросло на порядок. Провели взаиморасчет, по результатам которого часть людей стали обладателями новых вещей и инструментов, часть — владельцами увесистой связки денег. Этот же расчет выявил и откровенных лентяев, и градус недовольства снова подскочил вверх.

Я это видел, но надеялся, что предстоящие гуляния на одной, общей для всех пар, свадьбе, немного разрядит обстановку.

Подготовку начали уже давно:

— Во-первых, шили церемониальные головные уборы — шапки из волчьего меха, для женихов, и такие же, но с белой вставкой заячьей шкурки, для невест.

— Во-вторых в кузнице ковали пары ножей, острых, с удобными деревянными рукоятками под мужскую и женскую руку.

— В-третьих, собирали десятки светильников — небольших горшочков, наполненных застывшим жиром, и фитилем из тонкой плетёной веревки на железной подвеске. Эти лампадки станут символом нового семейного очага.

Ещё в начале месяца в Лантирск подошла большая ватага парней из рода Медведей, но их ждал неприятный сюрприз — принесенные каменные орудия для выкупа невест уже никого не интересовали. Некоторую ценность представлял мед, налитый в два здоровенных бочонка, выдолбленных из цельного дерева, но этого было мало.

В результате, взяв инструмент в аренду, эта строительная бригада под моим руководством начала постройку резиденции вождя. Целыми днями работая без отдыха, к концу месяца они возвели первый дом в центре города.

Постройка была непривычно большой — две круглые глинобитные стены на каркасе из бревен, в пять и два с половиной метра высотой, и диаметром в десять и двадцать метров соответственно. Внутреннее кольцо было жилым, в его центре выложили большую кирпичную печь, по типу шведской. Над ним находился второй этаж, пока ещё без перекрытий. Внешнее будет отведено под хозяйственные и складские помещения. Для соединения особенно ответственных узлов в кузне выковали толстые железные гвозди.

Крыша невысокая, от печной трубы ряды черепицы спускались вниз под углом около 15°, но издали все равно огромный двухярусный конус производил незабываемое впечатление...

Жить внутри ещё было нельзя, постройка сохла, нужно было делать перегородки, двери, спальные места и полки хранилищ, но постройку я принял. За проделанную работу каждый строитель получил полный комплект железного оружия и инструментов, с таким и свататься не стыдно.

Календарь решил изменить — оставались все те же привычные мне из будущего двенадцать месяцев, но дней в них стало тридцать, а длинна недели сократилась до пяти. Оставшиеся пять, а каждые четыре года — шесть дней, объявлялись праздничной неделей, в это время будем отмечать Новый год. Большой щит из гладко обструганных досок теперь стоял возле моей юрты, и теперь я каждый день вырезал ножом новую дату, подкрашивая цифры сажей.

Сегодня у нас пятое ноября, и долгожданный для многих, в том числе и для меня, день настал!

Так как я сам был участником, проводить церемонию доверили Тингу и Варике, его женщине. Дети постарше, обоих полов, должны были помогать ведущим.

Наружные стены недавно отстроенного "дворца" украсили гирляндами из сосновых и еловых веток, и, за неимением цветов — желтыми и красными листьями. Вдоль всего внутреннего кольца юрт соорудили скамейки — одни, повыше на подставках, вторые — простые отрезки бревен, лежащие на земле. Соорудили десятки стоек и держателей для факелов, чтобы с приходом темноты веселье продолжалось.

Целых шесть костров горели с самого утра, возле них замужние женщины готовили праздничный обед. Последнее новшество — крепкие, тяжеленные столы стояли там же. Меню, впрочем, кроме обильности, мало отличалось от повседневного, но вот десерт должен был стать запоминающимся — многие никогда в жизни не пробовали мед и, тем более, спиртные напитки. Оба боченка я давно выкупил, и теперь они, вместе с разбавленным самогоном, настоящим на мяте, ожидали своего звездного часа.

Пока народ собирался, музыканты осваивали новые барабаны, колотушки, погремушки и свистки, все виновники торжества сменили рабочую одежду на новые, только недавно пошитые меховые костюмы. Заготовленные подарки принесли ведущим, дети оббежали гостей, вручив каждому небольшие горшочки с сушеными ягодами, и праздник начался.

Всего были отобраны тридцать пять мужчин и столько же женщин, и сейчас мы двумя большими группами собрались в разных концах площади. Отбор шел по старшинству, самым младшим девчонкам, которые так и не определились с выбором, придется ждать ещё один год. Мужчин на всех не хватало, а многоженство вводить мне не хотелось. Да и подрасти им не помешает — хоть неандертальцы и выросли рано, в возрасте десяти — двенадцати лет их уже переставали считать детьми, но шанс благополучно родить ребенка у таких ранних невест был небольшим.

Парни из рода Медведей были очень кстати, разом заполнив пятнадцать вакансий женихов, но этого все равно было недостаточно...

Первыми Тинг вызывал уже сложившиеся пары.

Ко мне подбегает Кира, ей уже целых пять лет, наряженная по последнему писку моды палеолита — просторный меховый сарафан, перетянутый на поясе ремешком, на голове — веночек из разноцветных листьев.

— Дим, идём!

Мне вручают шапку с отворотом из волчьего меха. Предмет теперь статусный, я одеваю ее и сжимаю маленькую ладошку. Кира ведёт меня к Тингу, с другого края площади мелкий мальчишка из Горностаев ведёт Эрику.

Сегодня она особенно красива — костюм с иголки, длинные светлые волосы водопадом сбегают по плечам. Под белым отворотом шапочки невесты в волосы вплетены маленькие, по нескольку ягод, огненно-красные кисти калины, окружённые яркими желтыми листочками. Девушка не нашла цветов в ноябре, но не пожалела времени и сил, чтобы сделать искусственные!

Ободряюще улыбаюсь ей, и мы становимся перед ведущими. Тинг желает мне неизменно удачной охоты, воинских подвигов и мудрости предков, и, уже прочно вошедшим в обиход жестом, сжимает своей лапищей мою руку. С трудом выдерживаю спокойное лицо, мужик от избытка эмоций так и кости сломать может...

Рядом Варика поздравляет мою невесту с обретением своего мужчины, желает ей родить много крепких и здоровых детей, никогда не узнать голод и гнев мужа.

Ну а что, жизненное для этого времени пожелание!...

На шею нам одевают ножи в ножнах, и, наконец, под оглушительный грохот барабанов и поздравительные крики толпы, мы целуемся.

Вот и все, новоиспечённая семья получает свой символический очаг, уже зажжённый Варикой, и под аплодисменты отходит к зрительским местам. Мы усаживаемся поудобнее, впереди ещё много интересного.

Дети уже ведут Тура с Ирикой, церемония продолжается...

Люди тихо прешептываются, наблюдая за торжеством, такое событие ещё долго будет пищей для разговоров. День сегодня как по заказу — тёплый и солнечный, ветер стих, и воздух после ночных заморозков уже хорошо прогрелся. Погода на нашей стороне!

Первые восемнадцать пар уже стали супругами, и Тинг с Варикой объявляют небольшой обеденный перерыв. Люди встают с мест, подходят к столам, где могут выбрать любое блюдо — тонкие, хорошо прожаренные куски свинины, запеченую рыбу, тушки копчёных птиц, грибы, сухие ягоды и фрукты.

Музыканты на время отдают инструменты детям, и те азартно проверяют их на прочность, выбивая все новые и новые ритмы.

Наконец, народ насытился, все вновь рассаживаются по местам, в костры подбрасывают охапки дров, и начинается вторая часть церемонии.

Семнадцать женщин, включая недавно приведенных кроманьонок, тянут жребий, на ощупь доставая из глубокого мешка камешки. Вот Лика, сестра Тенака, достает вместо серого гранита такой же по размеру красивый розовый кристалл — Ант не пожалел для торжества принесенное им с побережья сокровище.

Под грохот барабанов ее подводят к Тингу, Варика вручает ей зажжённый очаг. Глава рода Горностаев, набрав в грудь побольше воздуха, кричит оставшимся холостякам:

— Кто хочет привести в свое жилище эту женщину?

Правило тут простое — жених и его родители не должны быть из того же рода, что и невеста. Такие сразу отходят в сторону.

Лика красивая, по меркам неандертальцев, и желающих много — сразу пятеро парней выходят к ней, косясь друг на друга.

Убийства мне на свадьбе не нужны, этим только дай волю — проломают сопернику череп, и скажут, что так и было. Выбор среди них должна сделать сама невеста, и оспорить

его никто уже не сможет.

Девушка нервничает, переводя взгляд с одного парня на другого. Но вот решение принято, и она уверенно подходит к одному из женихов, вручая ему горящий огонек.

— Выбор сделан!

Громкие аплодисменты и крики поддерживают новую пару, они получают свои подарки и поздравления.

Четверо проигравших отходят в сторону, они теперь не смогут участвовать в следующих выборах. Только когда все остальные холостяки поучаствуют, проигравшие вновь сменят статус на женихов. Впрочем, если за следующую женщину никто бороться не захочет, все ранее проигравшие тянут жребий.

Может, это и жестокое правило, но мне нужны семьи, и чем больше их будет, тем лучше.

Следующей розовый кварц вытянула Мтан. Она сильно смущается, опустив глаза в землю, но народ вокруг уже настроен дружелюбно. Люди поддерживают девушку криками и аплодисментами даже громче, чем Лику.

Тинг, улыбаясь, повторяет предыдущий вопрос, а я с интересом наблюдаю за лицами женихов. Решатся или нет?

Секунда, другая, третья — и Канг уверенно подходит к кроманьонке. Он так и не сошёлся ни с одной из женщин, и теперь решил это исправить.

Больше желающих нет, и вот уже Мтан, сверкая счастливыми глазами, передает ему огонь, и им вручают подарки. Я первым громко выкрикиваю поздравления, народ вокруг не отстаёт, и вполне довольные друг другом супруги страстно целуются. Канг уводит свою жену, и место Мтан занимает следующая невеста.

Первый раз проигравшие тянут жребий, когда никто не вышел к женщине из рода Серых Белок. Тут дело было даже не во внешности, а в довольно таки склочном характере последней. "Счастливый" мужчина с трудом сдерживает эмоции, они то и дело пробегают по его лицу.

Пара выслушивает положенные поздравления, но довольной выглядит только невеста...

А я то думал, что проблемы начнутся с кроманьонок! Нет, вытаскившие следом жребий одна за одной, три чернокожие женщины без проблем получают мужчин, а к одной, самой молодой и симпатичной, вышли сразу два парня. Вон как она улыбается, и не скажешь, что всего полчаса назад старалась спрятаться за подруг...

И вот остаётся всего двое — довольно молодая женщина из рода Черного Камня, отбитая нами когда-то у чернокожих, и огромный мужик, единственный взрослый холостяк из рода Медведей. Никакого выбора у них уже не осталось, судьба все решила сама.

Все, последняя семья создана, пора закрывать церемонию!

Подаю знак Раугу, и они с Гером играючи выносят ведра с медом. Ант уже успел наведаться в мою юрту, и притащил самогон, поставив на стол здоровенный сосуд с "огненной водой". Ну, начинаем!

Встаю, и становлюсь на раздаче. Мед раздадут без моей помощи, а вот мятную настойку... С этим шутить нельзя. Я, выгнав новый продукт, попробовал его, и меня чуть не свалило с ног от одной небольшой глиняной рюмки. Это при весе под восемьдесят кило...

То ли организм неандертальцев был абсолютно беззащитен перед спиртным, то ли просто не было привычки. Но, в любом случае, дозировку буду назначать лично!

Мед уже раздают, дети жмурятся от удовольствия, природные сахара здесь настолько

редкие, что этот продукт считается достойным подарком при сватовстве. Мы с Эрикой тоже получаем свою порцию. Вкусно!

— Друзья, сегодня большой день для нашего племени! У нас появилось сразу тридцать пять семей! Да, да, именно столько!

Я смеясь несколько раз поднимаю руку с растопыренными пальцами, наблюдая как некоторые дети пытаются представить себе такое большое число.

— Наши предки открыли мне секрет особого напитка! В нем есть самый настоящий огонь!

Я подношу огонек к наполненной рюмке, и над жидкостью вспыхивает полупрозрачное голубое пламя. Народ восхищённо выдыхает...

— И сегодня этот напиток могут попробовать все, кто уже создал свою семью, и зажёт огонь в своем жилище! Подходите, хватит для всех! Пьем за всех, кто сегодня нашел свою женщину и своего мужчину!

Я наливаю совсем немного, по меркам двадцать первого века, там от такой дозы дети не опьянеют... Но неандертальцам хватает — с изумлением выпучив глаза, они прислушиваются к новым необычным ощущениям.

— А теперь — все танцевать!

Эту незамысловатую мелодию музыканты тренировались исполнять несколько дней, и теперь она у них получается отлично — звук барабанов волнами накатывает на толпу, то затихая, то вновь набирая силу. Колотушки в такт выдают отрывистый стук, словно это стучат сердца молодых. Время медленных танцев придет ещё нескоро!...

На Лантирск опускаются сумерки, люди вновь собираются у столов, новые порции еды уже готовы. А новобрачные, одна пара за другой, исчезают в темноте. Покидаем праздник и мы с Эрикой, нам есть чем заняться. Количество юрт увеличилось до сорока, места хватит всем...

В моей юрте ярко пылает огонь, в ушах звенит — и я не знаю, что тому виной, выпитый самогон или прекрасная обнаженная девушка рядом. В пламени мерещатся неясные картинки и образы, но мне не до этого...

Обнимаю свою, теперь уже жену, и тихо шепчу ей на ушко:

— Ты кого мне первого подаришь, мальчика, или девочку?

Эрика краснеет, в ее глазах искорками отражаются пламя, но она давно уже все для себя решила

— Мальчика, Дим. Сына...

Она тянется ко мне, и мир вокруг на долгое время перестает существовать, оставив только ощущение бесконечного счастья...

Я проснулся перед рассветом, тихонько, чтобы не потревожить спящую жену, натянул штаны и выскользнул наружу. Моим телохранителям, Дару и Туру сейчас не до профессиональных обязанностей, а Ант с семьёй не пришел, позволив нам с Эрикой насладиться друг другом.

Небо уже начинает светлеть, городок только недавно заснул, устав от бесконечного застолья, музыки и танцев. Ночью опять был заморозок, воздух холодный. Зябко поежившись, иду к ближайшей выгребной яме — организм настойчиво напоминает о количестве выпитого вчера. Голова все ещё шумит, меня покачивает. Проходя третье кольцо юрт, замечаю сбоку смутное, размытое движение. В груди вспыхивает резкая боль и я, не удержавшись на ногах, падаю на обтянутую шкурами стену ближайшей постройки.

Последнее, что я слышу — короткий свист летящей мне в голову дубины, и сознание погружается в темноту...

Глава 8. Земли Вечной Охоты

*У шамана три руки, оо
Мир вокруг, как тёмный зал
На ладонях золотых, оо
Нарисованы глаза
Видит розовый рассвет
Прежде солнца самого
А казалось, будто спит, оо
И не знает ничего
Группа "Пикник", "У шамана три руки"*

Как же холодно!.. Ледяной ветер вытягивает из тела последние крохи тепла. А вместе с ним — и жизни...

Сквозь закрытые веки пробивается яркий солнечный свет. Открываю глаза и тут же зажмуриваюсь, чтобы не ослепнуть — белоснежная равнина вспыхивает тысячами искорок. Черт, как же хреново!..

Голова раскалывается от боли, не слабо меня приложили... Стоп, вчера же была только осень. Где я? Что случилось с Эрикой, с Лантирском?

Встать получилось не сразу — мороз сковал конечности, и я сначала долго разминал пальцы, затем руки и ноги, возобновляя движение крови. Из одежды — одни штаны, босые ноги утопают в снегу. Кожа покраснела, но чувствительность постепенно возвращается, словно тысячи иголок покалывают. На груди вижу засохшие потёки крови и едва затянувшийся багровый рубец, напоминающий о себе при каждом вдохе.

Преодолевая тошноту и головокружение, несколько раз приседаю, делаю наклоны и махи руками. Нужно двигаться, иначе так и останусь в этих снегах...

Вот только куда идти? Я начинаю осматриваться, и замираю, не веря своим глазам. В небе ярко светят два солнца...

Абсолютно одинаковые, привычные с детства светила — одно низко над горизонтом, в разрывах серых облаков, второе в зените. Прищурившись, опускаю взгляд ниже и начинаю всерьёз опасаться за свою психику — всего в паре сотен метров от меня снег внезапно исчезает. За полосой дрожащего воздуха я вижу пальмы, настоящий тропический лес. Да быть такого не может!

Срываюсь с места, и со всех ног бегу к этому миражу. На мгновение появляется ощущение сопротивления, словно налетел на прозрачную пленку — и я падаю в зелёную, сочную траву. В голове снова вспыхивает боль, несколько минут лежу неподвижно, переживая приступ. Вроде отпустило...

Жаркое тропическое солнце быстро отогревает меня. Не мираж... Но как?

Встав на ноги, срываю лист с ближайшего дерева, растираю между пальцами, чувствуя, как липкий зелёный сок стекает по руке. Ощупываю морщинистую кору, прихлопываю крупного муравья, впившегося в кожу. Вдыхаю тяжёлый, насыщенный влагой воздух...

Совсем рядом белеет продуваемая всеми ветрами снежная пустыня. Медленно протягиваю руку в ее сторону, пальцы упираются во что-то податливое, как желе, и мир за ней, утратив реальность, качнулся. Снова боль в висках, ещё немного... Холод вновь атакует кисть, и я рефлекторно отдергиваю руку назад. Эксперимент признан удачным...

Не стоит туда возвращаться, лучше останусь на этой стороне, тут хоть не замерзну. Осматриваюсь дальше, и вдалеке вижу море. Ледяные торосы, скопления похожих на тюленей животных на камнях. И тут же они сменяются золотистыми пляжами тропических островов, пальмами, буйством ярких цветов и красок.

Слева заснеженная тундра с редкими деревьями и кустарниками. Вдали бродят стада оленей, овцебыков и мамонтов, вокруг них стремительными росчерками крутятся волки и гиены.

Справа — непроницаемая стена стволов, ветвей и лиан, настоящие джунгли. Завывания ветра исчезли, здесь воздух наполнен криками невидимых в густой листве животных, щебетом птиц и гулом насекомых.

За моей спиной местность начинает подниматься, переходя в предгорья, а на самом горизонте возвышаются величественные горы. Линия раздела двух абсолютно разных местностей не исчезает — половина склонов засыпана снегом, вторая зеленеет, словно альпийские луга. Только много выше ледяные пики становятся одинаково безжизненными.

Зрение слегка адаптируется к контрасту белого и зелёного, и, присмотревшись внимательнее, я замечаю на склонах десятки дымов. Там горят костры? Или вулканическая активность?

Выяснить это можно, только проверив лично. Море никуда не денется, и я, отбросив мысли о райских пляжах, зашагал к горному массиву.

Далеко от границы не отходил, опасаясь углубляться в заросли. Доносившиеся оттуда звуки настораживали и пугали, особенно сейчас, когда у меня не было никакого оружия. Кривоватую палку я, конечно, подобрал, но ней можно отбиться разве что от комнатного пуделя...

Иногда прикасаюсь к невидимой пленке и с интересом наблюдаю, как во все стороны, словно круги на воде, расходятся волны искажений. А вот на попытку просунуть сквозь преграду палку реакция другая — сухое дерево, едва прикоснувшись к границе, просто исчезает, растворяясь без следа. Рассматриваю срез — идеально ровный, словно от лазера. Это можно использовать, я подношу палку под углом, и вскоре ее край заточен под копьё.

Граница не всегда ровная, она изгибается то в одну, то в другую сторону, но общее направление сохраняет. Вот прямо на моих глазах ее край покачнулся, и снег бесследно исчез. Секунда, другая — и каменистая почва сменяется жирной грязью, усыпанной гниющими листьями. Ещё мгновение и первые зелёные ростки стремительно вытягиваются, разворачивают листья, цепляются за ближайшие деревья и кусты...

Для меня они такие же реальные, как и снег на той стороне. Выходит, все это — иллюзия? Нечто подобное я уже видел, посещая Пещеру Предков. Так же растворяющиеся в темноте стены, далёкое недостижимое пятно выхода, призрачные силуэты большинства ее обитателей. Это место мне снится?

Я останавливаюсь и изо всех сил пытаюсь проснуться. Тщетно... Моргание, рассматривание рук, щипки, удары — все бесполезно. Это явно не сон, даже не осознанный сон. Я не могу им управлять — деревья не хотят вырастать по моему желанию, жареный бегемот не появляется на огромном блюде у моих ног...

Вздыхнув, продолжаю шагать дальше. Здесь, на краю джунглей деревья растут немного реже, и между ними можно пробираться, не теряя направление. Мошка залепляет глаза, на плечи то и дело падают листья, мелкие ветки и мусор с верхних ярусов. Иногда к ним присоединяются насекомые, тут же пробувающие мою кожу на прочность. Несколько раз

видел крупных ящериц, лазающих по ветвям, пару толстых, упитанных удавов. Тропический лес жил своей жизнью, тут постоянно кто-то кого-то убивал и ел, и пока не обращал внимания на пришельца.

Впрочем, после экспериментов с палкой, я перестал бояться — достаточно просто пересечь границу, и я окажусь в безопасности.

Шел я довольно долго, солнце справа скрылось за горизонтом, на тундру опустилась ночь. Слева ещё продолжался вечер, но под кронами деревьев уже темно. Ускоряюсь, где только возможно, ночевать в таком лесу совсем не хочется. Лес стал редеть, и я перешёл на бег, разглядев далёкие огоньки впереди. Я уже уверен, что это костры — они иногда мигают, когда свет заслоняют темные точки. Там люди!

Когда я вышел на небольшую поляну к первому костру, уже полностью стемнело. Пламя выглядело странно — оно было полупрозрачным, словно это не дрова, а спирт.

Не менее странными были и люди, сидящие вокруг. Похожие на неандертальцев, такие же коренастые и широкоплечие, в них все равно ощущалась некая чуждость. И дело даже не в заметно больших размерах, смуглой, коричневатой коже, и даже не в лицах — широких, уплощенных, задумчиво-спокойных. Нет, я словно смотрел на дальних родственников, которые уже десятки лет прожили в чужой стране, и изменились настолько, что с ними и говорить то уже не о чем. У огня сидели денисовцы...

Меня не атакуют, не прогоняют, словно и не замечают, когда подхожу к ним вплотную. Все эти люди — они тоже не совсем реальны, некоторые настолько прозрачны, что сквозь них видны темные силуэты деревьев на краю леса.

Постояв немного, сажусь рядом, и протягиваю руки к огню.

— Сейсе, нань чонгапурр. Хао би, ксьон диашш.

Слова не знакомые, но смысл мне становится понятен. Что — то вроде " здравствуй, путник. Этот огонь не согреет человека-брата"

— Вы здесь живёте?

Несколько человек повернулись ко мне, прислушиваясь. Повторяю фразу на обеих неандертальских наречиях. Меня поняли, и даже ответили, жутко коверкая слова

— Мы всегда здесь. Пока память есть.

— Ты очень много память. Идти к человек-брат, нет память здесь.

Мне советуют идти к таким же неандертальцам, как и я, к их костру?

— Я могу остаться?

— Память чужая. Человек не согреться.

Выходит, эти люди не просто греются у костра... Они делятся через него с другими силой, что поддерживает их существование в этом месте. Памятью живых о себе.

Мне резко поплохело. Я умер?!

Подношу руку к глазам — нет, не прозрачная.

— Как мне уйти отсюда?

— Память не долго. И нет человек-брат...

Значит, когда обо мне забудут, меня, неандертальца, не станет. Но пока обо мне помнят очень многие.

— Человек-брат тут ошибка. Человек-брат энн-ой, место в Первая Пещера.

— Я не хотел сюда попасть. Как попасть в Пещеру Предков?

— Идти, память много, вера много. Идти не к Первая Пещера человек, идти к Перва Пещера человек-брат.

— Где она?

Мужик указывает рукой за спину и вверх, и я вижу среди темного нагромождения скал сначала один тускло светящийся провал, а затем, за дрожащей и искажающей картинку границей — второй, точно такой же.

Жуткое зрелище, словно два глаза дремлющего чудовища наблюдают за всеми, кто здесь находится.

Мне советуют идти в Пещеру Предков, но не денисовцев, а неандертальцев. Там горит пламя, вобравшее в себя веру и страх тысяч людей, оно намного сильнее этих костерков.

— А вы, почему не идете в свою Первую Пещеру?

— Память мало, вера нет. Человек охотник не пройти дальше порог, человек энн-ой пройти большой огонь.

— Я был там, и пытался выйти. Почему я не смог попасть сюда?

— Человек энн-ой идти большой огонь, малый нет. Земли Вечной Охоты человек охотник, не человек энн-ой.

Проход только в одну сторону? Это уже хорошо, значит есть надежда, что отсюда можно вернуться. Похоже, я в коме, и только любовь Эрики, вера моих людей в меня позволяет мне не растаять здесь. Призрачный мир, созданный коллективными воспоминаниями сотен, а может, и тысяч, умерших неандертальцев и денисовцев. Во что-то похожее верили североамериканские индейцы, но я всегда считал это народным фольклором.

— Спасибо, друг. Я могу вам как-то помочь?

— Нет, человек-брат. Другой. Нет правильная вера.

Пожимаю плечами, моя сила для этих призраков бесполезна, они не могут ее принять и усвоить.

Я сижу у огня, и пытаюсь проделать тот же трюк, что легко получался у меня раньше, но пламя не отвечает. Иногда в нем мелькают тени, смазанные, словно на старом телеэкране образы, но дальше мне не пробиться. Для этого нужно родиться денисовцем...

Спать не хотелось, я так и просидел до рассвета с этими молчаливыми людьми. А наутро, оценив расстояние, отправился к своим. Переход из тропиков на мороз дался тяжелее, головная боль преследовала меня ещё долго, пока я лёгкой трусцой бежал по заснеженному склону. По пути попадались костры, вокруг них сидели и мужчины, и женщины, даже редкие подростки, но детей младше трёх лет не было совсем.

Эту особенность я заметил ещё раньше, в Лантирске — малыши могли смотреть на огонь сколько угодно, без всякого риска. Дети постарше — те иногда замирали на несколько минут, но только лет с десяти могли случайно войти в транс. Отделялись продолжительным беспамятством, до недели, но без инсультов или паралича. То ли сосуды ещё эластичнее, то ли генетически они даже до порога Первой Пещеры в таком возрасте пройти способны. Но дальше — все, это практически гарантированная смерть.

Раугу было двадцать пять, когда он бросился меня вытаскивать, охотник рассказывал мне, что стоял у входа, боясь шагнуть дальше. Большая потеря крови и всего несколько секунд глубокого транса не успели ему сильно навредить. И больше он туда не совался...

В Пещере Предков собираются те, кто смог при жизни стать частью коллективной веры. Или коллективного страха, таких было намного больше. Остальные, прожив в Землях Вечной Охоты несколько дней или лет, пока не исчезала память о них, растворялись в небытии.

А что если попробовать увеличить число своих сторонников? Я всматривался в лица

неандертальцев, сидящих у костров, ища Шенка. Прошло совсем немного времени, он точно где-то здесь!

Вот двое женщин у костра, дальше большая группа стариков... Не то!

Вот пятеро мужчин, ссутулившись, жмутся к едва виднеющимся языкам пламени. Они уже практически исчезли, деталей уже не разобрать, но у меня возникло странное чувство, что я их где-то видел раньше... Не то, Шенк был намного крупнее их!

Парня я нашел совсем недалеко от огромного провала в склоне горы. Днём он уже не казался таким зловещим, но подсознательный страх все равно остался.

— Шенк, вставай. Пошли со мной.

— Дим? Ты умер?

— Надеюсь, что нет. И я хочу выбраться из этого места.

— Ты ел плохие грибы?

Странный вопрос... Но ответить не трудно

— Нет, Шенк. Я приготовил огненную воду, и пил ее вместе со всеми.

— Дим, если энн-ой съест плохие грибы, духи огня закрывают ему путь в Первую Пещеру. Ты делал свою огненную воду из таких грибов?

Фактически, дрожжи — это грибы. Поэтому киваю, соглашаясь.

— Ты не умер. Просто нужно было подождать немного, пока действие грибов исчезнет.

— Шенк, я не пытался пройти к Пещере. Меня просто ударили по голове, и вот я тут...

— Дай мне руку, Дим. Если ты стал одним из нас, я пойму это.

Протягиваю ему ладонь, и он крепко сжимает ее. Его пальцы обдают меня холодом, слегка погружаясь в кожу.

— Живой ты... Все, прости.

Шенк отдернул руку, но его вид стал получше, словно на холст добавили ярких красок.

— Ты считаешь меня другом, Дим. Спасибо.

— Ты смог восстановить силы?

Вот этого я и ожидал. Затея с часовыми была моей, и часть веры в мое дело по праву распространялась и на обычных людей. Тот же Заруг ни чего не мог сделать, не в силах пробиться через эту защиту.

— Смог, я чувствую себя так же, как и в первый день, когда здесь очутился.

— Тогда хватит болтать, пошли.

Я направляюсь к темной дыре входа. Шенк стоит на месте, не спеша следовать за мной

— Я пытался пройти, Дим. Прошел коридор, я уже видел вдалеке Первый Очаг, но он не приближался.

— С тобой не было меня. Идём.

Вход снаружи впечатлял своими размерами — его высота была больше пятидесяти метров, длинный разлом в скалах был практически прямым, он не изгибался, как это часто бывает в пещерах.

Отсюда видно весь этот мирок — он гораздо больше, чем мне казалось. Заснеженная тундра сменяется лесотундрой, хвойным, лиственным лесом и постепенно теряя деревья, степью. Но и за ней тянется едва различимая полоса пустыни. Замёрзшее море тоже теплеет, и вдалеке ничем не отличается от виденного мною в Крыму Черного.

Сторону денисовцев искажает граница, но и так могу разобрать обширные плоскогорья и равнины с большими реками, цепочки островов в теплом море.

Тысячи прожитых в самых разных местах жизней, тысячи воспоминаний. Интересное

место, но оно не для живых...

Я сжал холодную ладонь Шенка, и мы пошли вперёд. Стало темнее, потолок опускался все ниже, превращая вход в практически круглый тоннель. На вид не больше сотни метров.

Сначала я подумал, что Шенк боится и передумал идти. Но нет, парень наклонился вперёд, и не выпуская мою руку, упрямо делал один шаг за другим. Он увязал все больше, я уже тащил его за собой, чувствуя как холод стал охватывать мою кисть, пробираясь все выше. Вот уже локтевой сустав замёрз, и я не могу согнуть руку...

Внезапно давление исчезло, и мы кубарем покатались на каменный пол. Шенк отпустил меня, с удивлением разглядывая уже привычные мне стены.

— Держись за меня, теперь будет легче.

Парень кивает, и мы проходим через ряды призраков стариков. Шенк снова начинает бледнеть, но пламя костра совсем рядом. С места вскакивает Арика, Сенг, на их лицах целая буря эмоций — радость, гнев, удивление и восхищение.

— Дим, я же просила тебя быть осторожным!

А она неплохо выглядит, для призрака — как живая, не отличить. Да и остальные мои союзники вполне материальны.

— Арика, я здесь оказался случайно.

— Знаю все! Ты совсем потерял голову, как и все остальные мужчины, но это ваша природа. Но зачем ты закрыл дорогу духам огня?

— Дим, мы пытались предупредить тебя, но ты не слышал!

— Кто тебе подсказал это сделать?

Вот оно что... Похоже самогон начисто заглушает все каналы связи с этим местом. Виновато склоняю голову, эти люди за меня переживали, приятно...

— Друзья, простите. Глупость совершил, но я не знал обо всем этом, правда!

— В этом есть и моя вина, я не хотела, чтобы ты становился на путь энноев, Дим. Боялась, что ты станешь таким же, как они — ее рука обводит ряды сгорбленных фигур, теряющихся во тьме. И все на этом закончиться, как было много раз до тебя. Потому и не рассказывала все, что знала.

С потолка сорвался очередной сталактит, с грохотом рассыпавшись на куски, очередная трещина пробегает по своду. Может, это память о землетрясениях?

— Судьба решила иначе, Арика. Сейчас я вернусь к людям, а вы подумайте, что мне рассказать при следующей встрече. И позаботьтесь о Шенке.

— С ним теперь ничего не случится, Первый Очаг признал его право на веру.

— Хорошо. Арика, что происходит в Лантирске? Я могу вернуться?

Старуха снова фыркает, поражаясь моей глупости:

— Твое тело в порядке, если ты об этом. Иначе бы ты или сидел здесь эхом, или стал как мы.

— Эхом?

— Твой образ здесь неподвижен, пока ты жив. И помнит только то, что знал в нашу последнюю встречу. Одну луну назад он растаял, такое иногда бывало раньше, когда энн-ои закрывали свое сознание, не рассчитав количество грибов. Мы каждый день ждали, что ты появишься здесь, и останешься уже навсегда.

Стоп, не может быть... Я же всего сутки провел здесь!

— Арика, уже прошел целый месяц?!

Старуха хмуро кивает

— Один день в Землях Вечной Охоты равен одной луне в мире живых людей.

— А здесь, в Первой Пещере?

— Одна рука дней, Дим. Скажи спасибо своей Эрике, она ухаживает за тобой, как за младенцем. Без этого никакая вера не заставила бы твое тело жить так долго без разума.

Все, больше ни слова. Нужно спешить, в этом месте фраза "время дорого" имеет совсем другой смысл

— Тогда — приглядывайте за мной и дальше. До встречи!

— Не спеши сюда возвращаться, Дим. И скажи Раугу, что ещё одну попытку он не переживет. Все, встанавливай силы!

Молча киваю, и, усевшись рядом с огнем, вглядываюсь в пламя.

Ну же! Я! Иду!! Домой!!!

И огонь не стал мне мешать...

Первое, что я почувствовал — запах копоти и сторовшего жира. Открываю глаза, и вижу над собой высокий, так и не перекрытый полностью потолок своей резиденции. Вокруг довольно светло, свет мягкий, рассеянный, чуть колеблющийся. Такой бывает в старых церквях и храмах.

Попытки пошевелиться ни к чему не привели, тело не слушалось. Стараясь не впасть в панику раньше времени, сосредоточил свои усилия на пальцах. Вскоре рука едва заметно дернулась, кисть немного согнулась. Нужно разминать и разрабатывать мышцы, за прошедшее время они частично атрофировались от неподвижности. Через некоторое время смог повернуть голову, и рассмотреть все получше.

Вождя всея Лантирска положили на высокую перину из сена и сосновых веток, укрытую шкурами. Вокруг, на принесенных камнях, обрубках бревен и просто на полу стоят те самые лампы, что мы вручали молодожёнам. Десятки теплых, домашних огоньков разгоняли темноту, окон в жилой части дворца не было. Печь давно высохла, ее растопили, и сейчас в ней тихо потрескивали дрова. В помещении тепло, с юртами не сравнить...

Рядом, в паре метров от меня — похожая кровать, там, свернувшись в клубочек, спит Эрика. С ней все хорошо, кто бы не хотел меня убить, до жены добраться не успел. Грубо сколоченный стол с десятком разнокалиберных горшков и мисок дополнял интерьер.

Прислушиваюсь — тихо, снаружи не доносится не звука. Днём Лантирск довольно шумное место — постоянный звон кузни, удары топоров и молотков строителей, крики женщин и детей, визг подростков и постоянно требующих новой порции вкусной пищи поросят... Значит, сейчас ночь. Это хорошо, до утра у меня есть время на разминку. Сначала — руки!..

Особо я не преуспел. Когда Эрика проснулась, все мои достижения свелись к шевелению пальцев, да ещё пару раз получилось согнуть руки в локтях, сдвинув прикрывающую голое тело шкуру.

Мда, красавец... Даже когда я впервые очнулся в этом мире, то выглядел лучше. Более энергозатратный метаболизм неандертальцев сыграл со мной злую шутку — от бывшей физической формы остались одни воспоминания. Все и так небольшие запасы подкожного жира давно иссякли, живот впал, под бледной кожей выпирали ребра. Их наискось перечеркивал длинный шрам, с рядами точек по краям. Следы от швов?

— Дим!!

Конечно, она заметила устроенный мной беспорядок, и в следующую секунду уже присела рядом, с радостью и тревогой вглядываясь в мое лицо.

— Дим, ты слышишь меня? Скажи что-нибудь!

Губы не слушаются, и вместо нормального ответа получаются только отдельные слова.

— Я ... вернулся... дома... любимая...

— Что с тобой? Духи огня больше не подчиняются тебе и смогли навредить?

— Нет... Долго лежал... Нужно... начать двигаться...

— Сейчас, я помогу! Дим, ты хочешь есть?

Да, еда нужна, вот только мясо мне сейчас противопоказано, желудок не справится.

— Бульон... мясо потом...

— Я тебя таким поила! А ещё — Зенг, ну ты его помнишь, он был последним женихом

— посоветовал развести в воде мед, и тоже давать тебе пить. Так они у себя в стойбище маленьких детей подкармливали! Только ты очень мало пил...

Эрика гремит посудой, она уже успела оценить все удобства печи. И вот уже меня приподнимают, поддерживая за плечи, и я с удовольствием выпиваю обе предложенные миски. Жена подкладывает мне под спину мешок, набитый сеном, теперь можно сидеть.

Затем, отбросив шкуры, берется за меня всерьёз — крепкие пальцы с силой разминают дряблые мышцы, сгибают и разгибают конечности.

Результат не заставил себя долго ждать — чувствительность стала возвращаться. К вечеру я уже самостоятельно мог сидеть, брать пищу и сгибать ноги.

Речь пришла в норму, но говорил я мало — Эрика сама болтала без умолку, рассказывая все, что произошло в Лантирске за это время.

В тот день она проснулась от криков и шума. Не обнаружив рядом мужа, наспех оделась и выглянула наружу, где уже собирались остальные.

Драки бывали и раньше, дети так вообще и дня не могли прожить спокойно, особенно сейчас, когда рядом жили столько новых родов. Иногда отношения выясняли и женщины, таская друг друга за волосы и отвешивая крепкие затрецины соперницам. Мужчины дрались реже — их не так просто было вывести из себя, для этого нужно хорошо постараться. Неандертальцы были довольно таки флегматичны, и, вопреки сложившемуся в будущем мнению, агрессивны не больше, чем люди в двадцать первом веке.

Пятерым заговорщикам, решившим покончить с новыми порядками, не повезло. Я упал на юрту Зенга, ломая опорные жерди и разрывая плохо закрепленную обшивку. Тело вождя свалилось на спящих молодоженов, заливая их кровью из распоротого бока.

Огромный неандерталец, с гудящей от похмелья головой, выскочил наружу, сжимая в лапах топор. Эти парни, из рода Медведей, получив от меня новое оружие, готовы были убить любого, кто замыслит что-либо против вождя. Все их планы на будущее теперь были связаны с Лантирском. Когда Зенг увидел двоих щуплых мужиков, с окровавленным ножом и дубиной, посмеявшись эти планы нарушить, он впал в бешенство.

Рывок, и огромные ладони сжимают горло первого. Зенг не обращает внимания на удары ножа, он рычит как берсерк и ломает шейные позвонки. Второй успел только раз использовать дубину — руку, ее державшую, просто вырвали из сустава, и она обвисла плетью...

Крики боли и ярости уже разбудили всех. Пока Тинг с Раугом оттаскивали разбушевавшегося охотника от едва живого противника, близнецы вынесли меня из развалившейся юрты. Эрика готовилась зашивать раны, а обстановка продолжила накаляться.

Большинство людей разделяли желание Зенга довести дело до конца. И стоящие в

сторонке друзья заговорщиков, не получив поддержки, воспользовались суматохой, чтобы уйти к роду Белого Волка. Трое мужчин пробрались к моей юрте, и, забрав все найденные запасы железных инструментов, попытались выйти через северные ворота. Вспыхнула новая драка, часовые остановили воров, толпа ринулась им на помощь...

Что там произошло, моя жена точно не знала, в это время она, вспомнив слова о том, что невидимые глазу злые духи боятся огненной воды, промывала остатками спирта мои раны. Затем стянула края проваренными в кипятке тонкими веревками, в точности копируя мои действия во время исхода — тогда я так ремонтировал Тенака.

Работы было много — едва она успела зашить мне бок и голову, к ней привели Зенга. В горячке боя он получил три глубоких пореза на руках и плече. Провозившись с ним ещё час, Эрика занялась последним пациентом — одному из часовых отрубили мизинец на руке. Тут она была бессильна, и, просто промыла обрубок самогоном и туго перевязала.

Вечером был суд. Главы родов, не долго думая, приговорили всех четверых избитых и израненных заговорщиков к смерти. Их отвели за реку, накрепко привязали к деревьям, и, добавив новых кровоточащих порезов, оставили.

Прожили они не долго — с наступлением темноты с той стороны раздались вопли раздираемых заживо людей, но они быстро затихли. Утром только пятна крови, обрывки веревок и несколько недогрызенных костей напоминали о казни. Пещерные гиены не заходили на наш берег, но их не раз видели шахтеры, возвращаясь с мешками угля.

Женщин и детей заговорщиков не тронули, посчитав, что они не должны отвечать за действия мужчин. То, что казненные просто бросили свои семьи на произвол судьбы, было красноречивее любых доказательств.

На следующий день, видя, что вождь хоть и жив, но так и не пришел в сознание, главы родов взяли управление делами племени в свои руки. Были созданы три центра власти — круг Воинов, круг Мастеров и круг Матерей.

Первый занимался охотой и охраной поселения, задачей второго стало сохранение всех технических новинок. Круг Матерей решал практически все бытовые вопросы, от готовки пищи до медицины и обучения.

Меня перенесли в недостроенный дом, там я и пролежал все это время. Старшие люди часто заходили, осматривали меня, но неизменно утверждали, что вождь жив, он бродит среди мертвых людей в Землях Вечной Охоты. И Эрика верила им — пыталась кормить и поить неподвижное тело, обмывала его и, следуя советам двоих старух из Горностаев, перекладывала с одного бока на другой.

Проходил часы, дни, недели, но ничего не менялось. Я сильно похудел, черты лица заострились, дыхание стало настолько слабым, что порой казалось, что его нет вовсе.

Испугавшись, Эрика в слезах бросилась на улицу, но сколько не просила стариков посетить Первую Пещеру, неизменно получала отказ, люди боялись этого места.

Не замечая ничего вокруг, на обратном пути, она наткнулась на вернувшихся охотников. Услышав новость, Рауг второй раз в жизни рискнул пройти к Пещере. Но сколько не вглядывался, стоя на пороге огромного каменного зала, Дима так и не увидел...

Эта попытка дорого ему обошлась — две недели правая рука охотника была парализована, да и ходил он прихрамывая. Лишь недавно духи огня смилоствились и отменили наказание.

Вновь потянулись серые, безрадостные дни. Эрика все больше впадала в отчаяние, ее муж так же медленно угасал. Только редкие удары моего сердца, слабые, порой едва

слышные, оставляли надежду.

Узнав, что вождя нет в Пещере Предков, сначала Ант, а затем и остальные, стали приносить сюда светильники, полученные всеми семьями. Люди заходили постоянно, кто чаще, кто реже, и подолгу сидели рядом, прикрыв глаза. Многие еще помнили рассказы Арики о важности веры для энноев, и передали эти слова другим. И вот, пролежав одну луну и три дня, я очнулся.

— Спасибо, любимая! И вам всем — спасибо!

За прошедшее время вокруг собралось уже много людей, новость о том, что вождь очнулся, за считанные минуты облетела Лантирск.

Я ещё слишком слаб, но чтобы поцеловать жену, сил хватило. Откинувшись на "подушку", рассказываю о том, что видел в Землях Вечной Охоты, и как смог оттуда выбраться. Вдова Шенка шмыгает носом, вытирая слезы. Рауг задумчиво почесывает бороду — мои слова о несметных стадах добычи явно зацепили сердце охотника. А вот о денисовцах раньше знали только кроманьонки, успевшие с ними познакомиться очень близко...

Главы родов, старшие женщины, лучшие охотники и мастера — все они собрались здесь. Мое возвращение восприняли спокойно, а я, подумав, решил утвердить новую структуру власти. Для этого времени она вполне жизнеспособна, все равно большинство вопросов управления племенем и так решалось этими людьми. Мои полномочия не трогали, а авторитет даже слегка подрос — все таки не каждый энн-ой мог похвастаться тем, что не просто побывал в Землях Вечной Охоты, но и смог оттуда выбраться.

Люди постепенно расходились, унося с собой огоньки лампадок, день пролетел незаметно. Поужинав, мы с Эрикой ещё некоторое время разговаривали, но вскоре, не получив ответа на очередной свой вопрос, я с улыбкой обнял прижавшуюся ко мне жену. Впервые за долгое время страх, что я не вернусь, исчез, и на спящем лице проступила улыбка...

— Дим, идём на рогатого зверя смотреть!

Я начал самостоятельно вставать и потихоньку ходить, прошла неделя с моего возвращения. Уже третий день вождь после обеда выходил подышать морозным зимним воздухом, и подолгу сидел на специально сколоченной для него скамье у входа.

Сегодня охотники умудрились выследить шерстистого носорога. Эти звери не часто забредали в наши края, они, как и большинство мамонтовой фауны, обитали намного севернее, где лес переходил в тундру. Это старый самец пришел с низовий Аркаима, его нашли провалившимся под лёд рядом с берегом и увязшем в топком иле. Зверь был обессилен, вокруг собралась крупная стая волков, дожидаясь его гибели. Им не повезло — неандертальцы перебили большую часть серых хищников, остальные разбежались.

Носорога добились, и, разделав на части, погрузили на волокуши. Тащить было довольно далеко, но два десятка мужиков с этой задачей справились. И вот теперь весь Лантирск собрался, разглядывая здоровенную тёмно-бурую шкуру с гривой из особенно длинных волос, массивные короткие ноги, и вытянутую голову с огромным изогнутым рогом.

Я тоже дошел до северных ворот, опираясь на Дара и Эрику. и теперь вместе со всеми слушал рассказ охотников. Нужно будет срезать грубую шерсть и попробовать сплести из нее веревки...

Большинство работ в городе прекратилась до весны. А вот заготовка леса продолжалась, каждый день к штабелям вдоль ограды добавлялись новые бревна. Сама ограда тоже

приобрела законченный вид — теперь, не доходя метр с небольшим до верха, вдоль нее тянулся лёгкий настил из жердей, возле всех четырех ворот соорудили лестницы. Снаружи вдоль кромки торчали острые колья, до морозов успели прокопать первые несколько метров рва.

Все девятнадцать кабанчиков заметно прибавили в весе, некоторые уже были больше пятидесяти килограмм, благо корма для них хватало — огромные кучи желудей, сена и корневищ рогоза возвышались рядом с загоном. Людей они совершенно не боялись, и к ним без опаски заходили даже подростки.

Кошки тоже подросли, но хоть и жили рядом с людьми, охотно принимая из рук мясо и рыбу, часто перелезали стену и на несколько дней пропадали на реке. Может, следующее поколение станет более покладистым...

— Ну, как тебе?

— Эти, вырезанные из кости, самые красивые!

— Нет, те, что сделал Ант из розовых камушков красивее!

— А мне нравятся вот эти!

Сегодня Круг Матерей собрался, чтобы обсудить новое знание, переданное вождём от предков. Мне было скучно — пока тело восстанавливалось, активно поглощая любую еду, но все равно еще оставаясь слабым, я стал вспоминать полезные мелочи.

Первыми стали обычные пуговицы. До этого верхняя одежда представляла собой мешок с рукавами и капюшоном, реже отдельными шапками. И вот появилась настоящая меховая куртка, которую можно было расстегнуть и застегнуть вновь, не снимая. Удобство новой одежды оценили быстро, и теперь обговаривали материал для пуговиц. Женщины...

Вторым дополнением стали карманы — широкие накладные, и небольшие внутренние. Показываю, сколько полезных вещей в них можно разместить, и идея сразу идёт в массы.

Вчера выковали первые ножницы, и сегодня весь день их правили и точили. Инструмент получился грубоватый, но со своей задачей справлялся, и вскоре все мужчины ходили с аккуратно подстриженными бородами, а женщины начали экспериментировать с причёсками. Понимая, какого джина из бутылки выпускаю, я показал десяток вариантов причёсок из будущего, их освоили мгновенно. И стали придумывать новые...

Кроманьонки сами того не зная, помогли мне найти решение ещё одной проблемы — вшей. Эти кровососущие насекомые появились вскоре после прихода к нам местных родов, и быстро стали распространяться. Получив доступ к дегтю, я сварил дегтярное мыло, и вскоре проблема практически исчезла, лишь изредка вновь появляясь у детей.

Мужчины из рода Медведей обследовали ближайшую территорию заснеженного леса, и отыскали целых семь гнезд пчел. Деревья аккуратно спилили и принесли в город, положив начало пасеке. В общих чертах устройство ульев я помнил, и летом мы отловим отделившиеся рои и поселим их в новые домики.

Река уже замёрзла, и вскоре я хотел начать строительство моста через Аркаим к востоку, вбивая сваи по льду. Сейчас середина декабря, лёд ещё не слишком толстый, но морозы все усиливались, ждать не долго. Пока же бригада строителей подготавливала семь пар свай, от трёх до шести метров длиной, пятиметровые бревна основы и толстые строганные доски для настила. После весеннего половодья мост намного сократит дорогу для шахтеров, да и охотникам пригодится.

Металл все ещё был большой ценностью, поэтому все соединялось клиньями и шипами. Впрочем, ещё пара плавков — и мы сможем позволить себе изготовить гвозди и петли для

ворот, а если доберёмся до марганца — то и вытяжку проволоки. Пока металл был недостаточно пластичен, ковался и сваривался с переменным успехом, слишком много серы в нем оставалось.

— Дим, нам нужны лошади!

А то я не знаю... С этим заявлением ко мне обращаются все чаще. Появление колёсных тележек и более совершенных саней, заменивших волокуши, значительно повысило эффективность работ, но тащить их все равно приходилось людям. И они быстро сопоставили не раз виденные в пламени образы ездовых и тягловых животных с этим транспортом.

— Давай попробуем запрячь кабанчиков!

Рауг сыплет идеями, но эта явно мимо. Большой вес свиньи не потянут, быстро устанут. В будущем такие попытки были, но не прижились по тем же причинам.

— Нет, толку не будет. Зови остальных, будем думать, как поймать и привезти к городу жеребят.

— Так они рядом ... Эй, мужики, все сюда!

Внутри моего жилища сразу становится тесно. Здесь теперь постоянно собираются то охотники, то мастера, то женщины, вместительный дом для этого подходит намного лучше юрты.

— Давайте сначала рассказывайте, что вы думаете, а я потом, сами знаете, что на охоту Дим ходил последний раз на берегу Тихой.

— Подстеречь и убить взрослых, а жеребят поймать!

Этот способ применяли для ловли поросят, и он, в общем, был рабочим. Но не для лошадей...

— Лошади большие и сильные, их сложно убить. Да и пасутся они на открытой местности, высматривая опасность. Они вас заметят раньше и сбегут.

— А если вырыть яму?

Уже лучше, но их туда нужно ещё заманить. Соли у нас немного есть, но нам ведь нужны жеребята, а не мясо. Взрослые если и попадутся, то из мелкой ямы выберутся, а свалившись в глубокую, сломают ноги.

Прагт, подумав, предлагает использовать рыболовную сеть. Мысль хорошая, но сетей такого размера у нас нет, да и порвут их легко, они же не из синтетики сплетены...

— Давайте напугаем их и загоним к обрыву!

— Первыми сорвутся самые сильные, скорее всего вожак и взрослые кобылицы без жеребят. Мы получим мясо, а оставшиеся прорвутся назад, в степь.

— А если не обрыв, а длинный овраг?

Уже лучше, но тогда прорываться назад табун будет во главе с вожаком.

— Нам бы хоть пару лошадей, мы бы догнали других, когда они выбьются из сил и поймали их...

— Рауг, этот способ действительно хорош, и предки показывали мне его. Но сначала нужно поймать и вырастить хотя бы несколько лошадей.

Рауг мечтательно закатывает глаза, он уже представляет себе всех охотников на таких лошадях. Но начинать с чего то надо, и я вижу только один вариант, который может принести нам успех. Придется организовать длительный поход и потратить недели времени, подготавливая ловушку, затем ещё дождаться пока вблизи появится табун лошадей... Я вкратце рассказываю свой план, и охотники надолго умолкают, обдумывая мои слова.

— Скольких мы поймаем?

— Будем выбирать табун в тридцать — пятьдесят животных, жеребят в таком до десятка.

— Как их довести до Лантирска?..

Тенак, молчавший до этого, замечает новую проблему. Эта задачка даже посложнее первой...

— Дим, а если связать и нести? Или положить на тачку?

Им же нужно как то питаться, как будем из кормить? Да и перепугаться могут до смерти. Нет, я предлагаю другое решение!

Снова описанная мною конструкция вызывает споры, на этот раз решают, где ее изготавливать — здесь или в степи? Сошлись на том, что материалы нужно приготовить здесь, где большой выбор деревьев, и везти с собой в разобранном виде на тележке. Заодно все представят себя на месте запряженной лошади...

На следующий день к бригаде лесорубов присоединились и охотники, выбирая ровные и тонкие деревца, таких понадобится очень много. Как они договаривались с женщинами, занимающимися плетением веревок, не понятно, но те отложили все свои дела и принялись за новый заказ — сотни коротких и прочных ремешков.

Пока большая часть населения была занята заготовкой материалов, я решил порасспрашивать семьи заговорщиков. Нет, не для того, чтобы обвинить — с этим все решили уже давно. Мне непонятен был мотив этих людей, ведь знали же, что их не поддержат, и все равно рискнули убить вождя. И, надо сказать, у них почти это получилось...

Расспросы начал с женщин. Ант остался у входа, а я, зайдя в юрту, приветствую Талику, вдову того самого мужика, что подловил меня после свадьбы.

— Не бойся, я не обвиняю вас ни в чем.

Приходится сразу успокоить заметно испугавшихся жильцов

— Дим, я верю в мудрость предков. И мой сын тоже верит. Мы никогда не хотели тебе зла.

— А твой бывший мужчина, почему он захотел меня убить?

— Я не знаю... Сейчас, поселившись в городе, мы стали жить лучше, а раньше часто голодали. Он был плохим охотником, не хотел долго выслеживать зверя и рисковать, убивая добычу. Ходить за огненными камнями или рубить деревья тоже не хотел...

Дети и подростки в Лантирске имели определенные привилегии, и увидеть голодного ребенка было невозможно. Готовящие еду женщины сами старались вручить лучшие куски подрастающему поколению.

— Да, Лтар, глава вашего рода говорил, что несколько человек за все лето не смогли заработать денег даже на железный наконечник для копья, не говоря уже об остальном. И все, только из-за этого? Но ведь он должен был понимать, что его убьют следующим!

— В день свадеб он был немного... странным. С утра сидел у огня, с закрытыми глазами, будто спал. Я просила его принести дров, но он не слышал. А потом, уже под вечер, говорил, что ты извратил волю предков

Вот даже как... Это похоже на наведенный во сне гипноз. С тех пор, как в стычке с пигмеями Заруг покинул этот мир, он никак не проявлял себя. Арика говорила, что умерший энной не сможет повлиять на сознание живых людей. Он может наблюдать за миром живых, но сил пробить защиту, созданную верой в дело нового вождя, и затянуть сознание человека

к себе, у него не хватит.

Впрочем, тут есть важный нюанс...

— Он не верил в то, что через меня говорят предки?

— Нет, Дим. Он говорил, что предков много, а ты ошибся и слушаешь только тех из них, кто хочет погубить людей.

Вот все и стало на свои места... Если человек не верит в меня, не разделяет веру своих соплеменников, то его легко могут перехватить другие энной. Я вспомнил ряды призраков, мрачно глядевшие на меня там, в Первой Пещере. Но как они смогли повлиять на живого человека?

— Талика, твой мужчина не ходил в Пещеру Предков?

— Нет, что ты ... Он боялся пойти с охотниками за шкурами волков, а ты говоришь — Пещера...

Да, Талика права — это бы заметили и остальные. Мой несостоявшийся убийца был молод, не намного старше меня, и такой поход не мог пережить без последствий. Оставалась последняя из известных мне возможностей — сон. Но и тут древние призраки были бессильны — попасть в сон человека, уснувшего у огня, мог только живой энной. Более того, для этого нужно хоть раз увидеть свою цель. Неужели у рода Белого Волка появился новый Говорящий с огнем? Или новая?..

Опрос остальных подтвердил мои догадки — одна из женщин и двое детей рассказали, что их мужчины часто говорили, что во сне им открылась истинная воля предков.

Черт, все таки рано я сбросил родичей Заруга со счетов!

Всех заговорщиков раньше, ещё до моего прихода, могли видеть очень многие, когда окрестные семьи неандертальцев собирались для обмена невестами. И теперь легко внушить им нужные мысли — считающие себя обиженными и обделёнными и не подумали сопротивляться.

Похоже, мне придется ещё больше развивать свой вариант культа Предков, только так можно будет выявить чужих среди своих. И успеть не только подготовиться к неприятностям, но и ответить!

Я ведь помнил лица тех двоих, сбежавших во время нападения на нас у Горностаев. И даже не подумал проследить за ними...

В тот же вечер я перенес свою постель ближе к печи, открыл чугунную дверцу, и теперь сквозь прикрытые веки наблюдал за красноватыми отблесками. Эрика уже давно заснула, и больше не отвлекала меня гораздо более интересным времяпровождением...

Постепенно я проваливался в сон. Красноватые сумерки сгустились до полной темноты, и вот среди нее стали проступать яркие, большей частью красные и оранжевые огни, протянувшись далеко на запад, очерчивая южный контур материка. Вокруг них, связанные едва заметными лучами, тускло мерцали огоньки костров но туда мне сейчас не нужно.

Меня интересовал северо восток. Сверкающая изумрудно — зелёным точка Лантирска качнулась, и уплыла вниз. Несколько слабых огоньков на месте Павлограда тоже исчезли, там были остатки рода Медведей. Но дальше на востоке — темнота. Десятки километров пролетали подо мной, и я чуть не пропустил россыпь едва заметных огоньков. Представляю лица тех двоих, из рода Белого Волка, и огоньки быстро приближаются. Людей я пока не вижу, да и сами костры горят у входов в пещеры, но они точно там. Вот так сюрприз!.. Будь с ними рядом другой Говорящий с огнем, он светился бы на порядок ярче, как те далёкие точки в Европе. И людей этих от подобных мне закрыл...

Чтобы проверить, пробую заглянуть в сон спящего. Несколько мгновений я вижу дергающуюся картинку — убегающих прочь оленей, островки низких деревьев среди занесенной снегом тундры... Ему снится охота. Мне это не интересно, важен сам факт — я не почувствовал никаких преград, рядом нет другого энноя. Где же он?

Оставляю спящего в покое, поднимаясь все выше. Снова показался Лантирск, далеко на юге сверкнул яркий жёлтый огонек, там живёт Говорящий с огнем рода Выдры. Не то...

На востоке сплошная темнота. Поселения неандертальцев там были, и, постаравшись, я смогу найти их костры. Но энноев там нет...

А вот на севере, за сотни километров отсюда, зловещим пламенем горит багровая звезда. Там же до границы ледника рукой подать!

Рассмотреть толком ничего не удалось — при попытке приблизиться свет становился все ярче, заполняя все вокруг. На миг показался удивленный старик, обернувшийся ко мне, и меня тут же выбило из сна...

Вот так сходил в гости! До утра я проворочался, обдумывая увиденное. Сейчас за Харьковом хвойный лес сменяется лесотундрой, а там деревья и вовсе исчезают. До широты Смоленска и Рязани простираются равнины, затопленные у границы ледника обширными озёрами. Москва, скорее всего сейчас или под водой, или архипелаг из островов...

И где то там, среди снегов сейчас стоянка очень сильного Говорящего с огнем. Если цвет указывает на его отношение ко мне... Я поежился. Надумает этот "добрый дедушка" посетить Пещеру Предков в то же время, что и я, и кто знает, не останется ли Дим там навсегда. Вероятность этого была небольшой, скорее всего увижу только его "эхо" — застывшего истукана, плящегося на огонь. Но и забывать об этой опасности не стоит. Этот старик меня заметил, и явно удивился. Как бы с ним поговорить, на нейтральной территории?..

Так ничего и не решив, я дождался рассвета, и стал одеваться. Начиналась праздничная неделя, через пять дней Новый год!

Подготовка к празднованию была поскромнее, чем к свадьбам, но городок все равно стал наряднее.

Перед "дворцом" установили высокую елку, и теперь дети наряжали ее "игрушками". Самыми распространенными были сухофрукты, гроздья рябины и калины. Впрочем, встречались и вырезанные из дерева и кости фигурки людей, зверей и птиц.

Для детей в канун праздника на ветви повесили отполированные шайбы денег, и каждый ребенок сможет взять одну такую "игрушку" себе.

Сейчас за нее можно купить хороший наконечник для копья или нож, а за три таких — топор или лопату. Рынок товаров постоянно увеличивался, ассортимент тоже вырос. Неандертальцы сами дошли до изготовления первого станка — гончарного круга. Это самым лучшим образом сказалось на качестве посуды, появились амфоры и кувшины, причем нескольких размеров. Несколько подростков и детей, во главе с хорошо знакомым мне Славом стали делать бусы и четки, быстро снискавшие популярность. А сам Слав целыми днями вырезал из дерева первую в этом мире скульптуру. У парня был талант, и вскоре все уже узнавали черты вождя. Если доведет дело до конца, выдам ему премию и закажу кузнецам специальные инструменты. Любая статуя — это память, вера и известность. А мне эти параметры нужно повышать всеми силами ...

Ежедневным развлечением стали битвы снежками и залитая водой горка, откуда с визгом и смехом скатывались на паре санок, а то и просто на пятой точке и дети, и взрослые.

Дни пролетали незаметно, и вот я, взобравшись на помост, уже поздравляю всех с наступающим праздником. Речь короткая, на улице мороз, но столы вокруг елки уставлены горячей едой для всех желающих. За моей спиной раздаются гулкие удары в барабан. Раз, два, три ...

Желания загадывают все, и у людей есть реальный шанс дождаться их исполнения!

Все три правящих Круга подготовили подарки, небольшие, но важные мелочи для всех. Деревянные миски и ложки, не бьющиеся в походах, железные иглы, шила и крупные рыболовные крючки, удобные и вместительные заплечные мешки и корзины.

Я мысленно аплодирую главам родов — после казни заговорщиков людям нужны положительные эмоции и "пряники" от власти.

... десять, одиннадцать, двенадцать!

Последний удар, секундная пауза — и радостный рев толпы заставляет где-то за рекой завывать волчью стаю...

Дети устремляются к ёлке, взрослые — за угощением, а Эрика, смеясь, вынимает из кармана глиняный горшок с остатками самогона.

— Дим, только его не хватит на всех, совсем мало осталось!

— Этот напиток для свадьбы! А мне его вообще нельзя много пить, он лишает энноей большей части силы.

— Тогда не пей много!

Простая фраза заставила меня замереть, пытаюсь поймать за хвост ускользающую мысль. Много... Арика ведь сказала, что в Земли Вечной Охоты попадают те, кто не рассчитал дозу грибов, т. е. впал в кому от отравления, или как в моем случае, от сотрясения мозга. А если выпить мало?

Я только немного уменьшу связь с Первой Пещерой, но вот мой сон станет частично открытым для гостей. Не для этого ли энной вообще начали есть грибы? Это нужно проверить!

— Ты умница!

Я целую ничего не понявшую жену, и увлекаю ее к столам. Сейчас подкрепимся, и вперёд, главное снежное сражение в самом разгаре новые бойцы с обеих сторон только вошли во вкус!

Глава 9. Суперхищники мезолита

*Когда иссякнет весь прочий свет,
Мир растворяя во мраке ночи,
Змеёю кольца сжимает страх,
Слова сплетая в кинжалы строчек.
Его разбудит живая кровь,
Тьму наполняя багровым светом.
Хранитель силы, дай видеть вновь
Мне в отраженьи Судьбы ответы!
Время стой, замри, тебя молю,
Просьбу услышь мою!
То, что было, мне назад верни,
Ложь забери!
Тьма во тьму, огонь в костер!
Пусть то, что спит, проснется!
Чтоб остановить никто не смог
Жизни поток!
Группа "Catharsis", "Зеркало судьбы"*

В новогоднюю ночь мне снился двадцать первый век, время моей юности. Шумные улицы центра Харькова, бесконечный поток людей в метро, старые корпуса Политехнического Института, уютный сквер в центре учебного городка, одноклассники, друзья и подруги...

Когда на лавочку напротив уселся одетый в лохмотья бомж, бесцеремонно подвинув стайку студенток, я опешил. И все вокруг замерло, истаивая в багровом тумане...

— Думал, что ты умрёшь раньше, чем догадаешься!

Низкий, хриплый голос, казалось, раздавался со всех сторон. Бомж преобразился — вместо него на огромной туше только что убитого бизона, сидел старый неандерталец. Таких я ещё не встречал — он был очень крупным. Даже Рауг с Гером не дотягивали до его пропорций. Сквозь разодраную одежду были видны бугры мышц, стальными канатами перевивающие тело. Лицо все в шрамах, нос не раз сломан, из под далеко выступающих седых бровей в меня уставился жёсткий, неподвижный взгляд.

— Ты ошибся. Я ждал тебя, энной.

— Ты отважился позвать меня. А затем пять дней прятался. Это поступок труса!

— Мне не хватает опыта, энной. Я не прятался, сам знаешь, что зимой не сыскать нужных грибов. Но я нашел другой путь.

Старик играючи выдергивает из добычи копьё, и, зачерпнув из раны горячую кровь, с удовольствием выпивает ее.

— Вот как? Рассказывай!

Неандерталец вытер губы ладонью, и вновь стал буравить меня взглядом.

— А что мне взамен расскажешь ты?

— Я оставлю тебе жизнь. Этого достаточно!

Да, дипломат с него никакой... Напугать меня у старика не вышло — я прекрасно видел, что багровый туман быстро рассеялся и теперь клубился только у его ног. Мою

лавочку, лужайку, да и меня самого он не тронул.

— Ты пытался меня убить. Дважды, чужими руками. Не вышло?

— Ты слаб, даже дети моего рода сильнее тебя. Я могу тебя пощадить, если ты дашь мне новые вещи!

— Дать?.. Нет, я могу обменивать новые вещи на нужные мне.

Неандерталец с трудом сдерживает ярость. Он явно не привык, что его слова кто-то смеет оспаривать.

— Может, начнем разговор сначала? Меня зовут Дим, я вождь племени Солнца.

— Племя... Много родов под твоей рукой? Правильное слово. Я Варг. Мой род ведёт начало от Большезуба.

Хорошая заявка... Это не мирные Белки или Куницы, тут планка повыше.

— И что хочет получить Варг от меня?

— Я был в Первой Пещере. Ты привел человека из Земель Вечной Охоты. У него хорошее оружие. У твоего эха хорошее оружие. Моим людям тоже нужно такое же!

Значит, дедушка разглядел железный топор и копьё. Ну что ж, поговорим ...

— Ты хотел убить меня из-за него?

— Я хотел убить тебя из-за твоей тупости!

Рык неандертальца не сильно вяжется с торговлей, но по-другому говорить он, похоже, просто не умеет.

— Ты только сегодня открылся для разговора! Ждут только слабые, сильные все берут сами!

— Значит, это ты внушил моим людям мысль убить меня?

— Твоим? Они не верили не в тебя, ни в ту ложь, что ты говорил!

В общем-то всё понятно — Варг решил просто забрать все наличное железо чужими руками, а затем отобрать его у исполнителей своей воли. Но железо появилось не так давно...

— Заруг тоже действовал по твоему слову?

— Заруг был так же глуп, как и ты! Но он не шел против воли Предков!

— А воля Предков — не давать людям развиваться?

Старик поморщился, но ответил

— Они правы. Я не смотрел на столько вперёд, но тоже видел гибель мира. И я знаю, как мои люди смогут выжить!

Еще один мессия каменного века? Как то нас слишком много для этого мира...

— Твои люди? А что насчёт остальных?

— Они слабые, а слабые должны умереть. Роду Большезуба нужны только ваши женщины. Самые сильные!

— И как сила поможет тебе против небесного огня, когда Солнце опустится на землю?

Варг хмыкнул, почесал бороду и пожал могучими плечами:

— Предки делают все возможное, чтобы этого не произошло. Но это их дело. Я говорю о Долгой Зиме.

Долгая Зима... Здесь и так далеко не тропики. Климат теплый только в Крыму и южнее, в Лантирске уже намного холоднее, а что творится севернее, у ледника — проверять не хочется. Но обычные зимы известны всем, Варг явно говорит другом

— Ты можешь показать мне эту зиму?

— А ты увидишь? Предки показывали тебе то, что будет позже, но ты не поверил!

— Они показали гибель не этого мира! Варг, мир меняется, я уже изменил его!

— Ты не понимаешь... Впрочем, это твой путь. Подойди ближе, Дим. Я покажу.

Варг встал, возвышаясь надо мной на целую голову. Я отчётливо видел незримую преграду между нами, в воздухе то и дело вспыхивали мельчайшие зелёные и красные искорки. Но поднять голову и взглянуться в выцветшие карие глаза это не помешало...

... Сумерки. Солнца не видно, все небо затянуто непроглядными тучами. В воздухе несутся серые хлопья, засыпая все вокруг. Травы нет, земля скрылась под толстым слоем пепла. От деревьев остались только почерневшие стволы с усохшими ветвями...

Стая гиен, скуля и кашляя, пытается разгрести склон невысокого холма. Там, скрытая серым саваном, лежит туша мамонта. Старая самка свалилась последней из своего стада, так и не выведя остальных к чистым землям.

Огненные реки текут по склонам вулкана. Раскаленные глыбы падают в черную морскую воду, поднимая облака пара. Земля дрожит и покрывается трещинами. Животные, в отчаянной попытке спастись, со всех ног бегут от надвигающихся пиропластических потоков.

Картина апокалипсиса отдаляется, и я узнаю слегка искаженные очертания Аппенинского полуострова. И обширную полосу мертвой земли, протянувшуюся через континент далеко на восток.

Европа скована диким холодом наступившей вулканической зимы. Сквозь снега пробираются выжившие люди, надеясь найти добычу. Их осталось совсем немного, и они могут завидовать мертвым...

— Ты видел достаточно.

Варг закрыл глаза, прерывая зрительный контакт. Он спокоен, картины предстоящих бедствий его не пугают.

— Когда это произойдет, Варг?

— Ещё не скоро. Я успею сделать людей по-настоящему сильными. Впереди ещё много обычных зим.

— Ты умеешь считать? Покажи, сколько зим осталось до гибели мира. Я отдам тебе за это знание лучший железный топор!

Старый охотник задумался, обещанная награда ему понравилась. Варг склонился к багровому туману, скрывавшему его ноги, и тот послушно развеялся, открывая залитый кровью снег. В его руках появилась горсть одинаковых камушков, и он показал мне на один из них

— Это — зима. Понимаешь?

Я кивнул, следя за движениями старика. Тот аккуратно выложил в ряд десять камней, приложил к ним пальцы, шевеля губами, и, удовлетворённо кивнул. Взял камень побольше, положил рядом.

— Это много зим.

Снова киваю. Один большой равен десятку маленьких. Теперь Варг добавляет девять больших камней, затем лепит из снега шар и ложит его рядом..

— Это очень много зим.

Сто лет, уже хорошо... За это время можно подготовиться и уйти на юг. Я видел, что полоса мертвой земли краем захватывала и Лантирск.

Охотник не останавливается. Шаров становится десять, затем к ним добавляются ещё девять. Я облегчённо выдыхаю, почти две тысячи лет — это огромный промежуток времени.

Варг морщит лоб, что то шепчет, и добавляет два больших камня и четыре маленьких.

— Ты теперь знаешь, сколько зим сможет прожить твое племя. Твои люди отнесут мой топор на север, и передадут его охотникам рода Большезуба.

— Он уже твой, Варг. Но идти в такую даль из-за одного топора — глупо. Я могу предложить тебе больше.

— И что попросишь взамен? У меня есть шкуры и бивни великих зверей, есть рога их младших братьев. Клыки большезуба только для сильных людей, но тебе я могу предложить его когти!

Конечно, шкура и бивни мамонта — ценный товар, но я и сам их со временем добуду. У меня для всех чужих племен теперь будет только одна цена.

— Нет, Варг. Мне нужны люди, которые хотят жить так же, как и мое племя. Молодые мужчины и женщины. Подростки. Дети.

— Зачем ты собираешь слабых? Они не выживут во время Долгой Зимы.

— Ты сам сказал — это мой путь.

— Я услышал тебя, вождь племени Солнца. Приходи завтра в мой сон, я открою сознание. Сумеешь?

Молча киваю, хоть и плохо представляю, как нужно действовать. Старый охотник растворяется в воздухе вместе с тушей бизона, но и моя зелёная лужайка с одинокой лавочкой начинает расплываться...

Так начался четвертый год нового летоисчисления. За точку отсчёта я принял год моего появления в этом мире, значит, этот — високосный. В будущем некоторые люди верили, что такие приносят с собой больше испытаний и потрясений.

То, что нужно отдать один железный топор — это мелочи, по сравнению с тем, что мне рассказал Варг. Перебирая в памяти все, что помнил и читал в сети о ледниковом периоде, я вспомнил одну из теорий вымирания неандертальцев. По версии палеоклиматологов, последней каплей, уничтоживший этот вид, стало извержение супервулкана в Италии.

В районе Неаполя на десятки километров протянулась зона вулканической активности, названная Флегрийские поля. Этот монстр проснулся в эпоху, отдаленную от 2032 года приблизительно на 39290 лет. Добавляю к этой дате 1924, и получаю 41214 лет разницы.

Я понимал, что провалился в прошлое очень глубоко, но знать точно — совершенно другое...

Во время извержения пробудились вулканы Святая Анна на юге Карпат и Казбек на Кавказе. Выбросы накрыли территорию от Италии до Каспийского моря, преобладающие западные ветра разнесли пепел на тысячи километров. Причерноморье и Донецкие степи задело лишь краем, но и здесь обнаруженный слой осадков достигал 15–30 сантиметров. На десятилетия местность была отравлена серой и другими вредными веществами, пока они вымывались из почвы. Деревья и травы прекратили расти и практически все погибли, животные мигрировали на запад, в Испанию, и на юг, в Турцию и Крым. За ними ушли последние остатки самых крепких и выносливых неандертальцев. Кроманьонцы или погибли, или откатились ещё дальше, на Ближний Восток и в Северную Африку

На сотни лет территория замёрзшей Европы практически обезлюдела. Неандертальцы протянули ещё долго, кости последних представителей этого вида, найденные на стоянках Заскальная, Киик — Коба, Харама и Сафарайя были возрастом 35000-30000 лет, но и они вымерли из-за генетических болезней, отсутствия притока свежей крови и новой миграции кроманьонцев.

В этот же день я вырезал на щите календаря дату — 1928, и, как смог, рассказал людям о ее значении. Мои соплеменники не смогли представить себе такие огромные числа, но поняли, что до этого события родятся и умрут десятки поколений. Этого хватило — как ни в чем не бывало, они продолжили заниматься своими делами.

Подготовленные бревна перетаскивали на берег Аркаима, несколько прорубей, сделанных для ловли рыбы, показали толщину льда в пятнадцать сантиметров. Ещё пару недель — и начнем строительство.

Для предстоящей ловли лошадей начали изготавливать два десятка больших, около метра в диаметре, колес, обеспечив плотников работой до весны.

В Лантирске родился первый в его истории ребенок, мальчик у женщины из рода Горностаев. На разных сроках беременности были и другие, ещё пять семей ждали пополнения. Но настоящий детский бум ожидался через восемь — девять месяцев, и до этого времени нужно успеть достроить дома...

Круг Матерей предложил за каждого ребенка выдавать женщине подарок в сотню "чайб" — это искаженное слово закрепилось в языке, и стало официальным названием местной чугунной валюты. Ее покупательная способность постоянно росла, и уже увеличилась в несколько раз.

Сотня чайб — это внушительный капитал, взрослый мужчина столько сможет заработать за несколько лет. Учитывая, что питание и одежда для детей и так были бесплатными, такой суммы хватит до взросления и создания своей семьи.

Запас денег в казне вождя был, и первой роженице торжественно вручили тяжёлый цилиндр из нанизанных на ровную палку монет. Судя по задумчивым взглядам ее подруг, выводы они сделали правильные...

Время пролетело быстро, о приглашении Варга я размышлял весь день, дожидаясь ночи. Так и эдак прикидывая, как с ним вести дела. Ведь если сильно упереться — придет этот дедушка, и спалит мой Лантирск ко всем чертям... Или заставит целый род или несколько сняться с привычных мест, и переселиться сюда, чтобы всячески мне вредить. Но и слишком много уступать опасно, он презирает слабых... Так ничего толком не придумав, решил действовать по обстоятельствам. Наскоро поужинав, напоминаю Эрике о том, чтобы сразу будила меня, если заметит что-то неладное, выпил крохотную дозу самогона и закрыл глаза. Мерцание горящего в печи огня быстро погрузило меня в уже хорошо знакомое, пограничное сну состояние.

Стоянки рода Большезуба на прежнем месте не оказалось. За эти дни она сместилась на юго — запад на сотню километров, да и цвет ее свечения изменился, вместо насыщенного багрового он стал красно-оранжевым...

На этот раз я не спешил, медленно приближаясь к цели. Огонек Варга разгорался все ярче, и стали заметны тонкие красные лучики, протянувшиеся от него не только к точкам ближайших костров вокруг, но и к далёким Говорящим с огнем на севере Европы.словно центр исполинской паутины...

Местность вокруг все так же скрыта, как и люди — но, судя по количеству костров, этот род может насчитывать до сотни взрослых мужчин. Наконец, я вижу спокойное лицо энной, и мир начинает меняться — сквозь тьму проявляется заснеженная тундра, десятки рослых, широкоплечих мужчин, с горящими факелами обходят огромное стадо оленей. Варг тоже здесь, он, несмотря на преклонный возраст, двигается не хуже молодых парней. Мне хочется похулиганить, ия представляю как среди животных вырастает небоскреб из будущего... И

тут же вокруг меня вспыхивает зелёным пламенем сфера искажения, совсем небольшая, полтора — два метра в диаметре. За ее пределы мне хода нет. Старик меня уже заметил, и картина загонной охоты исчезает.

Впрочем, создать небольшую лавочку у меня получилось, на ней я и разместился. Охотник, не желая стоять в одиночестве, уселся на появившийся из неоткуда здоровенный бульжник.

— Пришел?

— Как видишь, Варг.

— В тебе нет должного уважения к старшим, Дим. Это плохо.

— Зато у меня есть железное оружие. Это хорошо?

Старик хрипло засмеялся, но его глаза остаются серьезными.

— Только поэтому я с тобой сейчас говорю.

— Варг, ты же можешь привести свой род к моему городу и попробовать забрать оружие силой. Почему не делаешь этого?

— В теплых землях живут только слабые. Ещё отец моего отца запретил роду Большезуба заходить так далеко от большого льда. Я не стану нарушать его волю. Это может поселить в головах моих людей лишние мысли.

Эх, мировой мужик был его дед, я бы ему памятник за это поставил. Сейчас против сотни таких закалённых воинов, пусть и с каменным оружием, Лантирск не выстоит, даже не смотря на укрепления.

— Я склоняю голову перед мудростью этого человека.

Старый охотник с интересом посмотрел на меня, ухмыльнувшись.

— Дим, я могу показать тебе нашу жизнь. Люди должны жить только так, и тогда их дети, если выживут, будут становиться все крепче. Никакая зима их не убьет!

А что, мне и вправду будет интересно увидеть жизнь этих суровых людей на краю земли.

— Я хочу это увидеть, Варг.

... Стойбище древних охотников. Полузасыпанные снегом жилища, похожие на наши юрты, но более округлые, сбились в тесную группу. В небо тянутся одиночные дымки, солнце только показалось над горизонтом. Но вот сначала в одном месте, а затем и в остальных, снег разлетается в стороны, и наружу выбираются люди. Это взрослые мужчины, охотники — и среди них нет ни одного ростом ниже Рауга. Они некоторое время перекликаются между собой короткими, рублеными фразами, собираясь вместе. Неандертальцы проверяют крепления каменных наконечников, забрасывают в мешки острые кремниевые пластины, толстые смолистые ветки, явно принесенные издалека — вокруг раскинулась тундра. Одежда на них скроена грубо, порвана во многих местах и так же наспех защита. Наконец, толпа разбивается на несколько хорошо слаженных групп, и направляется к виднеющемуся на горизонте стаду. Их главная цель — бизоны. Но и остальным достается — пятерка пещерных гиен не желает уйти с дороги, двоих убивают бросками копий, оставшиеся звери бросаются на людей, пытаются завалить их на снег и добраться до горла. Тщетно, охотники словно вросли в землю. Резкие, отточенные долгими годами практики взмахи кремниевых ножей, удары тяжёлых дубин — и гиены падают, дергаясь в судорогах. Охотники сильны, они сильнее любых существ в этих краях.

Новая череда образов — такие же рослые и массивные, как и мужчины, женщины разделяют трупы хищников, снимают с них шкуры и, нагрузившись тяжёлыми свертками

парного мяса, идут к стоянке.

Многие из них беременны, но это не мешает им нести вес в половину своего собственного. Это их предназначение — таскать добычу, разобранные жилища при частых кочевьях, готовить пищу и рожать сильных мальчиков. Смутные воспоминания о другой жизни, пока их не отдали в род Большезуба, почти стёрлись из памяти. Если они не выдержат, с юга приведут новых. Они стараются стать сильнее.

Дети, смиренно ждущие своей очереди на пищу у чадящих, сложенных из редких веток, сухой травы и мха, костров. Один мальчишка пытается опередить лидера, вспыхивает короткая жестокая драка. Попытка не удалась, но проигравший волченком смотрит на остальных, придерживая рукой сломанный нос. Он никогда не сдастся...

Крепкие, жилистые руки выхватывают из костра полусырые куски мяса, и с животным урчанием рвут их зубами. Дети измазаны сажей, их тела покрыты десятками синяков и ссадин, но они привыкли к такой жизни и не желают ничего другого. Они растут сильными.

Снова смена картинки — толпа неандертальцев окружила упавшего на колени мамонта. Зверь обессилен, он отбил от стада и уже много дней не мог найти пищу, все дальше заходя в снежную пустыню. Но смерть от голода ему не грозит, острое копьё, направленное сильной рукой точно в глазницу гигантского зверя, прекращает его страдания. Пара длинных изогнутых бивней стала достойным трофеем для охотника.

Вставший на задние лапы медведь угрожающе ревёт, он намного выше и крупнее стоящего напротив неандертальца. Но его рев не действует, от ударов огромных лап с острыми когтями мужчина ловко уворачивается, но не отступает. Медведь бросается вперёд, стремясь побыстрее добраться до наглого человека, он ещё не знает, что этот бросок последний — упертое в смерзшуюся землю копьё пробивает грудь зверя. Несколько новых шрамов на теле мужчины только украсят его, рассказывая всем о его силе...

Под обрывом завал из мертвых и ещё живых бизонов. Могучие звери, напуганные огнем, криками и громким стуком дубин, мчались вперёд, пытаясь уйти от опасности. Их путь закончился здесь. Первыми сорвались огромные самцы, но задние ряды напирали, и половина стада рухнула вниз, разбившись насмерть и переломав кости. Бизоны жалобно мычат, но один за другим замолкают, получив точные удары копий. Неандертальцы вырезают лучшие куски мяса, оставляя остальное слабым — волчья стая не решается подойти, она уже не раз сталкивалась с этими двуногими существами, и никогда не побеждала. Трое саблезубых кошек тоже выжидают. Они научились уважать новых, самых страшных хищников этого мира...

Варг прикрыл глаза, он словно спал. А я вновь и вновь прокручивал в памяти увиденные сцены из жизни рода Большезуба. Нет, не такой судьбы я хочу для Эрики, для наших будущих детей и всех жителей Лантирска. Этот путь не для нас...

— Я увидел, Варг. Мои люди не станут твоими последователями.

— Всегда так... Вы все — слабые. Мне все равно, что вы все умрёте. Мой род будет жить!

— Пусть так. Наш путь совсем иной.

Старый охотник качнул головой, он ещё ни разу не встречал семьи или племени, которые бы добровольно согласились присоединиться к нему.

— Хорошо. Мне нужно много железного оружия, Дим. И я получу его!

— Мою цену ты знаешь. Что ты предлагаешь взамен?

— Детей. Девочек, из все равно сразу убивают, они бесполезны для рода. За каждую —

новое копьё и топор!

Я заберу их, как только они начнут есть мясо. И дам за каждую только копьё.

Старик нахмурился, на скулах заходили желваки:

— Мальчиков рода Большезуба не дам!

— Варг, твой род не стоит долго на одном месте, вы проходите вдоль границы вечных льдов от восхода Солнца до заката. Тебе отдают самых сильных женщин.

— Да, это так.

— Я хочу предложить тебе сделку — приведи ко мне, в эти края слабых мужчин и женщин. И я отдам за каждого мужчину топор, а за женщину — три копьё. Что скажешь?

Охотник задумался, это предложение ему понравилось. Что то прикинув, он решительно заявил:

— Слабые люди будут у тебя следующей зимой.

Я согласно кивнул, и Варг продолжил

— Хм... У меня есть один молодой охотник, он был очень сильным. Но зиму назад он не успел увернуться от рогов бизона. Он больше не может быстро ходить. Он стал слабым. Я должен его убить, так было всегда.

— Ты хочешь обменять его жизнь?

— Да. Он ещё не стар, и может убивать мелкую добычу. Для вас, живущих в тепле, он сильный. Для рода Большезуба — нет!

— Я дам тебе за него ещё один топор. И три копьё за его женщину.

— Она носит ребенка! Три копьё — мало!

— Хорошо. Мы не знаем, кто родится — мальчик или девочка. Только из уважения к силе могучего рода Большезуба, я отдаю тебе два отличных железных топора, и три копьё. Договор?

Старик хотел ещё набить цену, но я упёрся и стоял на своем. Впрочем, даже такое количество нового оружия сильно облегчит жизнь в крайне тяжёлых условиях. Варг сдался, хрипло выдохнув:

— Договор!

На следующую ночь мы договорились о проведении сделки. Пятеро моих охотников с железным оружием пойдут на север через два дня, и столько же людей Варга отправятся на юг. Семья покалеченного парня и он сам отправится с ними.

Сейчас стоянка рода Большезуба находилась чуть севернее Брянска, до нее около семисот километров. Это очень много, даже разделенное пополам расстояние было не намного меньше нашего пути из Крыма. Но охотники пойдут налегке, с запасом сушёной провизии, и в день смогут проходить тридцать — сорок километров. За десять дней они должны дойти до места встречи, и за пятнадцать — вернуться.

Наутро я собрал круг Воинов, и вкратце рассказал им о Варге и роде Большезуба. О заключенной сделке и о том, что мне нужны пятеро сильных мужчин, умеющих пользоваться снегоступами и быстро ходить по зимнему лесу. За успешное выполнение задания каждому полагалась внушительная премия, поэтому желающих было много. Я отпустил с ними Дара, у парня было отличное чувство направления.

Сейчас, освоив возможности пограничного между сном и трансом состояния, мне было не сложно отслеживать своих людей, точно определяя их местоположение. О группе, идущей на встречу, я мог судить по перемещению разжигаемого ими костра, так что сильно в сторону отклониться никто не сможет. Уверен, Варг тоже будет приглядывать за своими.

Вторыми я собрал Круг Матерей, и рассказал им об условиях жизни женщин в роду Большезуба, и их судьбе. До старости доживали не часто и в этой местности, но целенаправленно стариков никто не убивал. Напротив, о них даже заботились в меру сил.

От вождя в ультимативной форме потребовали никогда не отдавать невест этим людям, с чем я легко согласился.

Мое решение забирать девочек, как только они подрастут достаточно для питания взрослой пищей, поддержали полностью. Сейчас в племени по прежнему был сильный перекос в сторону женского пола, но это не стало препятствием — детей отдадут в семьи, и за них родителям будет выплачена такая же сумма, что и за родившихся в Лантирске.

Последними были приглашены мастера. Их Круг набирал все большее влияние, да и кузнецов ждал срочный заказ. Над горном ещё осенью соорудили навес, но с наступлением холодов работы прекратились. Но слово сказано, и если для обмена сгодятся и топоры плотников, то для Варга нужен особый, покрупнее. Лидера враждебно — нейтрального рода стоило задобрить, благо запас железных криц имелся. За работу пришлось платить вдвойне, спешно достраивать стены из жердей и шкур вокруг горна, но Гер с напарником справились. Новый топор весил больше пяти килограмм, и выглядел намного внушительнее прежних. Что ж, предмет статусный, как раз для вождя!

Дар повел группу охотников на север в тот же день, взяв пару небольших саней, на которых любили кататься дети. Для развлечения мы сделаем новые, а на эти легко уместился весь запас взятой с собой провизии и вещей. Теперь я каждую ночь отслеживал их местоположение, и пару раз заходил в сон Дара, где мы обменивались новостями. Для этого мне самогон не требовался, с обычными людьми, которые верны тебе и твоему делу, общаться было намного проще, чем с Говорящими с огнем...

Эта зима была холоднее предыдущей. Морозы, как установились в конце ноября, так не спадали, а в ночь на десятое января мы впервые наблюдали северное сияние. И это на широте Запорожья!..

Стена переливающегося зелёного света протянулась вдоль всего горизонта. Люди, вначале испугались, но не видя явной угрозы, долго любовались необычным природным явлением.

А вот я угрозу почувствовал. Такое событие в этой местности говорило только об одном — магнитное поле Земли сейчас намного слабее, чем в двадцать первом веке. И пропускает намного больше жёсткого излучения, вызывающего мутации и раковые опухоли. Поэтому на следующий же день занялся изготовлением солнцезащитного крема — к сожалению, самого простого, окисей цинка и титана у меня не было, глицерин получить пока тоже не возможно. Я просто растопил свиной жир, добавив в него немного воска — куски этого материала принесли охотники, нашедшие гнезда пчел, тщательно перемешивая все компоненты. Последней добавкой стал растертый в порошок каолин. После нескольких проб мне удалось подобрать оптимальный состав, крем не отличался особо приятным запахом, но неплохо держался на коже, образуя тонкую полупрозрачную пленку.

Горшочки с ним были розданы всем людям, с указанием наносить на лицо и незащищённые одеждой участки кожи. Особенно он понравился охотникам, позволяя легче переносить холодный ветер.

Эрика вновь занялась обучением основам счета и письма всех желающих. Сейчас времени у людей было больше, и процесс шел быстрее. Запас заготовленной летом бересты быстро заканчивался, и я задумался о производстве бумаги. Основной компонент —

целлюлоза, растительные волокна, перетертые в однородную массу. К ним добавляется связующее, клей или крахмал, отбеливатель и пигменты. Начались новые эксперименты...

В качестве источника целлюлозы использовал смесь мелких опилок и крапивных волокон, долго вываривая ее в кипящей воде, и затем растерев в кашицеобразную массу. Выбор связующего у меня был ограничен, воспользовался костным клеем на основе желатина, не слишком его уваривая. Наполнителем послужил все тот же белый каолин. Несколько вариантов смеси, с различными пропорциями наполнителей были приготовлены и подписаны.

Проволоки у меня не было, сетку я сделать не мог. Пришлось вручную раскладывать бумажную массу на ровные строганные доски, натертые воском, и прокатывать ее несколько раз деревянным валиком, отжимая лишнюю воду. После высыхания и обрезки крив, два состава были признаны удачными — плотная рыжеватая бумага годилась для письма, а более мягкая — для гигиены. Остальные или стали прообразом пластмассы — жёсткими и ломкими, или рассыпались при попытке снять высохшую массу с основы.

Нарастить производство будет не сложно, несколько представителей Круга Мастеров внимательно следили за моими действиями, и смогут повторить весь процесс. Но его эффективность и производительность надолго останется крайне низкой... Основная трудность при модернизации — сделать проволочную сетку, или очень мелкое сито. То железо, что у меня имелось, для этих целей было малопригодно. Нужно повышать его пластичность марганцем, или искать мягкие цветные металлы — медь, олово, золото и серебро. Олова и серебра поблизости не обнаружили и в двадцать первом веке, ближайšie месторождения были на Урале. До марганца добраться можно, но сначала нужно освоить переправу через Днепр. А вот медь была, где-то в районе Бахмута, и руда, и вкрапления самородной меди в глыбах песчаника. Золото... упоминания о находках руд с небольшим содержанием этого металла встречались, но мне его из них не извлечь. Единственные источники этого металла — реки, точнее, отложения тяжёлого металла на их дне и берегах. Золото находили в Крыму, на побережье Черного моря — мелкие самородки и крупинки в галечнике Судакского залива, мыли на реке Черная у подножья Кара-Дага, и на севере полуострова, у Новоотрадовки. Более того, часть этих мест мы с Антом посещали! Все упиралось в транспорт и рабочие руки — останавливать стройку и производства в Лантирске нельзя.

Но разведку провести нужно, на этот год я запланировал большой поход за солью. Тонкие пласты этого минерала, обнаруженные на побережье Феодосии, были бесценны! Выпаривать морскую воду Азова бесполезно, она сейчас пресная, да и Черноморская не намного от нее отличается — без связи с Средиземным морем опреснение увеличивалось с каждым годом. Копать шахты в Артемовске — даже не смешно, сто метров глубины моим людям не осилить ещё долго.

Зелёный огонек группы Дара медленно сближался с красным, движущимся с севера. Охотники Варга за то же время, с обузой в виде покалеченного парня прошли вдвое большее расстояние. Без снегоступов, по глубокому снегу... Сегодня вечером они должны встретиться, и обменяться "товаром"

По началу я опасался, что Вург отправит намного больший отряд, и он просто перебьет встреченных торговцев. Но огонек костра неизменно был только один, да и не выгодно ему пока разрывать отношения — всего три топора на сотню, если не больше, мужчин, это капля в море. К тому же при их методах охоты оружие может легко портиться или ломаться, а саму

технологию повторить он не сможет никогда.

Выносливости и здоровью этих людей можно было только позавидовать. Я довольно улыбнулся — Варг сильно продешевил. Тот жестокий отбор, что он и его предки проводили уже сотни лет, значительно увеличил приспособляемость неандертальцев к условиям ледникового периода. И теперь каждая полученная за какую-то железяку девочка принесет мне эти гены! Снабжать потенциального противника железным оружием я не боялся — и топоры, и копья хороши в ближнем бою. Главной целью на будущее станет изготовление луков, арбалетов, баллист, катапульта и требушетов, что снова даст преимущество моим "слабым" людям в атаке.

Уже сейчас качество одежды существенно увеличилось, она уже не напоминала те лохмотья, что я видел три года назад. Улучшенная выделка кожи позволяла сделать первые варианты брони — чешуйчатой, с нашитыми пластинами из кости, рога, дерева или железа. Весить она будет изрядно, но и защиту от копья или дубины даст неплохую. Высокая подвижность воина, простота изготовления — это все преимущества, и только один недостаток — такой доспех плохо держит колющие удары, направленные снизу вверх. Но такие — редкость для нынешних охотников, чтобы их освоить нужны другие копья, с совершенно иной балансировкой, и долгие тренировки воинов.

Тщательно обмерив Тура отрезками веревок, я приступил к изготовлению выкроек. Доспех предполагался составным — отдельно защита корпуса, рук и ног, плюс юбка из кожаных полос, по типу римской. Все части соединялись ремнями, и одевались поверх стандартного мехового костюма.

Свиная кожа довольно толстая, этого материала за прошедшее время скопилось очень много. Сам Тур, вместе с Антом, отпиливал от рогов и костей тонкие вытянутые пластинки. Большие пойдут на защиту спины, груди и живота, внешних сторон рук и ног. Более мелкие прикроют бока и внутренние части конечностей. Их потом ещё придется сверлить, работы хватит на всю зиму...

Все швы и крепления дублировались, плюс я промазывал их клеем для прочности. Но на первом доспехе мы отработаем технологию, и дальше дело пойдет быстрее. Одеть всех своих воинов в такую броню, придумать шлемы и щиты, научить их всем этим пользоваться — это задача на много лет, но начинать нужно уже сейчас...

Ночью Дар сообщил, что все прошло благополучно. Поговорить с охотниками рода Большезуба они не смогли — их вариант неандертальского наречия ещё больше отличался от привычных моим людям. Но обмен состоялся — к ним вытолкнули двоих, измученных долгим переходом людей. Хромающего парня огромного роста, и довольно молодую женщину с большим животом для большего ускорения подтолкнули копьями в спины. Дар вышел вперёд, выложил на снег принесенное оружие, и отошёл назад.

Покрытые шрамами лица охотников просветлели, на них даже мелькнуло подобие улыбки, и они уже гораздо дружелюбнее смотрели на встреченных "слабых". Так же молча они забрали все предметы, и, коротко кивнув Дару, отправились в обратный путь.

Эх, жаль, что парень не энной — все образы, что он представлял были мутными, расплывчатыми, не чета ярким и четким картинкам Варга.

Снова потянулись однообразные зимние дни. Северное сияние теперь наблюдали часто, к нему быстро привыкли. Работы шли своим чередом, и вот в начале февраля мой сон посетил Говорящий с огнем рода Большезуба.

— Ты сдержал слово, вождь слабых людей. Это хорошо.

— Ты тоже отдал все, о чем договорились, Варг. Я рад этому. И надеюсь на большой обмен в следующем году!

— Я приведу свой род в эти места снова, Дим. Готовь железные вещи. Но если ты обманешь — я найду способ покончить с тобой.

— Я услышал тебя. Может, к тому времени у меня будут и другие полезные вещи. Договор?

— Договор!

Старый охотник, сжимающий рукоять огромного топора, исчез. Пусть старается, другого способа добраться до генофонда дальних родов и семей неандертальцев, я пока не придумал. Он становится неочень полезен моему делу!

Через три дня случилось сразу два важных события.

Первое — важное лично для меня. Эрика, светясь от радости, сообщила, что ждёт ребенка. Расцеловав жену, я прижал ее к себе и ещё долго так сидел, счастливо улыбаясь. Время быстро бежало вперёд, сейчас мне около семнадцати, это уже, по меркам рано взрослеющих неандертальцев, возраст взрослого мужчины. Живут сейчас не долго, Арика, Сенг, те старики, что я похоронил у Тихой, это исключения. Дожить до пятидесяти в каменном веке — настоящий подвиг.

Конечно, лучшие условия жизни, стабильность и уверенность в завтрашнем дне сделают свое дело, и мы все протянем немного дольше, чем обычно. Но все равно, даже доживи я до семидесяти — восьмидесяти лет, с моей смертью в Лантирске многое изменится. А вот если Эрика подарит мне сына, то смогу воспитать достойного наследника, и он продолжит мое дело. Если же родится девочка, то она сменит мою жену на посту хранителя знаний, и, сама став женой наследника сильного и авторитетного рода, сможет помочь становлению новой династии.

Впрочем, мы ещё молоды, и на одном ребенке не остановимся...

Второе — вернулся Дар, в целости и сохранности, доставив в Лантирск не только моих охотников, но и выкупленных у Варга людей. А посмотреть на них стоило...

Если находящаяся на последних сроках беременности женщина отличалась от жительниц городка только цветом волос — почти черным, то ее мужчина сразу привлек к себе внимание. Во-первых — размеры. Двухметровый рост, бочкообразный торс, ширина плеч намного больше, чем у Гера. Да и вес, подозреваю далеко за сотню...

Во-вторых — внешность. Волосы очень светлые, почти белые. Глаза — холодного бирюзового цвета. На лице нет живого места — изначально вполне правильное и даже симпатичное для неандертальца, сейчас оно представляло отталкивающую картину. Нос расплюсчен и явно неправильно сросся, два длинных рубца протянулись через все лицо, задевая правый глаз. Десятки более мелких шрамов уродливой сетью покрывали лоб, щеки и скрывались под густой бородой. Мужик опирался на самодельный костыль, левая нога у него хоть и сгибалась, но работала плохо.

Я смотрел на них с уважением и даже восхищением — пройти семьсот километров зимой, в двадцатиградусные морозы — это говорит о многом. Безошибочно выделив меня из толпы, гигант подошёл, и отбросив костыль, опустился на одно колено. Его жена повторила это движение.

— Я Утар. Ты забрал мою жизнь у Варга.

— Да, охотник, все верно.

— Ты оставил мне мою женщину и моего ребенка!

Снова подтверждаю очевидное. Я понимаю его речь, хоть некоторые слова звучат очень необычно. Мужчина смотрит мне в глаза, снизу вверх, в его взгляде нет ни злости, ни отчаянья, только несгибаемая воля к жизни. И надежда на перемены к лучшему.

— Ты дал нам новую жизнь. Я должен был умереть, таково желание Говорящего с огнем. И для рода Большезуба мы все — он указал на жену, — мы все умерли.

— Вы родились для племени Солнца. Этого достаточно?

— Нет. На нас очень большой долг, долг жизни. Я до самой смерти буду рядом с тобой, вождь. Во мне осталась настоящая сила, травма не смогла забрать ее всю. И эта сила сможет защитить тебя от врагов. Когда я умру, мои дети будут защищать твоих детей.

Я не против, только сначала нужно проверить этого парня на лояльность. Его сознание теперь не защищено Варгом, и сделать это будет не сложно.

— Утар, я услышал тебя. Сейчас тебе и твоей женщине соберут жилище, дадут новую одежду... хмм, тебе придется несколько дней подождать, пока сошьют подходящую по размеру. Дадут еду и все необходимое для жизни. Вас отмоют и обстригут волосы покороче. Завтра я дам тебе ответ.

Гигант склоняет голову, и помедлив секунду, поднимается, поддерживая жену. Из уволят вглубь поселка, и толпа вокруг начинает расходиться.

— Дим, разве мы плохо справляемся?

Тур, молча стоявший рядом все это время, тут же задаёт важнейший для него вопрос.

— К вам нет никаких претензий. Ты, Дар, Ант — вы все навсегда останетесь со мной. Вы — часть моего рода.

— А этот Утар?

— Я проверю его мысли, этой же ночью. Если он говорит правду — а я в этом практически уверен — то приму его и его женщину в род Искателей Знаний. Он многому сможет нас всех научить, поверь. Я видел его родичей в деле.

— Хорошо, Дим. Но я буду за ним приглядывать.

— Только не лезь в драку, ты мне нужен живым и здоровым. Тур, наш род должен расти, и если человек клянётся лично мне в верности, я приму эту клятву.

— Нас скоро станет больше! Ирика уже одну луну, как носит ребенка. И Нгеп тоже, Ант три дня назад говорил!

— Вот как? Поздравляю! Наши дети будут расти вместе.

— Наши? Дим, вы с Эрикой тоже ждёте пополнения в семье?

— Конечно! Почему я должен отставать, я ведь вождь!

Мы весело смеемся, хорошие новости сразу поднимают настроение. Тур отбросил все подозрения, он снова стал таким же, как и во время нашей первой встречи...

Проверка не выявила никаких отрицательных эмоций у обоих новичков — к ним от меня уже протянулись тончайшие, едва заметные изумрудные паутинки. Я взял себе за правило просматривать эти линии, по их толщине и насыщенности легко можно было определить отношение ко мне и насаживаемому мною образу жизни. Линии жителей Лантирска успокаивающе светились всеми оттенками зелёного — от бледного, практически нейтрального, до горящих насыщенным салатным цветом. Знать бы об этой возможности раньше, глядишь, и не провалялся бы месяц без сознания...

Количество линий в точности совпадало с численностью населения, даже новорожденный мальчишка светился нейтрально — белым. Никаких скрытых врагов, находящихся под влиянием других Говорящих с огнем, не было.

А наутро началось то, чего я подсознательно всегда боялся — заболел Дар, а вслед за ним все, кто ходил в поход. Неандертальцы практически не болели простудным заболеваниями, даже наш исход из Крыма прошел без эксцессов. На моей памяти это был первый случай. Сначала появлялся насморк и поднималась температура, даже на ощупь лоб больного человека был очень горячим. Вскоре к этим симптомам присоединился кашель... Утар и его жена выглядели вполне здоровыми, но я запретил им всем покидать жилища.

Это не помогло — вирус, очень похожий на грипп, стремительно распространялся по Лантирску. Через неделю болела половина населения, а ещё через десять дней не осталось ни одного здорового человека. Течение болезни проходило по разному, но сильнее всего било по старикам и совсем малым детям. Две старухи из рода Горностаев умерли от пневмонии всего за сутки после первых симптомов, Ант все никак не мог победить болезнь, застыв на грани, и вместе с ним целыми днями кашляли шестеро самых маленьких детей. Я, проклиная себя за глупость — ведь мог же подумать о карантине, и пытался хоть чем то помочь. Горячие отвары из ягод, вдыхание пара замоченной в кипятке хвои, зубки дикого чеснока, заготовленного с лета — это единственное, что пришло в голову. Горшок с засушенными корками "апельсинов", покрытых зелёной плесенью, ничем не мог помочь, у меня не было подходящего субстрата для выращивания пенициллина. Но даже при наличии зерна и хлеба, не факт, что антибиотик бы помог, обычно они эффективны против бактерий, а не вирусов. Все работы остановились, никакой нагрузки — только тепло, вкусная еда и сон. Мы с Эрикой перенесли болезнь легко, прохотив с соплями всего неделю, но так было не у всех.

Только к середине марта выздоровел последний ребенок, и я с грустью подвёл итог этой эпидемии — умерли семеро. Жизни пятерых стариков и двоих детей стали ценой за допущенную ошибку.

Ант все же выкарабкался, хоть и сильно сдал внешне. Утар с женой не болели вовсе — похоже, у них был иммунитет к этой напасти. Да и их сын, появившийся на свет неделю назад, был здоров. А вот то, что именно они были первыми носителями вируса, у меня не вызывало сомнений.

Огромный погребальный костер горел два дня, ряд урн с прахом стал заметно длиннее. Нас осталось сто восемьдесят шесть...

Морозы продержались до середины апреля, позволив выздоровевшим и окрепшим строителям вбить сваи и закрепить настил. Течение в Аркаиме было очень слабое, так что бояться того, что ледоход снесет постройку, не стоило.

Жизнь продолжалась, ещё одна зима осталась позади. Вместе с оживающей природой люди тянулись к солнечному теплу, весь день проводя на улице. Большинство мужчин продолжало подготовку к ловле лошадей, а я дополнительно предложил поймать нескольких волчат. Скоро они родятся, за месяц — полтора окрепнут достаточно, чтобы питаться мясом. Тогда и нужно их забирать, в старшем возрасте шансы на приручение заметно снизятся, а то и вовсе исчезнут. Сначала мое предложение вызвало недоумение — зачем?

Волки были вечными конкурентами охотников, а то и врагами. Разве от этих серых хищников может быть польза, кроме их шкуры?.. Это выходило далеко за рамки представлений неандертальцев о мире. Пришлось снова собирать всех вокруг огня и показывать собак — далёких потомков волков, исправно стороживших жилища и стада домашних животных, помогавших во время охоты и выслеживавших дичь по запаху. Особенно заинтересовала мужчин картина собаки, вплавь доставшей убитую птицу и

принесшую ее хозяину. Гусей и уток на берегах Аркаима гнездились множество, да и озёр вокруг тоже было не мало. Только недавно на птиц стали охотиться кроманьонки, и перенявшие их опыт подростки. Часто случалось так, что раненая птица успевала отдалиться настолько далеко от берега, что приходилось или самим плыть за ней, что осенью не доставляло удовольствия, или бросать добычу и дротик. Да и плавать по прежнему умели далеко не все, не смотря на все старания Анта и нескольких его старших учеников.

Где обитала ближайшая волчья стая, охотники знали. Вот только перебить взрослых зверей было сложной задачей для которой придется подключать практически всех. Волчицы — это не дикие свиньи, они не пустятся наутёк, а станут до последнего защищать свое потомство. Возможно, разбегутся переярки, но семейные пары волков придется убить все. И хорошо бы не допустить ранений самих охотников...

Единственным решением, помимо плотной одежды, было использование небольшого наручного щита. Так можно защитить руку и горло от зубов хищника, и в то же время наносить ему удары коротким дротиком или ножом.

Изготовить такие щиты можно было из деревянной основы, переплетенной толстой лозой, и двух-трех слоев кожи поверх нее. Дополнительно пришивалась петля, с помощью которой щит надевался и удерживался на руке.

Эта работа заняла весь конец месяца. К началу мая снег стал стремительно таять, на реке чернели полыньи, вода разливалась поверх льда. Появились первые зелёные ростки. Весна, хоть и с опозданием, пришла в Лантирск!

Глава 10. Южные степи

Эх, дороги...

Пыль да туман

Холода, тревоги

Да степной бурьян

Знать не можешь

Доли своей

Может, крылья сложишь

Посреди степей

А.Новиков, Л. Ошанин, "Дороги"

Пожалуй, за всю историю человечества пшеницу ещё не сажали с такой осторожностью и мерами защиты!.. На противоположных краях Лантирска, внутри ограды, мы вскопали по квадратному метру земли на полуметровую глубину, тщательно выискивая любых личинок, вручную выбирая все, до последнего корешка сорной травы.

Семь зёрен пшеницы и три ржи высадили подальше друг от друга, чтобы не было переопыление и образования стерильных гибридных семян. Я, конечно, ничего не имел против получения тритикале, но там нужны мутагены, вызывающие полиплодию, просто так это в высшей степени полезное растение не получить. А пока мне важнее быстрее размножить обе злаковые культуры.

Вокруг выложили ограду из камней в четверть метра высотой, и, дополнительно — лёгкую плетёную изгородь. Когда зерно начнет созревать, сверху накроем ещё и сетью от птиц. Подкормки из золы, костной муки и отходов жизнедеятельности хрюшек по мере роста должны помочь растениям сформировать хорошие колосья, я надеялся на 20–30 зёрен в каждом. Пройдет всего несколько лет, и зерно уже можно будет не только употреблять в пищу, но и использовать для производства крахмала.

С каждым новым днём мая становилось все теплее, люди спешно строили новые загоны для будущей добычи звероловов. Намечалось несколько походов, и если ловля поросят была уже отработана, то отлов волчат, диких лошадей, ослов и коз только предстояло освоить.

За зиму было сделано множество колес, к первой двухосной телеге присоединились ещё четыре. Связки тонких жердей для клеток, мешки ремней и веревок, несколько десятков ошейников — все, что могло пригодится в степях, уже было собрано.

Кузня снова заработала, перековывая остатки криц в длинные, тридцать — сорок сантиметров, ножи. Их уже можно смело называть короткими мечами, и хоть до римских гладиусов ни по размеру, ни по качеству они не дотягивали, все равно являлись грозным оружием. Охотники тренировались отбивать нападение воображаемых хищников — подвешенных на верёвках раскачивающихся мешков с сеном, используя наручный щит и нож.

Единственными, кто почти не участвовал во всем этом, были мои телохранители и Пратт. Первые все ещё возились с доспехами — опытный вариант, изготовленный для Тура, успешно прошел испытания, и теперь остальные захотели себе такие же. Пратт же целыми днями занимался вытесыванием корпуса первой лодки. Объем работ был большой — все отрезки высохших стволов раскололи клиньями пополам. Затем выжгли середину, внимательно следя за огнем и не допуская его распространения дальше отмеченных с

большим запасом контуров бортов. На едва просохшей земле на катках стояли двенадцать заготовок будущих лодок, половина побольше — шесть на полтора метра, и столько же поменьше, четыре на метр. Эти суденышки должны стать ещё одной важной вехой в обеспечении продовольственной безопасности Лантирска.

Пожалев парня, я выделил ему в помощь ещё троих мужиков из строительной бригады, и дело сразу пошло быстрее. Гора стружки вокруг стала стремительно расти. Скопившиеся груды костей и отходов выделки шкур переваривали на клей, им, за неимением смолы, будем пропитывать лодки. Затем кости прокаливались и мелко дробились, положив начало производству удобрений.

Наконец, и так, и эдак прикидывая время, я посчитал, что пора выдвигаться за волчатами. В поход со мной пошли двадцать охотников. Помимо оружия и защиты, мы тащили большие плетеные из толстой лозы корзины, с плотно закрывающимися крышками.

Логово ближайшей стаи было в пяти километрах севернее, здесь Аркаим недавно сменил русло, оставив старицу и цепочку заболоченных озёр. Вот в этом хаосе из затопленных деревьев, кочек, сухих островков и невысоких холмов, и располагалась наша цель.

Первый бой наш отряд принял на подходе — мы сильно растянулись, выискивая проход среди топей, и, когда на идущих впереди охотников совершенно бесшумно бросились сразу четыре зверя, оказались в затруднительном положении. Быстро подойти на помощь было невозможно, люди перепрыгивали с кочки на кочку, орали во все горло, пытаясь запугать зверей, но все равно не успевали.

Первая пара справилась, убив всех нападавших, но получила глубокие рваные раны. Парни поздно догадались стать спиной к спине, и волки успели добраться до их ног и ягодиц. Пришлось останавливаться, делать перевязку и отправлять пострадавших назад.

Дальше местность стала немного выше, люди смогли собраться в некое подобие строя. Атаковали нас ещё дважды — сначала основной состав стаи попытался напасть на замыкающего строй Тенака. Тот успешно отбивался, отступая вглубь строя, а мы, шагнув вперёд, сосредоточенно наносили удары по серым хищникам. Яростное рычание сменилось скулежом, а затем и тоскливым воем. Минус семь взрослых самцов, и стая разбегается, так и не сумев ранить хоть кого-то...

Затем на подошедшего первым к обнаруженной норе Рауга бросилась волчица. Но ни сбить с ног, ни дотянуться до горла охотника не смогла — резкий выпад длинного ножа быстро прервал ее жизнь.

Троих рычащих и пытающихся кусаться волчат посадили в корзину, и двинулись дальше, обследуя все вокруг. Вторая нора была пуста, в третьей мы нашли только одного волчонка. Последнее логово искали долго, но добыча того стоила — целых пять щенков переселились в корзины. Их матери так и не решилась напасть на нас...

Часть охотников осталась снимать шкуры с волков, а я с остальными понес волчат в город.

Там их рассадим по разным клеткам, назначим хозяев, и начнется долгий процесс приручения. Поголодав и получив от людей мелко нарубленное мясо, они постепенно перестанут бояться человека. А там настанет черед дрессировки, пока они маленькие и не пытаются сами доминировать.

Ранеными под присмотром Эрики занимались их жены, основы гигиены, медицины и полевой хирургии, хоть и находились в зачаточном состоянии, но активно распространялись.

Спирта практически не осталось, после того, как я выяснил его влияние на способности Говорящих с огнем, эта жидкость стала очень востребованной.

Сейчас самыми распространенными антисептиками были отвары из ромашки, шалфея и чебреца, ими промывали раны, полоскали горло и нос во время недавней вспышки болезни. Мелкие порезы и царапины обрабатывались живицей, ее специально заготавливали для этой цели, и недавно полученным берёзовым дёгтем.

Круг Матерей обязал всех замужних женщин выучить базовые навыки оказания помощи, знать и уметь пользоваться лекарственными растениями. Небольшие мешочки с набором "лекарств" были в каждой семье, да и охотникам вручали такие походные аптечки. Я всячески поддерживал такие инициативы, а знающую больше всех о травах, лечении и акушерстве Варику вообще назначил главой медицины Лантирска.

Двое раненых за время не такого уж и опасного похода — это плохо. Доспехи нужны срочно, полностью защитить тело щит и нож не могли. Терять людей из-за травм и ранений мне не хотелось, даже огромное по местным меркам племя Солнца все ещё не могло рассчитывать на благополучное будущее. Проблема была в том, что обе группы неандертальцев — Крымская и местная, состояли внутри хоть и из не самых близких, но родственников. Сейчас на длинных свитках бересты я записал данные обо всех жителях, кто из какого рода происходит, и примерную степень родства. Ситуация была плачевной — через пять-шесть поколений начнутся серьезные проблемы. Небольшая надежда была на обещание Варга, и на метисов различных видов людей, таких сейчас было семеро. Дочь Нгеп и Анта, смуглая рыжеволосая девчонка родилась от союза неандертальца и кроманьонки. Родившаяся перед исходом из Крыма вторая похожая девочка — от кроманьонца и неандертальской женщины. Остальные пятеро девочек — потомки мужчин-денисовцев и кроманьонки. Рассказы Мтан и ее подруг подтверждали мнение генетиков из будущего — Y-хромосома не работала, и плод мужского пола отторгался. Это совершенно другие наборы генов, и они помогут племени Солнца прожить ещё несколько веков. Но на этом все...

До начала похода за лошадьми оставалось ещё несколько дней, и я занялся модернизацией ульев. Десяток срезанных пней, выдолбленных изнутри и прикрытых дощатыми щитами, мужчины из рода Медведей сделали сами, в надежде расширить пасеку во время роев. Но чтобы ускорить развитие новой пчелиной семьи, можно было добавить совсем простую вещь — вошину. Станок из двух гладко оструганных отрезков бревен с выступами для оттисков донышек ячеек был создан за три дня, и весь размягченный воск переработали в тонкие рельефные пластины. Их закрепили в деревянных рамках, перетянув несколькими крепкими нитями. Осталось поместить эти рамки в ульи, и надеяться на ловкость и удачу пчеловодов при ловле отпочковавшихся роев.

Огромный караван звероловов отправился за лошадьми в конце мая. Я взял с собой половину взрослых мужчин, рискуя сильно замедлить накопление материалов для новой плавки и строительства. Брат подростков было опасно — мы вторгались на территорию хищников, сопровождающих стада травоядных животных, и надеяться на безопасную прогулку не стоило. Да и нагружены мы были как те самые лошади в будущем, за которыми и шли...

Тащить с собой пришлось очень много — четыре телеги, два десятка лёгких рам с одним большим колесом, готовые и разобранные клетки, инструменты, ремни, веревки, факелы, запас провизии и воды. В этот раз я решил идти строго на юг, отмечая ориентиры и зарисовывая карту местности. Мало найти табун лошадей в степи, важно, чтобы рядом была

подходящая для устройства ловушки местность.

Лесной массив заканчивался в пяти километрах от Лантирска, за прошедшее время мои люди неплохо изучили округу и об этом знали. Удобная тропа была найдена ими заранее, поэтому даже с транспортом мы прошли без проблем. Дальше деревья стали редеть, сменившись небольшими рощами и полосами леса, тянущимися вдоль неглубоких оврагов и низин. Проходя вдоль одной такой рощи, Рауг вдруг подал знак тревоги, и мы, сбрасывая ремни и поклажу, схватились за оружие. Одно дерево было срублено и куда-то утащено, на втором только свежая зарубка, его осилить неведомый лесоруб не сумел. Мы стали растягиваться цепью, охватывая рощу кольцом, в это же время десяток мужчин тщательно искали любые следы и того, кто их оставил. Нашли немного — большое спальное место из травы и листьев, длинный темный волос, десяток сломанных веток, несколько кучек дерьма среди кустов и два отпечатка босых ног, один побольше, другой поменьше. Размотав обмотки обуви, я приложил свою ногу рядом с первым, и сравнил отпечатки — длинна практически одинакова, а вот оттиск стопы неведомого человека более плоский, пальцы ног немного длиннее. Пятка, да и сам след вдавлен глубже, хоть моя нога более худая и узкая.

Рауг и Тинг долго обсуждали находки, обойдя всю рощу несколько раз, и, похоже, так и не пришли к общему выводу. И удивлены они были даже больше меня:

— Дим, это не настоящие люди!

— И не черные, их следы совсем другие!

Оба охотника стали мне рассказывать, почему пришли к таким выводам, то и дело споря друг с другом. Было непривычно, давно уже привык считать их мнение о следах истиной в последней инстанции, а тут оба следопыта не верят своим глазам...

Я ведь не переставал просматривать местность вокруг Лантирска на полторы сотни километров, и ещё вчера чужих костров неандертальцев тут точно не было. Только далеко на северо-западе светились несколько светло-зелёных искорок стоянки Медведей, и на самой границе этого круга — бледно-желтые точки остатков рода Белого Волка.

Конечно, кроманьонцев я так не увижу, но это и не следы крупного племени, скорее небольшой группы людей. Кто-то заблудился в степи и пытается выжить? Вопрос так и остался без ответа, а мы, обыскав соседние рощи и ничего не обнаружив, продолжили путь.

К вечеру прошли около пятнадцати километров, дважды видели стада на горизонте, но разобрать, что это за животные, бизоны или туры, не смогли. Лагерь разбили так же, как и во время исхода — сделав заслон по периметру из телег и поклажи. Развели пять больших костров — одного для обогрева тридцати человек было мало, неспеша поужинали, и, выставив часовых, спокойно проспали до утра. Только редкое уханье сов нарушало ночную тишину, да шуршание полевков, за которыми эти птицы охотились.

Весь второй день местность практически не менялась, разве что деревьев становилось все меньше, а пасущихся животных — больше. Мы шли плотной толпой, не растягиваясь, оставляя за собой широкий след из примятой ногами и колесами прошлогодней травы. Несколько раз охотники находили крупные отпечатки лап саблезубых кошек, но самих хищников видно не было. А вот их потенциальной добычи — хоть отбавляй. Так, после полудня мы видели огромное, под тысячу особей стадо сайгаков. Эти маленькие антилопы уникальны — древнейший вид животных, переживший и засухи, и ледниковые периоды, и даже беспощадное истребление в будущем, дотянув до двадцать первого века. Попытки одомашнивания их были, в той же Аскании — Нове их содержали на больших огороженных пастбищах. Чем не вариант для Лантирска?

Проблем тут было несколько. Первое — нужно очень много травы. И не простого сена, которое жуют козы и коровы, а довольно таки уникального состава, включающего десятки видов растений, зачастую ядовитых для других животных. Второе — их чрезмерная пугливость, что вместе с высокой скоростью и прыгучестью требовала больших загонов с высокими, минимум в пять метров, стенами.

На будущее, если вырубка леса вокруг города будет только ускоряться, я допускал такую попытку. Но пока одомашнивать сайгаков племя Солнца было не готово ...

Охотники не упустили возможность добыть свежее мясо. Когда все стадо в панике бросилось прочь, четверо ещё слабых детёнышей стали сильно отставать, и тут же были убиты. На вкус жаркое изумительное, ничуть не хуже привычной свинины или более редкой говядины.

Ближе к вечеру мы увидели и цель нашего похода — лошадей. Довольно крупные, рыжевато-коричневой масти, с жёсткой стоячей гривой и редкими полосами на ногах, эти копытные, сбившись в большой табун, паслись в сотне метров от нас. Весь отряд остановился, рассматривая животных, а те, в свою очередь — странных двуногих созданий. Среди десятков взрослых лошадей мы рассмотрели и жеребят, ещё совсем маленьких, то и дело пытающихся сосать молоко у кобыл. Это хорошо, значит, у нас ещё есть время на подготовку!

Когда мы снова пошли вперёд, вожак подпустил нас метров на тридцать, а потом, громко заржав, повел табун в сторону от возможной опасности. Отбежали они недалеко, максимум на километр, и снова стали пастись как ни в чем не бывало. Похоже, с человеком они ещё не знакомы... А вот с хищниками лошади явно сталкивались. Далёкий волчий вой заставил их встрепенуться, настороженно прислушиваясь, а его повтор — умчаться далеко на восток. Ночью к лагерю подходили волки, немного побродили вокруг, но огонь и множество бодрствующих людей их отпугнули. Под утро о стае напоминали только многочисленные отпечатки лап и примятая местами трава...

Подходящее место мы нашли только на четвертый день, отойдя от Лантирска на шестьдесят километров. Здесь поперек степи протекала небольшая река, а ее противоположный берег представлял собой ряд холмов, густо изрезанных оврагами. Речка была мелкой, не смотря на недавнее таяние снегов, но популярной у местных травоядных, приходящих сюда на водопой. Животные часто переходили ее вброд, и паслись на другом берегу. Этим мы и воспользуемся!

Один из оврагов расширился, переходя в небольшую поляну, окружённую обрывистыми стенами. Моей задачей было не только загнать сюда табун лошадей, но и максимально рассеять и разделить их, отсекая более медленных жеребят. Для этого придется построить длинные коридоры, расходящиеся по дуге от входа до конца поляны, и сильно сужающиеся на концах. Взрослые лошади, попав в такую ловушку, пробегут к центру поляны, и, уперевшись в стену, свернут в боковые ходы. Наша задача — выпустить большинство взрослых животных, а оставшихся запереть и перебить.

Вдоль реки росли невысокие деревья, и мы начали строительство. Ряды столбов вбивали в землю, соединяли жердями и переплетали зелёными ветками, формируя спиральный рисунок. Из привезенных с собой материалов собирали клетки, их ставили в конце тупиков. Деревянные граблями сгребали сухую прошлогоднюю траву в два длинных стога, широко расходящихся от входа в ловушку до самой реки.

На все это ушло две недели, и мы перенесли лагерь подальше, теперь нам оставалось

только ждать подходящего момента. Потянулись скучные однообразные дни. Люди от безделья стали терять бдительность, и на третий день один из охотников, отошедший вечером к ближайшим кустам, бесследно исчез. Когда его отсутствие заметили и разгоняя тьму светом факелов, отправились на поиски, то в паре сотен метров нашли только его нож. Оружие было чистым, без следов крови. На наши крики так никто и не ответил...

Углубляться дальше в ночную степь было слишком опасно, и мы до утра просидели у огня. А на рассвете Рауг нашел несколько свежих отпечатков большезуба совсем рядом с лагерем, как раз за теми кустами, где исчез наш человек. Мы прошли по следу больше километра, и в скрытом от глаз распадке обнаружили то, что от него осталось — несколько разгрызенных костей и окровавленные обрывки одежды. Я собрал часть из них, по возвращении в Лантирске добавится новая погребальная урна в Месте Памяти...

Теперь мы передвигались только группами по два — три человека, а с приходом ночи вообще не отходили от огня. Саблезубая кошка близко не подходила, но каждое утро мы находили свежие следы зверя в нескольких сотнях метров. Бездействие становилось опасным, и, посоветовавшись, мы решили обследовать соседние овраги. Такое поведение зверя указывало на то, что его логово совсем рядом.

Поиски шли медленно, мы не расходились, внимательно осматривая заросшие склоны холмов, каждую секунду ожидая нападения. Это и спасло мне жизнь. Дар, облаченный в костяную броню, успел заметить движение и прикрыть вождя. Гибкое мускулистое тело в длинном прыжке вылетело из кустов, и, врезавшись в парня, сбило его с ног. Мы среагировали мгновенно, десяток копий вонзился в покрытую рыжим мехом спину, Дар, извернувшись, выскользнул из под тяжелой туши хищника. Несколько костяных пластин раскололись и оторвались, но сам охотник отделался только ушибами. Большезуба добились, это был самец, покрупнее того, что наведывался в город прошлым летом.

Атака указывала, что наша цель совсем близко — и через полчаса мы отыскивали глубокую нору, вырытую под упавшим деревом. Это место использовалось давно, отвалы бурой глины оплыли и рядом поросли травой. Вот только нора не пустовала — низкое угрожающее рычание из темноты не обещало нам ничего хорошего. Мы направили ко входу острия копий, а пятерка охотников побежала к лагерю за огнем. Они вернулись быстро, и в темноту полетели дымящие ветки. Рычание стало громче, и зверь не выдержал, попробовал вырваться. Прыжок, и второй, точнее вторая, кошка повисает на копьях. Наш друг был отомщен...

Из норы все также тянулся дымок, но в наступившей тишине я расслышал и другие звуки — негромкое чихание и фырканье. Взяв в руку факел, осветил узкий лаз. Так вот кого защищали большезубы!..

На полу небольшой пещерки фыркали и кашляли два "котенка", каждый чуть меньше взрослой домашней кошки. Пришлось лезть дальше и за шкуру вытаскивать зверенышей наружу, иначе задохнуться. Малыши слабо сопротивлялись, пытались шипеть и царапаться, но их быстро засунули в мешки, где они и затихли, напуганные случившимися переменами.

Уже в лагере, переселив тигрят в клетку, и накормив их кусочками отварного мяса, я обдумывал перспективы такого поступка. Неизвестно, что получится из этой попытки, саблезубые кошки в будущем вымерли задолго до создания зоопарков. Тигры приручались хорошо, особенно вот в таком возрасте, но по мере взросления становились все более неуправляемыми. Впрочем, в Таиланде в одном из многочисленных монастырей монахи жили с этими большими кошками бок о бок, и те стали совсем ручными. Гепардов в

северной Африке успешно приручали и использовали вместо собак для охраны коз и овец. Рысь тоже отлично приручается, было известно множество случаев, когда эти кошки защищали дом своего хозяина.

Польза от таких зверей будет однозначно — само их присутствие в Лантирске отпугнёт других крупных и мелких хищников. На охоте толку от них не будет — как я убедился, они нападают из засады, а не выслеживают добычу. А вот в бою, если их правильно обучить...

Все это я и рассказал собравшимся у огня охотникам. Дар сразу ухватился за эту идею, и выпросил одного котенка себе, вторым буду заниматься лично. Жаль, у нас нет молока, такая подкормка для "котят" была бы совсем не лишней...

А наутро на нашем берегу появился большой табун лошадей. Все роли давно были оговорены, люди разделялись на группы, и, держась на отдалении от животных, занимали свои места. Через час вспыхнули валки из сухой травы, а со стороны реки с криками и зажженными факелами к табуну побежала первая пятерка охотников.

Лошади насторожились, и стали сначала медленно, а затем, почуяв запах дыма, все быстрее отходить в единственном свободном направлении — ко входу в овраг. Когда поджигатели присоединились к загонщикам, отсекая животных с боков, вожак стада не выдержал, и повел табун в узкий проход. То, что надо!

По периметру ловушки затаились остальные охотники, и как только лошади ворвались в коридоры ловушки, стали появляться в разных местах, пугая мечущихся в лабиринте лошадей. Кое где стенки не выдержали, и проломилась. Первые группы самых сильных животных вырвались на свободу, за ними попытались прорваться и остальные, но их остановили криками и огнем. Выход перекрыли, и стали выгонять лошадей из каждого коридора, отсекая жеребят. Вскоре из всего табуна в сотню голов осталось трое кобыл и полтора десятка жавшихся к ним жеребят.

В ход пошла копыта, и через час все было кончено. Жеребят отогнали к тупикам и заперли в клетках, одну кобылу разделали на месте и перетащили к лагерю, остальных бросили, столько мяса нам не съесть.

Осталось присоединить к клеткам рамы, опирающиеся сзади на большие колеса, и, впрягшись в них спереди, вывести пойманных животных из ловушки. Нижний край клетки поднимался над землёй всего на десять-пятнадцать сантиметров, и упирающимся жеребятам было не вырваться. До темноты мы успели таким образом всех перегнать к лагерю, и, связав борта клеток между собой, оставили животных пастись на отросшей молодой траве. В эту ночь спали мало, обжаривая мясо, на день — два его хватит, ведь на обратном пути времени на охоту не останется...

Проблемы начались с самого утра. Сначала выяснилось, что запах саблезубых кошек вызывает у лошадей настоящую панику. Когда на телегу погрузили две шкуры большезубов и клетку с тигрятами, ближайšie к ней жеребята стали биться о прутья, пытаясь вырваться и убежать. Разобравшись, в чем дело, хищников отравили в хвост колонны, замыкающими.

Затем трое лошадей вспомнили, что они родственники ослов, и наотрез отказались идти пешком. Пришлось их грузить на оставшиеся телеги вместе с клетками. Хорошо, хоть остальные были более покладистыми, и пошли сами.

В траве недостатка не было, а вот запас воды мы взяли большой, заполнив всю пустую глиняную тару. Примерно на полпути будет небольшое озерцо, до него дойти хватит.

Вышли поздно, принаравливаясь к шагу пленников, да и в обед сделали привал, давая животным пощипать травы. Первый этап приручения начался тут же — воду в горшках

давали только из рук, подолгу сидя у клеток. Жеребята дёргали ушами, фыркали, косили карими глазами на людей, но жажда сделала свое дело, и они осторожно стали пить. Вечером мы, перед тем, как разбивать лагерь, нарвали охапки травы, и положили ее в клетки.

А мы с Даром шли к тигрятам, все таким же диким и взъерошенным, и кормили уже их.

Путь назад занял шесть дней, одного жеребёнка мы не довезли — он был самым маленьким и почти не ел траву, а вода не могла заменить молоко. Перебравшись через приток Аркаима, отряд, подпрыгивая на кочках и объезжая пни, выбрался на просеку возле города. В Лантирске о нашем приближении уже знали, я часто заглядывал в сон Эрики — вот и вчера сообщил, что мы уже близко...

— Они всегда так быстро бегают?

— Юр, смотри, тот, с пятнышком на лбу самый резвый!

— И людей они так же станут возить?

Многие неандертальцы видели лошадей впервые. Когда пленников выпустили в загон, занявший четверть свободного пространства между стеной и жилыми постройками, жеребята стали носиться по нему, удивляя зрителей скоростью.

К людям они уже немного привыкли, уже не вздрагивали от звуков человеческой речи, а получив такую, пусть и ограниченную, свободу стали гораздо дружелюбнее. Невысоких подростков они подпускали вплотную, иногда брали угощение из рук, но при попытке дотронуться все ещё пугались.

Пять человек теперь каждый день заготавливали траву и сено на зиму, это хоть и не самая калорийная пища, но другой ещё долго не будет. Пшеница тоже не самый подходящий вариант, но тут дело привычки — в арабских странах моего времени лошадей откармливали именно ею, и они прекрасно себя чувствовали.

Обеих тигрят сначала поселили в просторной клетке в подсобной части "дворца". За время похода они стали узнавать меня и Дара, приносящих им мясо и воду, но на других людей часто рычали. Понаблюдав, как малыши, оказавшиеся самками, играют друг с другом, я решил попробовать выпустить их к подросшим волчатам. Сначала кошки забились в угол и шипением пытались отогнать любопытных щенков. Но прошло всего два дня, и они стали играть с ними вместе, легко раскидывая волчат в стороны, даже когда те облепляли их со всех сторон.

В природе эти два вида заклятые враги, но сейчас, ещё не видевшие мир щенки и котята просто хотели поиграть, не делая различий на "своих" и "чужих". Через несколько месяцев разница в размерах и повадках даст о себе знать, и зверей придется разделить, но и повзрослев воспринимать друг друга как врагов они точно не будут.

— Дим, а они, когда вырастут, не нападут на наших детей?

Эрика, да и другие девушки, часто приходили посмотреть на маленьких хищников. Сейчас они выглядели безобидно, но в женщинах говорил материнский инстинкт, и они справедливо опасались за жизнь своих детей.

— Волчата точно нет, они подрастают и воспринимают людей как часть своей стаи, более сильных, чем они. А тигрицы... Пока они маленькие, пусть играют. Но потом построим для них крепкую клетку, и они станут первыми животными ЗООПАРКА!

— Им нужно много мяса...

— Прокормим, скоро еды у нас станет ещё больше, всем хватит.

Я ещё долго рассказываю о зоопарках, для чего они нужны, как устроены. Конечно,

большую коллекцию животных Лантирск ещё долго не потянет — как из-за небольшого населения и нехватки свободных рук для присмотра за питомцами, так и из-за отсутствия элементарной площади. Нам уже сейчас становилось тесно за оградой, и как только мы построим дома, начнем разметку и строительство новой защитной стены, намного большей, чтобы занять всю излучину Аркаима.

— А наши охотники тоже зверей наловили!

Это правда, за время нашего отсутствия были полностью истреблены два небольших стада кабанов, и рядом с годовалыми кабанчиками появился второй загон с поросятами.

То, что охота была удачной, я заметил сразу — количество растянутых на просушку шкур прибавилось, да и все коптильни исправно дымили. Мяса хватало с избытком!

Разумеется, первым местом, куда я отправился по возвращении, были оба "поля".

Из семи зёрен пшеницы проросли только пять, а вот рожь взошла вся. Растения быстро развивались, и уже сформировали пышные кустики. В обмазанный глиной яме небольшое количество перепревшего за год навоза залили водой, и участки периодически поливали этой подкормкой. Пока всё идёт отлично!

Прагт с помощниками закончил обстругивать корпус первой лодки, и уже успел промазать ее несколькими слоями костного клея снаружи и изнутри. Ещё три суденышка стояли в разной степени готовности, работа над ними продолжалась.

— Смотри, тут и тут укрепляем широкие доски, ты будешь на них сидеть. Здесь, и на другом борту делаем уключины, в них будут вставлены весла. На носу и корме делаем отсеки для рыбы.

Прагт и его строители внимательно меня слушают, рассматривают нацарапанные на бересте рисунки. Поняли, ничего сверх сложного я не показал. Мужики начинают подбирать материал для завершения работы, им не терпится испытать лодку на воде...

Замечаю одну из наших камышовых кошек, угощаю ее рыбкой. Она с сестрой редко пропадает, исправно уничтожая мышей и прочую мелочь, а вот кот часто исчезает на недели. Приходит потом, худой, поцарапанный, и сразу к женщинам на кухню, те его почему-то всегда жалеют и подкармливают. С появлением тигриц и волчат кошки стали обходить мой "дворец" стороной, не нравился им запах даже таких, ещё маленьких хищников.

— Мы нашли уже три места, где эти люди ночевали. Их много, несколько рук. Они не разводили огонь, их не видел никто из охотников. Они очень осторожны, Дим.

— Ищите их. Удвойте часовых у каждого ворот, если эти невидимки так ловко прячутся, мы можем прозевать нападение.

— Сделаем!

Ант, остававшийся все это время в Лантирске, рассказал мне о странных следах неоспоримого присутствия людей — отпечатках босых ног, ладоней, лежках, срубленных деревцах. Мелкие признаки обнаруживали почти каждый день — оборванные листья, сломанные ветки деревьев, иногда слышали похожие на голоса звуки. Пока никаких враждебных действий со стороны гостей не было, но их становилось все больше в окрестностях города...

— Попробуй порвать!

Лесса протягивает мне тонкую верёвку. Я рассматриваю новое творение ее мастерской — волокна разноцветные, и коричневые, и светло зелёные, на ощупь она гладкая. Порвать действительно не получается — нить больно впивается в пальцы, но не рвется.

— Отличная веревка! Из чего сделали?

— Так из шерсти того зверя с большим рогом, ну и крапиву добавили ещё. Потом через кусок воска несколько раз протянули, и веревка стала мягче.

— Лесса, а сделать ещё тоньше — сможешь? Чтобы тоже было трудно порвать?

— Мы попробуем, шерсти ещё много.

— Если справишься — будет вам всем награда!

Это ведь отличный заменитель проволоки, и, провозившись, можно сплести тонкую сетку для изготовления бумаги. Натянуть ее на рамку, и готово, знай формируй бумажную массу, отжимай ее и выкладывай готовые листы на просушку!

В остальных производствах все было не столь радужно — из-за долгого отсутствия половины мужчин добавилось только немного глины и песка, площадки с рудой и углем оставались пустыми. Впрочем, отдых после похода заканчивался, и вскоре неплохо отлаженная схема доставки сырья вновь заработает.

Оставшейся без мужа, убитого большезубом, женщине и ее дочери выплатили компенсацию, это тоже теперь стало правилом.

И снова я столкнулся с проблемой малого количества мужчин. Многоженство, если ввести его на постоянной основе, резко снизит и так небольшую вариативность генов в семьях. А если узаконить его как награду для наиболее выдающихся мужчин, которых выберут все три правящих Круга и вождь племени? Это могло стать золотой серединой, и помочь пристроить в первую очередь молодых вдов с детьми. Обсуждения затянулись на неделю, но общие правила были сформированы:

— Стать второй женой могли вдовы, или незамужние девушки старше восемнадцати лет.

— Второй раз получить статус жениха мужчина мог в нескольких случаях — по признанию его заслуг перед племенем властями, если его первая женщина умерла или за год не забеременела.

— Как дополнение — если и вторая жена не родила ребенка, то обе женщины могли взять в семью второго мужчину.

Последний пункт провел Круг Матерей, и он, хоть и вызвал у меня ассоциацию со "шведскими семьями", был логичен и оправдан. У тянущих жребий на свадебной церемонии женихов добавится ещё один фактор риска...

Квоты для каждого круга и меня были одинаковы, и равнялись числу кандидаток во вторые жены на день Свадьбы, разделенному на четыре, причем квота вождя поглощала неделимый остаток, от одного до трёх. Это давало мне возможность выделить перспективных с точки зрения генетики мужчин.

Дополнения вызвали живейший интерес среди населения, став главной темой на вечерних посиделках. Особенно людей интересовала квота вождя, ведь понять мотивы многих моих решений часто не могла даже Эрика, что говорить об остальных. Приходилось отшучиваться и переводить разговоры на другие темы...

На одной из таких посиделок, когда я пытался показать людям, во что могут со временем превратиться лодки Пратта, среди дрожащих в пламени костра образов парусников и пароходов на мгновение проступило лицо Арики. Слов не разобрать, но старая женщина явно хотела мне что-то сказать. Это могло быть важным, и я решил на новое посещение Первой Пещеры, о чем и сказал собравшимся людям. Страховка в этом деле важна не меньше, чем сам Говорящий с огнем, без мощной поддержки там делать нечего...

— Пришел! Дим, я не смогла попасть в твой сон, мы стали слабее...

— Почему? Я же привел Шенка, вас стало больше!

— Именно поэтому. К нам присоединились ещё трое древних энноев, теперь твоих последователей здесь две руки. Но людей в племени не прибавилось, и количество веры осталось прежним.

— А она делится на всех... Значит, каждого умершего из Земель Вечной Охоты мне сюда не перетащить, никаких сил не хватит?

— Да, тогда мы станем такими же тенями, как они, — Арика указала на ряды призраков возле стен. Их очень много скопилось за прожитые века, но и питающий их страх тысяч неандертальцев велик.

— Ясно... Так зачем ты звала меня, чтобы сказать об этом?

— Нет, с тобой хочет поговорить твой бывший враг.

— Заруг?

Старуха кивнула, и отступила к огню. А передо мной появился полупрозрачный силуэт того самого старика, что прошлой весной пытался убить еретика в моем лице.

— Выслушай, прошу тебя!

— Я здесь, Арика бы не позвала меня по пустякам. Говори.

— Дим, сегодня случилась большая беда. Мой род погибает.

— Погибает? Не погиб сразу?

— Да. Свод пещеры, где много веков жил род Белого Волка, обрушился, засыпав вход и похоронив под камнями последних мужчин и половину женщин. Оставшиеся не смогут выбраться сами. Пройдут три, четыре руки дней, может чуть больше — и все они погибнут от голода. Прошу тебя, помоги им!

— Ни я, ни мои люди не ходили настолько далеко.

— Фет и его люди знают дорогу, Тинг должен помнить. Ты сам сможешь направить их к костру рода!

— Зачем мне люди, которые не верят в новое будущее? Заруг, я не только могу видеть костры, но и отношение к себе.

— Ты стал сильнее, энной Дим. Если ты сможешь и спасёшь их, они будут свободны от страха перед Предками. Я внушал им этот страх, и в моих силах это внушение снять.

— Ты не хочешь пожить здесь ещё тысячу лет, пока все люди не исчезнут?

— Я сам исчезну, но мой род будет жить. Меня устроит такая цена.

Я смотрю в прозрачные глаза этого крепкого старика. Он не шутит, при своей жизни он всячески оберегал жизни своих людей, и только злая шутка судьбы свела его род сначала с пигмеями, а затем и со мной. Видеть теперь гибель последних из них для этого человека невыносимо. Настолько, что он попросил помощи у своего врага.

— Мои люди выйдут на рассвете. Прощай, Заруг. Ты оказался слабым врагом, но сильным человеком.

Старик слегка склоняет голову, его фигура дрожит и начинает терять очертания. Последние слова бывшего врага едва слышны сквозь грохот падающих камней и сталактитов, но я смог их разобрать.

— Желаю тебе удачи, Дим. Может, в твоих словах и была доля правды?..

Уже в четвертый раз я попадаю в это место, и снова у меня не остаётся времени на разговоры. В мире живых прошло уже несколько часов, скоро рассвет. Нужно спешить!

Взмахнув рукой, прощаюсь с союзниками, и через минуту в Пещере Предков остаётся

только мое "эхо"...

На этот раз голова почти не болела, чувствовалась только слабость от потери крови. Эрика рядом — она, удостоверившись, что со мной все в порядке, не сдерживает радость. Будь ее воля, вообще бы запретила мне такие походы...

Услышав, что мне нужно сообщить важную новость всему племени, на минуту исчезает, вернувшись уже с Утаром. Этот гигант поднимает меня, словно пушинку, и легко ставит на ноги. Опираясь на него, выхожу на улицу, и удивлённо замираю — такого в Лантирске я ещё не видел.

Как и прошлый раз, все свободное пространство перед "дворцом" заполнено людьми. Так же пылает большой костер. Но их взгляды обращены к стене постройки — там, за языками огня, на высоком постаменте, возвышается мое лицо. Вырезанное из цельного дерева, с удивительной для этого времени детализацией. Слав всё-таки завершил свою первую скульптуру!

Утар подводит меня к этому шедевру, гул голосов вокруг постепенно стихает. Перед племенем сейчас два Дима — один живой, бледный, стоит, оперевшись о стену, второй невозмутимо спокойный, уже который час пристально смотрит на них задумчивым взглядом.

— Народ племени Солнца! Я вернулся из Первой Пещеры, предки на нашей стороне!

— Ааррхх!!

— Они позвали меня, чтобы мы исполнили их волю. Остатки рода Белого Волка в смертельной ловушке. Там остались только женщины и дети, они никогда не поднимали оружия против нас! Заруг пожертвовал своим бессмертием, чтобы они жили, убрав ложь из их мыслей!

Я всматриваюсь в лица моих людей, ища признаки недовольства. Нет, пока слушают внимательно...

— Я дал слово, что мы, племя Солнца, пойдём к белым скалам и раскопаем завал. Каждый ребенок настоящих людей бесценен для нашего народа! Мне нужны самые сильные из вас, кто сможет несколько дней бежать и идти без отдыха.

Одобрительные возгласы, но их не много. Что ж, добавим мотивации!

— Все мужчины, которые пойдут спасти этих женщин и детей, получают право привести в свое жилище вторую жену! А чтобы они смогли лучше защищать свою семью и свой народ, каждый получит такие же доспехи, как у мужчин рода Искателей Знаний!

— Ааррхх!!!

Сразу десяток неандертальцев пробираются через толпу ближе ко мне. Думаю, этого для спасательной операции хватит.

— Тинг? Тебе мало Варики?!

Я улыбаюсь, глядя на смущённого главу рода Горностаев. Но это их личное дело, мне важен результат похода.

— Ты поведешь этих людей. Дорогу знаешь?

— Я найду большую реку и белые скалы, Дим, но на это уйдет время.

— Среди вас двое из рода Огненного Камня, они тоже были в тех местах. Берите с собой запас еды, веревки, все свободные лопаты, и кирки, что есть в наличии.

— Сейчас все соберём. Топоры брать?

— Да, будете рубить деревья и подпирать ими проход, иначе вас самих может засыпать обвал.

Когда небо на востоке стало светлеть, спасательный отряд был уже готов. Люди бесшумно выскользнули за ворота, и перейдя Аркаим по мосту, быстрым шагом направились на северо-восток. Ближайшие выходы мела начинались в сотне километров, но стоянка рода Белого Волка была намного дальше, где-то в районе будущего Славянска и Краматорска. По словам Фета, до них пять дней пути в теплое время года, но это если без спешки...

Мне оставалось только ждать. До вечера меня ещё немного пошатывало, но Слава я отыскал, вручил ему связку чайб и несколько заранее выкованных резцов. Парень уже приступил к новой работе, на этот раз какой-то девчонки. А ведь он в свои одиннадцать лет думает наперед, заранее подготавливаясь к свадебной церемонии, и явно не желая оказаться среди тянущих жребий! Пожелав скульптору творческих успехов, отправился к Пратту.

Первая лодку была готова, ее уже установили на катки, и подтащили к воротам. Теперь судостроитель выравнивал и так уже неплохо расчищенную дорогу к реке, выжигая пни и засыпая все неровности. Вслед за спасателями из Лантирска вышли и отряды рудокопов и шахтеров, унося не только остатки железных, но и все каменные инструменты, а там и охотники отправились за добычей. Оставшиеся мужчины вместе с подростками проверяли верши и поставленные у берега сети, собирая улов.

Рядом с Эрикой остался Ант, а остальные мои телохранители занялись спуском лодки на воду, подкладывая катки и толкая ее к реке. Впрочем, с этим справился бы и один Утар...

На это эпохальное событие пришли посмотреть почти все женщины и дети. Суденьшко, разогнавшись по склону, с плеском врзалось в воду, подняв тучу брызг и едва не зачерпнув воды. На воде посудина держалась отлично, Пратт уже запрыгнул внутрь, и ухватившись за сваю моста, удерживал лодку на месте. К нему присоединились и мы. Вставляю ещё пахнущие стружкой весла в уключины, сажусь на скамью, и уперевшись ногами в днище, с силой делаю первый гребок. Пратт слева повторяет мои действия, но сильному него больше, и лодку слегка ведёт в сторону. Через некоторое время все освоились с управлением, и в лодку заполнили сначала дети, желающие покататься, а там и женщины. Вскоре меня на веслах сменил Утар, этот и до вечера не устанет.

— Ну что, вы довольны?

Мы сидим на берегу, наблюдая за маневрами суденьшка. Мы — это Эрика, Пратт и Лесса. Самый молодой глава недавно созданного рода Железных Медведей счастливо улыбается.

— Да, Дим, спасибо! Сейчас все разойдутся, и мы поставим большие сети намного дальше от берега!

— А ваши родичи, они признают твое право стать главой нового рода?

— Теперь никто не сможет сказать, что я сделал для рода недостаточно!

— К осени отправишь к ним нескольких охотников, пусть расскажут остальным о Лантирске, и покажут новые вещи и оружие. Как только у нас появится запас железных инструментов для торговли с Варгом, мы остановим плавку и займёмся строительством домов, до зимы сможем принять всех.

Пратт согласно кивает, все здешние жители давно уже поняли пользу от совместного проживания, когда часть людей высвобождается от добычи пищи и может заниматься другими полезными делами.

— Дим, а зачем тянуть? Отпусти со мной троих, и через десять дней я приведу всех. Там много мужчин, они помогут таскать руду и уголь, для этого много ума не надо, а мастера пусть занимаются домами!

— Уверен, что справишься?

— Да, Лесса пойдет с нами, она подтвердит мои слова женщинам.

— Вокруг города часто замечают следы чужаков. Возьми с собой больше людей, на маленькую группу они могут напасть.

— Сколько?

— Сейчас в Лантирске, с учётом охотников, осталось двадцать мужчин. Бери восьмерых, больше отпустить не смогу, пока не вернутся спасатели. И рамы с колесами захвати, на них погрузите все вещи.

Сегодня ночью вместе с часовыми дежурили восемь подростков, наблюдая за просекой из-за гребня стены. Пратт уйдет завтра, и на ближайшее время оборона города ляжет на плечи немногих оставшихся, в строй станут и женщины, и дети постарше, копьёметалки освоили все.

Я долго не спал, сидя у костра и любуясь северным сиянием. Такие световые шоу природа устраивала часто, и к ним давно привыкли. Эрика уже уснула, да и остальные тоже. Волчата и те успокоились, прекратив свою возню. Тихо, только угли костра потрескивают...

Пора и мне спать — завтра пойду с остальными на проверку вершей и сетей, а затем будем возить глину, сколько успеем до темноты. Я уже поднялся и направился к "дворцу", когда со стороны южных ворот раздался тихий свист.

От костра поднялась фигура часового, и он полез на стену, сжимая факел — подростки что-то заметили.

Рядом со мной появился Утар, он сквозь сон расслышал сигнал, означающий "внимание", и тут же поспешил к вождю. Пока мы шли к стене, часовой, всматриваясь в темноту, метнул факел за ограду.

— Ты видел?

— Там был человек! Без одежды!

— Черный?

— Я не разглядел, он сразу убежал под деревья. Вроде нет.

— Он точно был один?

— Да, стоял неподвижно, разглядывая стену.

— А оружие разглядел?

— Не было у него ничего, только бедра травой прикрыты.

Ясности больше не стало и на утро, когда мы осмотрели место рядом с упавшим и давно потухшим факелом. Слегка примятая трава, чуть дальше, среди редких деревьев нашли несколько отпечатков босых ног. Утар, разбирающийся в следах не хуже Рауга, заявил, что эти отпечатки не принадлежат настоящим людям.

Пратта я все же отпустил. Если эти нудисты, настолько умело скрывающиеся, не вооружены даже каменным оружием, то мы, вооруженные железным, справимся и с гораздо большим их количеством. Днём никаких происшествий не было, но когда женщины под охраной пришли собирать первые ягоды малины, то сообщили, что тут кто-то побывал до них.

А на утро мы обнаружили, что две верши вытащены на берег, и улов из них пропал. Недостачу с лихвой перекрыли сети, поставленные с лодки на новых местах, и женщины до вечера чистили рыбу и закладывали ее на копчение. Охотники прочесали всю округу, но кроме нескольких новых следов и сломанных ветвей, ничего не нашли. Эта облава испугала неизвестных вредителей, и они затаились, ни чем не выдавая свое присутствие.

Почти весь следующий день мы ловили рои пчел. Впечатления остались самые негативные, из оставшихся в городе только двое мужчин занимались этим делом раньше. Остальные больше суежились и мешали, ну и ещё отвлекали на себя внимание насекомых. Три роя, висевших на скатах крыши "дворца" быстро поймали в мешки, и перенесли в новые ульи. Четвертый рой обнаружили у реки на дереве, когда пришли за водой. Все шло хорошо, пока не решили открыть старые ульи, и посмотреть не будут ли ещё вылетать рои. Тут досталось уже всем — и неудачливым ловцам, и женщинам, и детям. Спас только густой дым от кинутых в огонь охапок травы. Ещё несколько дней и вождь, и его подчинённые ходили с опухшими от укусов лицами и руками. Нужно срочно делать дымарь, конструкция же простейшая...

Прошло три дня, и этой ночью я смог поговорить сначала с Праттом, а затем и с Тингом.

Первый дошел до родичей, смог их убедить переселиться, и завтра остатки рода Медведей готовились выступить к Лантирску.

Второй рассказал, что спасатели добрались до стоянки рода Белого Волка сегодня в сумерках, сумели разглядеть огромный завал и даже услышать глухой стук из под земли. Но за время пути люди устали настолько, что без сил попадали на землю, едва разожгли огонь.

Я посоветовал ему не разгребать завал с середины, а пробивать коридор в известняке сбоку от главного входа, чтобы не спровоцировать новое обрушение. И укреплять каждый пройденный метр распорками. Пусть медленнее, но так они гарантировано дойдут до основной пещеры.

На следующий день они начали пробиваться сквозь меловую породу, откалывая кирками большие глыбы известняка. Другие тем временем оттащивали их в сторону, рубили лес, и во время небольших перерывов слушали удары с другой стороны. До вечера прорубили тоннель в пять метров длиной, как следует укрепив его.

Грязные, перемазанные мелом и глиной, мужчины с каждым часом все отчетливее слышали крики и плач. Ночью работа не остановилась, люди разбились на смены работали попарно, пока другие дремали у огня. Цель стала ближе ещё на три метра...

Все эти образы я смог хорошо разглядеть, Тинг гораздо чётче Дара умел представлять прошедшие события. Если он к старости решится пройти в Первую Пещеру, у племени Солнца появится второй энной.

К погребённым заживо они добрались на вторую ночь, когда длинна тоннеля превысила пятнадцать метров. Вместо того, чтобы отколоть очередную меловую глыбу, кирка провалилась в пустоту, и в проломе с той стороны показалось женское лицо. Проход быстро расширили, и Тинг вместе с остальными прошел в полузасыпанную пещеру. В живых осталось шестнадцать женщин разного возраста, и два десятка детей. Одна из них погибла совсем недавно, пытаясь растащить завал, ее придавили съехавшие вниз глыбы...

Людей вывели из пещеры, многочисленные трещины в ее стенах и своде в любой момент могли вызвать новый обвал, и до утра они грелись у костров, с жадностью пили воду и уничтожали те небольшие запасы пищи, что спасатели взяли с собой. Наутро пришлось идти на охоту, чтобы хорошо накормить людей перед обратной дорогой. Река внизу точно так же, как и Аркаим, привлекала диких кабанов, и прекрасно изучившие повадки этих зверей охотники быстро нашли добычу.

Так они и отправились назад, делая небольшие переходы, охотясь и восстанавливая силы — и спасатели, и спасённые.

За это время рудокопы и шахтеры привезли в город тяжело нагруженные телеги и тачки с сырьем, и ушли вновь. Мы тоже не сидели без дела — сильно возросшие уловы высвободили охотников, и я тут же привлек их к заготовке глины. Гора этого материала стала быстро расти, возить ее было на порядок ближе, чем руду. Мы с Антом установили у реки за оградой пять юрт, там две недели будут жить Тинг и приведенные им люди. В стороне станет и род Медведей, хотя бы минимальный карантин я теперь буду выдерживать для всех новичков. Топоры и еду мы им дадим, будут все это время валить лес вокруг, расчищая местность. Охрану придется на это время усилить, а в случае нападения они просто отойдут в город за стены.

Все вместе мы смогли собраться только в конце июля, летнего тепла оставалось всего пару месяцев, и Лантирск вновь стал напоминать муравейник. Очертив окружность в пятьдесят шесть метров диаметром, я наметил центры шестнадцати круглых домов. Эти строения были вполовину меньше "дворца", из-за отсутствия складских пристроек, но во всем остальном полностью копировали его жилую часть. Новые дома с боков соединялись коридорами с соседями, и имели два выхода, к моей резиденции в центре Лантирска, и наружу, к стенам. Часть мужчин начали рыть канавы под фундамент, остальные без устали возили глину, песок и камни к месту стройки. Вновь запыхали коксовые батареи и кучи дров, пережигаемых на уголь. Ровные ряды кирпичей и черепицы выкладывали за стеной, внутри не осталось свободного места.

Карантин вскоре закончился, ни один из новичков не заболел, да и приведшие их люди тоже выглядели здоровыми. С учётом родившихся за это время шестерых детей, численность населения резко возросла и составила двести семьдесят три человека. Взрослых мужчин добавилось только шестнадцать, поэтому рыбалку и собирательство полностью переложили на слабый пол и подростков, пытаясь успеть как можно больше. Это позволило к середине августа сложить все фундаменты и начали набивать глиной каркасы стен. Бригада строителей, возводившая "дворец" была значительно усилена, и теперь одновременно строилось несколько домов. Часть ножей перековали в некие подобия кос, что ускорило заготовку сена лошадям. Заготавливали вообще все, до чего могли дотянуться — еды и для людей, и для животных на зиму понадобится очень много.

Когда мы развязали последний мешок с солью, пришло время для последнего в этом году похода — в Крым. Попросив жену вести календарь и приглядывать за пшеницей, чтобы не допустить осыпания зерна, я отобрал двадцать самых сильных мужчин — им предстоит катить по бездорожью тяжело груженные тачки и телеги. Вождь все ещё не мог похвастаться такими же выдающимися размерами, поэтому роль мне в этом походе отводилась больше исследовательская.

Маршрут был простым — идти строго на юг, пока не упремся в Азовские болота, затем обогнуть их по дуге, отклонившись на запад, и снова на юг, уже до побережья Черного моря. На все это уйдет приблизительно полтора месяца, и назад я вернусь уже под конец сентября. Главное, нигде не задерживаться — Эрике рожать в середине октября.

В путь мы вышли шестнадцатого августа, в быстром темпе пересекли приазовскую степь, а двадцать первого вышли на берег. Берег моря?...

Та картина, что я помнил по исходу из Крыма, разительно отличалась — все болота и озера Азовской низменности теперь слились в единую водную систему, уровень воды поднялся самое меньшее на два метра. Только кое где виднелись верхушки тростника, отросшие за лето растения скрылись в глубине. Такое количество воды Дон не мог принести,

тем более в конце лета, когда дожди — редкость. Вода пришла из другого места, и я догадывался, откуда.

Сейчас стоки великих сибирских рек заперты, и огромные пресные моря на севере Евразии переполнены. Избыток воды стекал в Аральское и Каспийское море, но их ёмкости не хватило, и чудовищный по силе поток проложил себе новую дорогу через Кумо — Манычскую впадину, затопив при этом огромные территории. На некоторое время, пока вода не спадет, Азовские болота снова могли называться если не морем, то огромным озером точно...

Огибать это новое препятствие нам пришлось неделю, хорошо хоть местность была ровной, и катить пустые телеги было легко. Стада животных встречались нечасто, из новых я отметил только ослов — непривычно крупных, светло-серого окраса, с редкими поперечными полосами на ногах, они были не намного меньше лошадей, и бегали так же быстро.

И вот мы снова на территории полуострова, с которым связано столько воспоминаний!.. Мы стали отклоняться к востоку — я каждое утро дорисовывал карту, ночью ориентируясь на сверкающую зелёную звезду Лантирска, и хотел вывести отряд как можно ближе к броду.

Заруг не обманул — огоньки женщин рода Белого Волка оставались в большинстве нейтрально-белыми, с редкими вкраплениями зелёного, а вот протянувшиеся паутинки к детям с каждым днём всё сильнее наливались ярким изумрудным свечением.

Километры степи быстро исчезали за спиной, и через два дня мы вышли на хорошо знакомый берег Тихой, за которой было то самое место, где я очнулся...

Но нам туда не надо — нам направо, к броду!

Воды в реке было не много, перешли ее быстро, и к полудню поравнялись с завалом камней со знаком Солнца. Здесь все осталось прежним, разве что весь раньше вырубленный склон зеленел молодой порослью.

— Дим, это та самая пещера рода Тихой воды?

— Да... Отсюда началась история нашего племени и нашего народа.

— Это хорошее место, здесь теплее, чем в Лантирске.

— Здесь опаснее. Леса почти нет, стену не построить. Черные люди могут в любой момент повторить наш путь, и живущие здесь окажутся в ловушке, зажатыми между горами и морем.

Большинство людей здесь никогда не были, только я, Гер, Рауг и близнецы помнили эти места. Но рассказы о былых временах слышали все...

На ночёвку мы расположились уже на берегу Черного моря. Соль никуда не пропала, животные разрывали песок во множестве мест, чтобы добраться до тонкой корки этого минерала.

Весь следующий день два десятка мужчин раскапывали берег и собирали крупные сероватые кристаллы, наполняя ими мешки. Несколько раз замечали вдали диких коз, но времени охотиться на них или ловить, не было. Я поднялся повыше, отойдя на сотню метров в степь, пытаюсь разглядеть, откуда они приходят на этот берег, но уже через минуту упал на колени, забыв обо всем на свете. На высохшей и местами растрескавшейся рыжеватой земле росла пшеница!

Небольшие колоски с зёрнами красноватого оттенка большей частью уже осыпались, но и то, что осталось, для меня было бесценным! Крикнув остальным, что нашел очень важное

растение, я до ночи ползал по степи, срывая колоски и высобиравая зёрнышки. Попутно сделал вторую важную находку — высохшие коробочки степного мака, в которых сохранились остатки семян.

Ночью я заглянул в сон Эрики, рассказал о том, что мы завтра отправляемся в обратный путь. Жена, в свою очередь, поделилась городскими новостями — первые четыре дома закончены, вчера привезли полные телеги сена, а Ант, выполняя ее просьбу, собрал все зёрнышки на наших "полях", и теперь они хранятся в двух глиняных горшочках. Самой ей уже тяжело наклонятся, мешал сильно увеличившийся животик...

Большую часть урожая я посоветовал высеять под зиму, оставив по нескольку зёрен для подстраховки. В природе это зерно скорее всего озимое, и такая посадка позволит получить больший урожай в следующем году.

Лантирск сейчас переживал демографический взрыв — в большинстве семей, образованных в ноябре прошлого года, рождались дети. У неандертальских женщин роды проходили легко, но кроманьонкам приходилось тяжелее — самая младшая из них умерла, двое других едва выжили.

Ант стал отцом во второй раз, Нгеп родила ему сына. Эта новость меня удивила намного больше, чем других — в будущем генетики считали такой исход от межвидового брака маловероятным. Но теперь, если этот мальчик выживет и сможет сам стать отцом, это подтвердит мнение их оппонентов, считавшим, что истинная неандертальская Y-хромосома была утеряна на заре времён и заменена кроманьонской.

Назад шли намного медленнее — тянуть за собой тяжело нагруженные телеги по бездорожью оказалось не намного легче, чем волокуши по снегу. Это ещё хорошо, что на берегу я ограничил загрузку, и на каждого "бурлака" теперь приходилось около ста пятидесяти килограмм. Бодрые поначалу, мужчины уже возле Азовского озера стали выбиваться из сил. Бросать часть добычи они отказались наотрез, но в день теперь проходили хорошо если пятнадцать километров. Ночи становились все прохладнее, степь стала серой и неприветливой. Животные сбивались в более крупные стада, спеша хорошо откормиться перед зимой. Хищники следовали за ними, не обращая на нас никакого внимания. За весь поход волки только раз подходили к лагерю ночью, но напасть так и не решились.

Двадцать второго сентября отряд подошёл к южному притоку Аркаима, но сил на переправу уже не осталось. Нас быстро заметили со стены, лес с этой стороны вырубил полностью. Ворота распахнулись, огромная толпа народа высыпала навстречу. И самих путешественников, и соль с телегами перевезли через реку лодками — за это время достроили ещё две, так что лезть в холодную воду никому не пришлось. К вечеру мы наконец смогли обнять своих жен, детей и близких, наесться до отвала и, расслабившись в тепле, болтать до глубокой ночи.

Мы были дома!..

Глава 11. Старые люди

*Когда-нибудь растают льды
и догорят пожары
И дух стареющей вражды
Умолкнет, чтоб уйти.
И будет свет, чтоб отличить
Ошибки от удара,
И будут силы дальше жить
И не свернуть с пути.
Группа "Арктида", "Стена времён"
— Ааа — аа — ааа!*

Громкий детский крик нарушил напряжённую тишину, царившую во "дворце". Когда у Эрики ночью начались схватки, прибежавшая Варика бесцеремонно выставила вождя из небольшой комнатки, отделенной от общего зала. Но вымыть руки не только мылом, но и самогоном, не отказалась — на это моего авторитета хватило.

Ант, помогавший мне в прошлом году с перегонкой, приготовил терновой браги в несколько раз больше, и теперь у меня снова был солидный запас "огненной воды". Убедить Круг Матерей применять ее для дезинфекции было несложно, и не один новорожденный не умер. Да и роженицы хорошо себя чувствовали. Единственная смерть при родах случилась с кроманьонкой Ллан, женщины не смогли остановить кровотечение. Что было тому виной — ее молодость, довольно крупная родившаяся девочка, или отец-неандерталец, чьи гены сильно отличались, никто в этом времени не мог мне сказать. Ребенка удочерила ее подруга, тоже недавно ставшая матерью, а остальные приняли эту цену за появление новой жизни как данность — такое иногда случалось и раньше...

Наконец, меня пускают к жене. Новорожденный мальчишка, наоравшись вволю, присмоктался к груди, трогательно обхватив ее маленькими ручонками. Эрика, уставшая, с капельками пота на лбу, пытается улыбнуться.

— Все закончилось, любимая. Теперь у тебя есть целых два мужчины!

— Он станет таким же мудрым и сильным, как и его отец!.. Дим, ты говорил, что Предки называли своих детей сразу взрослыми именами? Я думаю назвать его Ив-варг!..

— Видящий битвы? Думаешь, это его судьба?..

— Не думаю, Дим. Чувствую...

Эрика прикрывает малыша мягким пушистым одеялом. Лесные куницы были редкостью, но Утар не только смог выследить нескольких таких зверьков, но и искусно выделать шкурки для подарка сыну вождя.

— В древнем языке Предков есть почти такое же имя. Может, назовем сына Ингвар?

— Красивое имя, звучит почти так же... Мне нравится, пусть Предки всегда помогают ему!..

Наш первенец завершил череду появившихся на свет за последние два месяца детей, и Варика наконец смогла отдохнуть. Тридцать шесть малышек, даже пара близнецов — Ирика продолжила традицию, и Тур ходил, ошалевший от свалившегося счастья. Племя снова выросло, триста восемь человек это серьезная заявка на лидерство во всей нынешней Восточной Европе. Вот только половине из них нет и десяти лет...

На следующий день Эрику ожидал сюрприз — ее ученики принесли подарки. Сначала пришли взрослые и вручили молодой маме три куса вязанного полотна, мастерицы Лессы добавляли в крапивные нити шерсть, и получали грубоватую, но теплую и прочную ткань. А ближе к обеду дети принесли корзинку красивых розовых цветов, похожих на подснежники.

Я сидел рядом, наблюдая за заснувшим Ингваром и слушая болтовню детей, затем принял из рук Эрики цветы, вдохнул необычный аромат...

В будущем эти цветы называли безвременником или колхикумом, и они высоко ценились у цветоводов за столь позднее цветение.

Колхикум... Это слово потянуло за собой из глубин памяти другое — колхицин! Сильнейший биологический мутаген, благодаря которому люди двадцать первого века смогли получить большинство высокоурожайных сортов сотен культурных растений.

— Девочки, вы помните место, где растут такие цветы?

— Дим, они же возле реки цветут! Их там ещё много!

Я дрожащими руками открыл плетёный короб в углу, достал горсть чайб, раздавая их детям.

— Сегодня вы принесли нам величайшую ценность! Держите! И — спасибо!!

— Дим, это же много... Да мы тебе этих цветов мешок нарвем!

— Нет, не нужно их рвать. Мы их высадим возле ограды, сколько найдем. Эти цветы нельзя есть, они ядовиты. Но они же сделают плоды других растений огромными, и их будет столько, что люди никогда не будут голодать!

Дети потрясённо молчат, с удивлением и уважением рассматривая казавшимся до этого просто красивыми цветы. Они безоговорочно верят мне, каждое слово вождя для них истина.

До вечера я с помощниками выкапывал небольшие луковицы, и засадил ними большой кусок земли рядом с огородом. На следующий год в истории племени начнется новый этап — мои люди на шаг станут ближе к творцам мироздания, если они существуют. Они станут изменять не только местность и предметы вокруг себя, но и саму жизнь...

Работы в городе не замирали до темноты, люди спешили завершить строительство. Восемь домов были полностью готовы, оставшиеся стояли без крыш, черепицы не хватало, и до весны ее заменят натянутые в пару слоев старые и новые шкуры. Как только печи подсохнут, в них разведут огонь для ускорения просушки стен. От "дворца" к каждым воротам протянулись выровненные и хорошо утопанные ленты дорог, достаточно широкие, чтобы проехала загруженная телега.

Вторую неделю проводили плавку металла, штукофен ещё держался, и я решил не останавливать процесс, пока не закончится руда. На следующий год все это вредное производство будем переносить дальше от жилья, так что жалеть установку не стоит. Кроме значительного количества чайб, из чугуна отлили котелки и сковороды. Часть посуды ушла в брак, тонкостенные изделия получались плохо, но по паре таких попало в каждый дом.

Криц получилось много, около тонны. Кузнецы спешно изготавливали гвозди, чтобы усилить соединения бревен — шипы и клинья это, конечно, хорошо, но лучше подстраховаться. После выполнения первоочередных заказов — кос, серпов и ножей, им ещё предстоит неделями выковывать топоры и наконечники копий для Варга, я не знал, сколько людей он приведет на обмен, и поэтому почти все добытое железо пойдет на эти товары.

Лошадки подросли, и дети с подростками, все время крутившиеся рядом с ними, стали учить их носить грузы. Людей животные уже не боялись, позволяли гладить себя, охотно брали с рук свежую траву и сочные корешки. По началу небольшие мешки раз за разом

сбрасывались на землю, но дрессировщики не теряли терпения, и к зиме несколько самых спокойных лошадей уже начали катать детей.

Небольшой навес, заменявший конюшню, достраивали и утепляли. Постройка получалась намного большей, чем пара соседних в загоне для свиней — те зимовали в низеньких сарайчиках, прислонившихся к ограде.

Волчата подросли, и теперь бегали по всему городу, всюду суя любопытные носы, и норовя стащить что-нибудь вкусненькое у готовящих пищу женщин. Охотники часто стали брать их с собой, приучая к простейшим командам. Нюх у волков был отменный, и запах зверя они чуяли задолго до того, как люди замечали следы.

Обе тигрицы переселились в просторный вольер, звери стали крупнее овчарки и уже не казались настолько безобидными. Хотя характер у них оставался детский — они могли часами играть друг с другом, бороться с набитыми сеном мешкам или лазать по специально притащенному для них стволу засохшего дерева.

Кошки жили с нами, они уже не отличались размерами от своих диких собратьев, и исправно охраняли Лантирск от грызунов. Волчата, получив несколько раз по морде когтистой лапой, перестали к ним лезть, и установившийся нейтралитет устраивал обе стороны. А вот кот пропал окончательно, он так и не вернулся...

Октябрь заканчивался, на реке скопились огромные стаи птиц, готовящихся к перелету. Этим грех было не воспользоваться, и все не занятые на строительстве дети, женщины и подростки пошли на большую охоту. Копьеметалки работали отлично, а наличие лодок позволяло не терять добычу и дротики. В первый же день убили больше сотни птиц, мне нужно было срочно решать, что делать с таким количеством мяса. Коптильни и так были загружены до предела, а каждая тушка — это три-четыре киллограма. Выход я нашел в следующем — заливать горшки с обжаренным и протушенным мясом свиным жиром, и ставить такие консервы в неоттапливаемых складах. Уже сейчас ночью температура падала до нуля, а через пару недель будет такой и днём, так что до весны они не испортятся.

Через несколько дней такой охоты, отойдя от Лантирска больше чем на пять километров, группа взрослых мужчин, присматривающих за детьми, снова наткнулась на следы тех самых невидимок. Множество молодых деревьев было срублено, целая поляна небольших пней с размочалеными краями. По возвращении Тенак уверенно заявил, что даже от каменных рубил, что совсем недавно использовались племенем срезы выглядели бы аккуратнее. Рауг с Тингом снова стали спорить, позвали Канга, долго советовались с ним, и на этот раз смогли убедить друг друга.

— Дим, это старые люди!

— Мы почти уверены, это они!

Мужчины все равно мялись и смущённо переглядывались.

— В смысле... там ходят старики?

— Нет! Каждый из них не старше нас, но они другие, не как настоящие люди. Они очень старые.

— Канг, говори ты. Эти люди опасны?

— Нет, Дим. Наши старики, когда были живы, рассказывали детям истории о таких людях. Ты называешь такие истории сказками.

— Тогда расскажи и мне, я послушаю.

... Раньше на земле не было настоящих людей. Звери, птицы, рыбы в реке — эти были, а люди — нет. Но так ведь не бывает, правда?

И духи огня создали старых людей, поселив их в теплых землях, где земля редко становится белой. Там было много вкусных плодов, съедобных трав и корешков, так много, что можно было не охотиться на зверей. Им не было равных в ловле рыбы, птиц, ящериц и насекомых, они знали все съедобные растения. Старые люди строили жилища из веток и травы, из травы же плели одежду. Они научились так ловко прятаться, что их никто не видел. Проходил год за годом, и они забыли о духах огня, забыли про сам огонь. И тогда духи огня создали настоящих людей, и поселили их здесь, а о старых людях скоро все забыли. Но они до сих пор ещё живут далеко на юге, и могут прийти к пещере и забрать непослушных детей...

— Если так, почему они вернулись?

— Дим, они хорошо прячутся, но их все равно можно найти. Наверное, в теплых землях появились черные люди, и стали разрушать их дома.

— Они и правда забирали детей?

— Нет, Дим! Зачем им наши дети? Так старики говорили, чтобы малыши не отходили далеко от пещеры.

— Без огня, без умения охотиться они здесь не выживут.

— Мы тоже так решили. Они скоро исчезнут, и про них снова все забудут.

— Рауг, ты осмотрел то место, где рубили деревья?

— Да, и нашел много следов.

— Ты сможешь найти их жилища из веток?

— А зачем, Дим? Ты хочешь их убить? Они не опасны, наоборот бояться нас.

— Пока не знаю... Сходите туда, и если найдете, не подходите близко, понаблюдайте издали. Сможете?

Мужчины переглянулись, пожали плечами. Это настоящий вызов их мастерству охотников, выследить неуловимых старых людей!

— Дим, мы попробуем... Нужно несколько дней, чтобы подобраться и не испугать их.

— Действуйте. Тинг, ты тоже пойдешь?

Глава Горностаев удивлённо посмотрел на меня.

— Без меня эти охотники заблудятся, едва выйдут за ограду!

— А кто вчера завел нас в болото?

— Так ведь вывел потом!..

Мужчины, беззлобно подначивая друг друга, вышли, а я крепко задумался. В будущем была популярной тема о реликтовых гоминидах, сохранившихся в глухих уголках, не затронутых цивилизацией. Всякие йети, снежные люди, бигфуты, алмасы, йерены — но за сотни лет их так и не нашли.

Здесь мне рассказали похожую сказку, но сказку ли? Я сам видел отпечатки ног, и они отличались от неандертальских, да и от кроманьонских тоже. На денисового человека это тоже не было похоже, те ни чем не уступали нам в развитии, и огонь, и каменные орудия давно освоили.

Тогда кто это мог быть? Анализируя найденные геномы, антропологи будущего часто находили включения неизвестных фрагментов, попавших туда от другого, неизвестного вида людей, а то и от нескольких. И такие виды находили — останки знаменитых "хоббитов" с индонезийского острова Флорес, огромные каменные орудия в Китае, явно не предназначенные для руки обычного человека. Но Канг называл их людьми, только "старыми". Разделение ветвей неандертальцев и денисовцев произошло очень давно, около

шестисот тысяч лет назад. Могли ли их общие предки дожить до этого времени? Я не знал... Если и так, то они продолжили изменяться, вместо охоты на крупного зверя в совершенстве освоив маскировку, собирательство, рыбалку и ловлю птиц. Это совершенно другой подход к выживанию, но то, что работало в теплом климате Ближнего Востока, не годится здесь, в занесённой снегом на долгие месяцы Европе.

— Дим, давай награду!

Лесса, спрятав одну руку за спиной, требовательно протянула мне вторую.

— Получилось?!

— Да!

Передо мной появляется большой моток тончайшей нити, отблескивающей на солнце. Отматываю кусочек, и пробую на разрыв. Крепкая!

— Лесса, пока держи вот это! Но зимой я покажу вам, как можно переплестать нити и по-другому.

Несколько пар вязальных спиц и крючков перешла в руки женщины, рабочих инструментов мастерицам не хватало. Пожалуй, стоит задуматься о создании примитивного ткацкого станка, простой рамки с натянутыми нитями, челнока и уплотнительной рейки. Я так и не отыскал ни лён, ни коноплю, ни хлопок, все эти растения росли или на побережье Средиземного моря, или в Средней Азии. Нужны большие исследовательские экспедиции, каждое такое растение ускорит переход к нормальной одежде. А пока будем работать над крапивой, все что для этого нужно, у меня теперь появилось!..

— Принесенная мне нить значительно ускорит производство бумаги, и для записей, и туалетной, ее не хватало намного больше...

Ещё одно применение — рыбалка. Теперь появился аналог лески, материалов для удилиц и катушек полно. Будет полезное развлечение и детям, и взрослым. Доживём до тепла, обязательно проверим, насколько крупные сомы водятся в Аркаиме. Сетью их не взять, за все время рыболовам попало только несколько маленьких сомят.

Между тем, снова появились свидетельства присутствия невидимок, или, как их назвал Канг, старых людей. Верши ставили последние дни, рыбы в них ловилось уже мало. Но проверяли их не только мы. Внешне всё было так же, как и раньше, веревки, уходящие к ловушкам, лежали на своих местах. Чужаков выдавали заморозки — с утра вдоль берега часто стала появляться тоненькая корочка льда, вот её то и они и разрушали, вытаскивая верши, забирая улов, и снова возвращая их на место.

Сердиться на них? Я пробовал представить жизнь этих людей в холодном осеннем лесу, без тепла, постоянно голодающих. Пусть берут, с нас не убудет. Пратт с напарниками сетями ловят полные лодки рыбы, люди уже скучают по настоящему сочному мясу...

А иногда мы слышали крики птиц. Все бы ничего, вот только все эти мелкие летние пичуги уже улетели зимовать южнее, и в лесу их не осталось. Только стаи гусей и уток задерживались, позволяя нам заполнить консервами всю глиняную тару. Старые люди имитировали крики птиц удивительно точно, но снова не учли смену сезонов.

Я попросил Пратта оставить одну корзину с рыбой у моста, и наутро она была пустой. На следующий день на этом месте лежал маленький жёлтый шарик. Когда мне принесли его, я не поверил своим глазам — золото! Небольшой, с ноготь размером самородок был кем-то многократно смят и сплюснен, став практически идеально круглым. В нем грамм двадцать, наверное, увесистый...

Здесь этот металл никогда не находили, ни один из людей всех опрошенных родов не

видел золото раньше. Значит, принесли с собой издали. И предложили нам в обмен на рыбу?..

Размен был явно не равноценный, если судить по меркам будущего. Но здесь золото было просто необычным тяжёлым камушком, съесть его нельзя, а если эти люди голодают, то легко расстанутся с такой безделушкой.

Так и повелось — каждый вечер мы оставляли полную корзину, а на утро находили разноцветные камни. Некоторые я смог опознать — гранаты, азурит, слюду, но часть были загадкой. Вполне возможно, что и драгоценными.

Через три дня вернулась тройка следопытов. Тинг, всегда спокойный и невозмутимый, хмурился, да и остальные мужчины явно были подавлены.

— Вы нашли их жилища?

— Нашли, и не только жилища, Дим.

— Рауг, не тяни. Что случилось?

Охотник со злостью отбросил в сторону снятую куртку, и, оперевшись локтями на стол, пристально посмотрел мне в глаза

— Там трупы, Дим. Много трупов людей.

— Болезнь? Вы не трогали ничего руками?

Рауг отрицательно мотнул головой, сбросил со лба упавшую прядь волос.

— Нет. В лесу мы нашли большие кучи веток и листьев. Разрыли несколько. Под ними — умершие люди. Их убили не злые духи, Дим, все намного проще — их убил голод...

Тинг подсел к замолчавшему рассказчику, и продолжил

— Они не ели нормально очень давно, целую луну, а может и больше. Мы наблюдали за стоянкой два дня, и сами видели, как самый удачливый старик приносил рыбу, и пытался накормить всех. И как они хоронили тех, кому не хватило, тоже видели.

— Сколько их, Тинг?

— Тех, кто рядом с Лантирском, сегодня утром было шесть рук. Дальше есть ещё две стоянки, там людей может быть и больше, мы не смогли всех пересчитать. Только нашли их и сразу вернулись.

Шесть рук и две стоянки, где их больше... Выходит, около сотни человек сейчас медленно умирают в лесу, не в силах себя прокормить. Те корзины с рыбой — капля в море для такого количества людей, они только продлевают их агонию.

И что с ними делать? Оставить все как есть, пусть "старые люди" так и останутся сказкой для детей? Или попробовать им помочь?

Я оценивал собранные запасы пищи как достаточные, чтобы гарантированно прокормить до тепла все население Лантирска, и ещё около пятидесяти человек. Если не прекращать охоту, можно увеличить это число втрое. На крайний случай можно слегка урезать порции, это даст ещё месяц, а то и два. Сейчас мои соплеменники были упитанными, большую часть птицы и рыбы мы отправляли на хранение. Рискнуть?..

— Тинг, они вас не видели?

— Скорее всего видели... Просто у них уже сил не осталось уходить дальше и снова прятаться.

— Хорошо. Пожалуйста, соберите людей, я не могу сам принять решение. Это касается всех жителей.

Охотники ушли, ко мне под села Эрика, молча обняла за плечи.

— Дим, ты им поможешь?

— Я попытаюсь, любимая. Племя решит, жить "старым людям", или умереть.

— Они сейчас совсем как мы тогда, в пещере у Тихой... Помнишь? Я тогда тоже думала, что мы умрем, если не от болезни, то от голода...

— Закутай теплее Ингвара, ты выйдешь со мной.

— Хорошо, я быстро...

Вечер первого ноября выдался холодным. Температура падала, редкие лужицы, оставшиеся после прошедшего на днях дождя подернулись льдом. Возле моей статуи уже пылал огонь, толпа заполнила все пространство между домами и "дворцом".

— Люди! Сегодня первым говорить буду не я. Пусть скажут те, кто сам готовился отправиться в Земли Вечной Охоты! Эрика, расскажи всем о судьбе рода Тихой воды.

Жена говорит негромко, но в морозном воздухе ее слова разносятся на всю площадь. Некоторые слышали эту историю, некоторые сами были ее участниками. Закончив, жена отступает за мое плечо, укачивая проснувшегося сына.

— Тенак, продолжай.

Вслед за парнем вышел Рауг, за ним Ант, Канг, Мтан... Последней говорит женщина из рода Белого Волка. Толпа стоит молча, только дети на руках начинают капризничать.

— Вы знаете историю нашего племени, нашего народа. И вы будете рассказывать ее своим детям, чтобы и они помнили об этом! Нас было мало, но помогая другим, мы каждый раз становились сильнее.

— Верно!

— Дим прав!

Множество утвердительных возгласов раздаются со всех сторон. Люди начинают переговариваться между собой, вокруг недавно говоривших сбиваются группы расспрашивающих о подробностях.

— Сейчас совсем рядом умирают от голода "старые люди". Это не сказка, они реальны, и вы можете решить их судьбу.

Если мы примем их, охотники не будут отдыхать зимой, и продолжат искать добычу. Не будет добычи — станем есть меньше, но до тепла доживем все.

Если мы их оставим, через несколько дней о них можно будет забыть. Навсегда.

Я отступил назад, уперевшись спиной в холодные, скрещенные на груди руки своего деревянного двойника, и притянул к себе жену. Толпа вокруг возбужденно гудела, но совещались они недолго. Тинг, подошёл ко мне, и повернувшись к остальным, заявил.

— Мужчины готовы продолжить охоту. Наши предки всегда охотились по снегу. В прошлые годы мы охотились по снегу. И ничего плохого не случится, если мы поступим также и в эту зиму!

Одобрительный крики десятков мужчин и женщин на некоторое время заглушили все вокруг. Ну что ж, если так — тогда не будем останавливаться!

— Тинг, берите телеги и грузите на них сушёную рыбу и ягоды. Вряд ли "старые люди" привыкли есть жареную пищу. Остальным — начинайте устанавливать пустующие юрты за оградой. Готовьте побольше факелов, мы выступаем сейчас!

В сумерках осенний лес, отражающийся в черном зеркале Аркаима, казался совсем пустым и враждебным. С неба сыпались редкие снежинки, быстро тая на лицах двух десятков неандертальцев. Тинг вел нас к ближайшей стоянке "старых людей", стараясь выбирать широкие прогалины между деревьями. Небольшие кусты рубили на ходу, несколько мужчин с топорами шли впереди, расчищая путь.

На стаю волков мы наткнулись через час. Звери разгребали мощными лапами могильные курганы, сложенные из веток и листьев, и только когда мы прикончили пару из них, бросили свое занятие и отступили в чащу, недовольно поскуливая и рыча. Несколько трупов они уже успели выволочь наружу, и частично обгрызть. Рауг молча махнул рукой, зашагав дальше, до цели оставалось совсем немного. Сейчас думать нужно о живых, мертвецам уже все равно ...

Постройки "старых людей" я увидел неожиданно, буквально в трёх метрах, и то после того, как Рауг остановил отряд. Выглядели они жалко... Низкие, полукруглой формы, похожие на перевернутые вверх дном корзины, они не могли защитить своих жителей ни от холода, ни от хищников. Да, их строили умелые руки, я бы сам вряд ли справился лучше — ветви подобраны по толщине и плотно сплетены, все щели забиты мхом, сверху лежат большие пласты коры, отводя дождевую воду. На юге их бы хватило, но не здесь.

Вход был низкий, меньше метра в высоту, забит изнутри листьями и сухой травой. Я потянул эту "дверь" в сторону, на всякий случай отскочив подальше. Никто не вышел, даже не отозвался. Мы зажгли новые факелы и в их дрожащем свете наконец разглядели свернувшихся в один большой клубок жителей.

Первая мелькнувшая ассоциация была из далёкого будущего — один в один костюмы "кикимора", только полностью изготовленные из натуральных материалов. Тела, головы, конечности людей — все обернуто "юбками" из сплетенной травы и мелких веточек. В чем-то похожем пришли в том году кроманьонки, но эти дети природы пошли ещё дальше, не остановившись на набедренных повязках.

Они нас видят, большие темные глаза широко раскрыты, но даже не пытаются сопротивляться. Я осторожно подхватываю маленькую женщину под мышки, и вытаскиваю ее наружу. Лёгкая, едва наберётся тридцать — сторок килограмм. Не удержавшись на ногах, она медленно оседает на землю. Эхх, надо было не только пищу брать, а и теплую одежду...

Следом за мной в плетёное жилище заглядывают остальные, выносят ещё одну жительницу и нескольких детей разного возраста. Рауг, оценив их состояние, сгребает ветки, сено и бросает туда догорающий факел. Пламя ярко вспыхивает, и во все стороны распространяется волна тепла. В других шалашах то же самое — женщины, дети и пятеро больше похожих на ожившие скелеты мужчин на всю стоянку...

Охотники подносят найденных людей к огню, в костер уже летят и сами плетеные жилища, их быстро рубят топорами на дрова. Рауг и Канг с основной частью отряда отправляются дальше, а мы горстями вытаскиваем из мешка мелкую сушёную рыбу, и вкладываем ее в руки "старых людей". Теперь, при ярком свете, я наконец могу их получше рассмотреть. Если не брать во внимание крайнюю худобу, то они вполне симпатичные, чем то похожи на невысоких стройных неандертальцев. Те же выступающие вперёд брови, округлый подбородок, кожа смуглая, как у наших детишек-метисов, волосы черные, длинные, переплетенные жгутами травы.

Руки с удлинёнными пальцами, отогретыми у костра, ловко разрывают рыбу на кусочки, и отправляют ее в рот. Зубы у всех белые, крепкие и непривычно большие. У моих же людей проблем с зубами хватает уже в молодости...

На нас смотрят с опаской, особенно когда мы стали разрушать их жилища, но полученная пища не вяжется с агрессией. Они растеряны, не могут понять, чего ждать от огромных пришельцев, одетых в меховую одежду, вооруженных блестящим оружием и принесших с собой огонь.

Больше никакого имущества у них не было, несколько кусков плохо обработанного щебня, не сильно пригодного для изготовления каменных орудий, мы оставили на месте. Воды бы им ещё дать, но и это в спешке забыли...

Всего в этом стойбище мы нашли двадцать девять человек. Детей погрузили на телегу, взрослым и подросткам указали на место рядом с ними.

— Тинг, волки могли вернуться за это время. Приготовьте копья.

Охотник молча кивает, четверо мужчин забрасывают костер землёй и подходят к нему. "Старые люди" в центре, мы с Туром замыкаем колонну. Тянуть телегу в темноте сложнее, одна рука сжимает копьё, вторая упирается в сколоченный из грубых досок борт. Хорошо хоть возвращаемся по своему же следу, и все препятствия с дороги уже убраны...

— Стойте!

Мы только спустились с настила моста, и приготовились толкать телегу вверх по склону, когда Тинг скомандовал остановку. Глава Горностаев подошёл к берегу, и в свете факела мы видим скорчившегося у воды старика в таком же травяном наряде. Он лежит на боку, прижав согнутые ноги к животу и обхватив колени руками. Я подношу руку к его лицу — дышит!..

— Тур, давай его на телегу!

Вдвоем мы без труда подняли старика и положили его рядом с подвинувшимися детьми. Из его рук выскользнул тяжёлый мешочек, и, ударившись о землю, разорвался. В стороны покатались переливающиеся всеми цветами радуги камни и блестящие кусочки золота...

Снова моя промашка — в суматохе мы не оставили ежедневную корзину с рыбой. А этот старик ничего не забыл. Придя к мосту и не обнаружив ничего съестного, он так и остался на месте, смысла возвращаться к своим для него уже не было.

Едва мы поднялись по невысокому склону выше, как стал виден Лантирск, светящийся в темноте множеством огней. Ворота открыты, между городом и рекой уже стоят девять юрт, ещё столько же спешно собирают десятки людей.

— Стоим здесь, ждём. Только когда наши люди уйдут за стену, мы разместим "старых людей", и сами будем жить рядом. Две недели, Тинг.

— Ты боишься невидимых духов, живущих в грязи?

— Именно. Они настолько малы, что ни я, ни другие люди их не заметят. Но мы сразу увидим, если они начнут вредить.

— Если бы я мог их увидеть, то убил бы всех!

— Тинг, если Предки подарят нам долгую жизнь, я смогу тебе их показать. Даю слово!

Конечно, быстро простейший световой микроскоп мне не создать, изготовить линзы ещё та морока. Но нет ничего невозможного, если задаться правильной целью!

Мы простояли у реки ещё полчаса, пока последний человек не скрылся за воротами. "Старые люди", сбившись в тесную толпу, пытались хоть так согреть друг друга. К карантинному поселку мы почти бежали, отстающих сопровождал Тур.

В юртах уже сложены дрова и лежат охапки сена, не иначе из запасов конюшни притащили. Поджигая сухое дерево, и как только костер разгорается, заносу туда детей и подталкиваю к огню взрослых. Только бы они пожар не устроили...

Вскоре подошли и отряды Рауга с Кангом. До утра мы периодически заглядывали в юрты, подбрасывая дрова, но вскоре "старые люди" с этим стали справляться сами. Девяносто шесть человек, не понимающих ничего из того, что им говорят...

Даже я с трудом различил десяток слов, имеющих хоть какой-то смысл — все варианты

неандертальских наречий, доставшиеся мне после посещения Первой Пещеры, были именно неандертальскими, и, скорее всего, появились позже, чем странный язык этих людей. Его придется учить так же, как в самом начале учил Эрику и учился сам, терпеливо запоминая и произнося другие варианты названия предметов. В том, что "старые люди" смогут не только повторить, но и понять смысл новых слов, я не сомневался, между собой они переговаривались постоянно, выдавая длинные фразы с множеством щелкающих и свистящих звуков.

Из Лантирска вышли две группы охотников, а мы, хорошо отдохнув и вооружившись топорами, продолжили расчищать пространство у реки. В городе жизнь продолжалась, как и раньше — заработала кузня, к небу вновь потянулись многочисленные дымки прогоревших за ночь печей.

Через пару дней гости окрепли настолько, что стали выходить из юрт, и пытаться помогать лесорубам, стаскивая обрубленные ветви в кучи. Немногочисленные мужчины с восхищением рассматривали топоры, за несколько минут способные свалить небольшое дерево. Я крикнул часовым, и нам из города вынесли десяток комплектов одежды. Оделись, хоть и морщились при виде шкур. Ничего, потерпят — привычная им растительность не могла сейчас нормально согреть, а до плотных и теплых тканей мы ещё сами не доросли.

Пратт продолжал снабжать всех свежей рыбой, порой отплывая за несколько километров и выискивая глубокие ямы на реке. За ним и другими рыбаками, сидящими в лодках, наблюдали десятки глаз, "старые люди" успели оценить как сам транспорт, так и результативность ловли так любимой ими добычи. Чувствую, как только хоть немного освоят язык, от желающих присоединится к нему отбоя не будет...

Время пролетело быстро, и десятого ноября я снял карантин. Старых людей переселили за стены, заставив юртами большую часть свободного пространства. Теперь они привыкали к использованию выгребных ям, купанию и новым обязанностям и распорядку дня.

Хорошенько выкупавшись, вождь наконец смог сменить одежду и побыть с семьей. Ингвар чуть-чуть подрос, хоть и сильно отставал от своих ровесников, стремительно набиравших вес. Впрочем, на развитии это никак не сказывалось — ребенок уже хорошо держал голову, узнавал родителей и протягивал к нам ручки. А что мелкий — это не страшно, догонит со временем!

На следующий день решили провести свадебную церемонию, на этот раз новых пар было всего десять, но зато невест, желающих стать второй женой — больше трёх десятков. Правящие Круги, в порядке исключения разрешили мне немного увеличить свою квоту, и все спасатели, ходившие к белым скалам, пополнили ряды женихов. Теперь их жены с интересом наблюдали за тем, кто из невест скоро станет частью их семей... Да и остальные развлекались, как могли — церемонию проводил Тор с супругой, а он всегда любил шутки, веселье и подобные торжества.

"Старые люди" тоже не оставили вниманием это событие, хоть в нем и не участвовали. То одна, то другая группа подходила к центральной площади, брали угощение со столов и некоторое время смотрели на происходящее, прислушиваясь к радостным крикам и поздравлениям. Большинство так и не сменили свои травяные одежды, и выглядели очень колоритно...

Зима наступила рано. Сильных морозов ещё не было, но снег сыпался почти каждый день, и нам пришлось вывозить его за ограду. Охотники, истребив всех кабанов на несколько километров вокруг, стали отходить все дальше, ища любую добычу. И после Нового года им

улыбнулась удача — они долго наблюдали за большим стадом мамонтов, неспеша бредущих вдоль кромки леса, не решаясь напасть на таких огромных животных. Длинная цепочка темно-рыжих великанов уже скрывалась из виду, когда показался последний зверь. Очень старый самец, больше пяти метров высотой, едва переставлял ноги, он часто останавливался и долго стоял, собираясь с силами. Несколько животных помоложе не отходили от него, поддерживали шатающегося сородича, подставляя свои лбы и бока. А когда ноги мамонта подогнулись и он упал, ещё долго стояли рядом, периодически трубя и пытаясь поднять обессилившее животное.

Через час они ушли, догоняя стадо, и охотники осторожно приблизились к доживающему последние минуты слону. Тот приоткрыл глаза, разглядывая людей, несколько раз попытался пошевелить хоботом, и затих окончательно. Рауг, оценив размеры доставшейся добычи, срочно отправил нескольких охотников назад, в город за транспортом и подмогой. Тушу разделявали несколько дней, получив более шести тонн мяса. Огромные бивни, размером больше взрослого человека, толстая шкура, длинная густая шерсть — мы забрали с собой все самое ценное, остальное приберут волки и гиены.

Мясо было не самым лучшим — со специфическим привкусом, очень сухое и жёсткое, его пришлось долго отваривать, а затем ещё и тушить в жиру. Тем не менее, многим оно понравилось, и на пару месяцев это блюдо стало постоянным дополнением к столу.

Давно прошла праздничная неделя, люди занимались всем тем, на что не хватало времени летом — ремонтировали одежду и шили новую, изготавливали бумагу, посуду, колеса для телег, кузнецы заканчивали переработку железа, выковав десятки новых ножей, топоров и наконечников.

Я следил за медленно приближающимся красноватым огоньком. Варг держал слово и снова вел род Большезуба на восток. А вскоре и сам наведалься в мой сон

— Приветствую тебя, Дим, вождь слабых людей! Ты приготовил все, что обещал?

— И тебе не хворать, Варг. Все готово, но сколько оружия получишь, зависит только от тебя. Много людей привел?

— Шесть девочек, в которых течет кровь моего рода. Десять пар слабых людей с детьми. Было больше, но часть не дошли, зря только возились с ними...

Варг зло сплюнул, потери живого "товара" его раздражали.

— Что ж, давай посчитаем — я дам тебе десять топоров, тридцать шесть копий и десяток ножей. Справедливо?

— Да! Ты говорил, что предложишь новые вещи, покажи мне их.

Я представляю чугунную сковороду и котелок, и они послушно появляются над вспыхнувшим костром.

— Только слабые люди могли додуматься использовать железо для готовки пищи! Но чего ещё от вас ждать... Дим, мне нравятся эти вещи. Что хочешь за них?

— Цена прежняя, Варг. Люди. В следующий раз относись к ним лучше, и ты доведешь ко мне больше "товара".

— Мне сейчас больше нечего предложить!.. Мои люди хотят получить такое же оружие, как и у меня!

Работорговец с любовью погладил потемневшую от запекшейся крови рукоять своего топора, что-то вспоминая. На его изрезанном морщинами и шрамами лице появилось злобная улыбка.

— Великие вожди могут преподносить друг другу дары, Варг. Ты самый сильный вождь,

из всех, что я знаю. Обменяться с таким воином подарками — большая честь для меня.

Варг гордо распрямил плечи, лесть ему нравится. Пусть порадуется, мне не трудно... Но и слово "обменяться" он не пропустил.

— Ты увидишь, насколько щедрым я могу быть! Отправляй своих людей на встречу, мои воины выйдут завтра.

— Хорошо. С тобой приятно иметь дело, Варг!

Охотник на это только хмыкнул, и растаял, не прощаясь.

Обмен произошел штатно, стороны расстались вполне довольные друг другом. Не меньше обрадовались и пленники, когда поняли, что их мучения подходят к концу. До Лантирска они добрались без приключений, и прожив полмесяца за оградой, переселились в город. Три новые юрты пришлось ставить уже на площади...

Варг действительно расщедрился, и за чугунную посуду отдался десятком здоровенных бивней мамонтов. Их пока сложили рядом с первой парой, нужно подумать, для чего их лучше использовать.

Обучение продолжалось, новички пытались хоть немного освоить русский язык и счёт. "Старые люди" жили более замкнуто, но вскоре я заметил на коротких уроках, проводимых Эрикой, их детей и того самого старика, менявшего рыбу на камни. Он ловил каждое слово, его губы беззвучно шевелились, повторяя новые звуки. Да и за детьми он следил — если замечал, что они отвлеклись и не слушают, тут же отвешивал им звонкий шлепок пониже спины.

Через неделю я узнал его имя — Ч'чонг, а к концу зимы он освоил пару сотен русских слов. Успехи детей были скромнее, но самым главным было то, что они вполне могли обучаться.

— Ч'чонг, почему вы сразу не попросили помощи?

— Дим, большие люди, черные люди — злые люди. Всегда. Не говорить, убивать.

— Мои охотники вас не трогали.

— Не верить. Сомневаться. Ждать тепла, ошибка. Умирать без еды.

— Ч'чонг, скажи остальным, что они могут жить с нами. Мы защитим вас от злых людей и хищников.

— Вы добрые. Живёте иначе. Люди трудно привыкнуть, люди хотят прятаться.

— В этом больше нет нужды. Я найду вам работу по душе, и вы станете приносить племени пользу.

— Люди любить рыбу. Любить животных. Любить плести одежду.

— Вот и учитесь делать это как мы. Ч'чонг, почему приходишь только ты и дети?

Старик почесал отросшую бороду, и, подумав, ответил

— Боятся слышать смех. Я не бояться, я старый. Дети слушать я, и не бояться смех. Взрослые потом слушать я и дети.

Вот же ранимые натуры!.. Ну пускай хоть так учатся, все равно нам придется общаться...

С появлением более качественной бумаги я стал записывать все, что только мог вспомнить из прошлой жизни. Многие вещи и знания для человека двадцать первого века давно стали привычными, мы часто даже не задумываемся над этим, принимая как данность. Но здесь не знали почти ничего...

Математики и геометрия, география и биология, химия, физика, астрономия и история Земли, нарисованная по памяти карта мира и периодическая таблица элементов — все это

постоянно расширялось и дополнялось. Количество листов перевалило за две сотни, и каждый день к ним добавлялись новые.

Эрика записывала неандертальские слова кириллицей, составляя большой словарь всех трёх наречий — Крымского, Приазовского и Северного. Эта работа была очень важной, племя Солнца вскоре начнет забывать их, полностью перейдя на русский. Сменится два-три поколения, и они не смогут понять других неандертальцев, живущих вне Лантирска. Закончит с этим — я к ней ещё и новичков с центральной и южной Европы приведу, а там и до кроманьонок с Ч'чонгом очередь дойдет!

Жена Утара удочерила всех шестерых малышей, проданных Варгом, и теперь во "дворце" ни на минуту не смолкали детские голоса. Ещё совсем недавно я считал, что жилплощадью обеспечены все, но уже с весны придется возводить новые дома, вынося за ограду все производства, и начинать строительство гораздо большей по протяженности стены вдоль всего речного берега. Значительную часть леса в излучине Аркаима мы уже уничтожили, всю эту площадь будем осваивать и засеивать зерном.

Удачный опыт с постройкой моста за зиму повторили ещё дважды, с юга и севера, теперь дороги сократятся на несколько километров. Как только земля просохнет, вместе с шахтерами отправятся лесорубы, их задачей станет максимально спрямить и расширить тропы для тяжёлых телег.

Пока при строительстве меня выручала глина, но для фундаментов и стен нужен более прочный материал. Портландцемент и железобетон в промышленных масштабах получить не реально, а вот технологию его предшественника — "римского бетона" освоить можно уже сейчас. Его основной недостаток — медленный набор прочности, в течении десятилетий, что легко компенсировалось лёгкостью и дешевизной изготовления. Местные известняки содержали примеси глины, но вполне годились для производства негашеной извести. Получив главный компонент, останется добавить песок, золу, крупный и мелкий камень как наполнитель и воду. В свое время по этой технологии строили величественные города Античности, при этом многие здания простояли тысячи лет.

Когда население подрастет, и, что ещё важнее увеличится поголовье лошадей, можно будет возить мел от бывшей стоянки рода Белого Волка, там его хватит на века.

Последними новинками, появившемся в племени за зиму, стали деревянные бочки. Первые экземпляры были негерметичными, но следующие, по мере накопления опыта мастерами, стали удерживать воду. Все эти изделия пока были штучными, каждая доска выстругивалась и подгонялась отдельно, но быстро завоёвывали популярность.

Весна пришла с запозданием, так же, как и в прошлом году. Едва земля оттаяла, я отправился выкапывать луковицы безвременника. Осенью мы их посадили очень много, настало время использовать волшебные свойства этого растения.

Так как нужная концентрация колхицина оставалась для меня загадкой, я сделал несколько вариантов — чистый сок, разбавленный водой в половину и на три четверти. Привезенные из Крыма зерна пшеницы оставил в этих растворах на сутки, два и три дня, и затем высеял на разных участках. Посмотрим, где получатся лучшие результаты...

Природа быстро оживала, на отрастающую траву за оградой стали пробовать выводить подросших лошадей, удерживая их на поводу. Те паслись спокойно, пока рядом были люди, но стоило отойти, как животные пугались и норовили убежать. Подростки все чаще ездили на них верхом, иногда падали, когда лошади показывали характер, но такое бывало не часто. К ним присоединились некоторые "старые люди", и дело сразу пошло быстрее — животные

почему-то доверяли им намного больше. Через год лошади окрепнут настолько, что смогут увезти взрослого мужчину, а пока нужно будет снова ловить жеребят, формируя прирученный табун. Этим охотники займутся самостоятельно, поправить прошлогоднюю ловушку много времени не займет, и обернуться отряд должен быстрее.

Появились первые модели седел, с жёстким каркасом из клееной древесины, подпругой и стремянами. Их многократно переделывали, добиваясь максимального удобства как для животного, так и для всадника. В кузне стали изготавливать пряжки для ремней, кольца и заклёпки — ими, да и прочей мелочовкой, занимался отдельный мастер.

Меня больше интересовали другие животные — козы. В этой местности они не водились, но получить надёжный и неприхотливый к пище источник мяса, шерсти и молока мне очень хотелось. Я планировал большой поход в Крым, именно за козами в первую очередь, и попутно — набрать соли и обследовать галечники черноморского побережья около Судака и ручьи в окрестностях древнего потухшего вулкана Кара-Даг.

Мне нужно было золото. В мешочке Ч'чонга было больше десятка самородков, общим весом в полкилограмма. Я не доверял бумаге и глине, один из самых надёжных способов сохранить знания на века — сделать гравировку на тонких золотых листах. И для этого такого металла потребуется очень много...

Да и переход на "золотой стандарт", в виде золотых чайб существенно облегчит, в самом прямом смысле, расчеты — достаточно приравнять одну такую монету к сотне или тысяче обычных.

Эталон веса сейчас был примитивен до безобразия — обычный кусок гранита. Я сделал пару одинаковых коробочек из досок, со стороной в десять сантиметров, налил в одну доверху воды, а затем на рычажных весах подобрал равный этой воде по весу камень. Конечно, погрешность огромная, скоро я заменю его чугунными гирьками, но пока это работало.

Как только потеплело, улицы с утра до вечера заполняли оравы детей, к ним все чаще стали присоединятся и маленькие "старые люди". Их любимой игрой стали прятки — этим мастерством они владели на запредельном уровне, умудряясь так замаскироваться, что можно было пройти в двух шагах, никого не заметив. Подростие волки носились за детьми, по мере сил внося свою долю хаоса в этот бардак...

Начали подготовку к строительству второго кольца домов, разметив территорию, и начав рыть траншеи под фундамент. В этом сезоне я решил изменить технологию, изготавливая саманные блоки летом, тем самым сэкономив время на просушке зданий осенью. Да и обожженного кирпича требовалось в разы больше, чем в прошлые годы — нужно построить новый шукофен, гончарную мастерскую, нормальную кузню, да и обложить им глиняные стены готовых домов не помешает.

Подвоз сырья с каждым днём нарастал — глина, песок, известняк, бутовый камень, привезли первые партии руды и угля.

"Старые люди" полностью взяли на себя рыбалку и сбор съедобных трав и корешков. Ч'чонг показал мне фирменный рецепт этих людей — зубную пасту. Они смешивали каолин с растолченной в порошок корой дуба и тополя, намазывали этим составом пальцы и так чистили зубы. Результат был отличным — у этого старика зубы были в идеальном состоянии.

Я слегка изменил рецепт, добавив в него измельчённые листья так любимой неандертальцам мяты, а затем и ещё пару вариантов с ромашкой и шалфеем. Провозившись

весь день, сделал первую в этом мире зубную щётку. Корпус вырезал из дерева, а материалом для самой щетки послужила кабанья щетина.

Внедрять новинки в массы обязал Круг Матерей, женщины быстро освоили новое средство, и заставили им пользоваться своих мужчин и детей. Сами технологии были переданы Кругу Мастеров, и производство таких нужных вещей стало на поток.

Во второй поход в Крым отправлялись те же мужчины, что и прошлый раз, но я взял ещё и десять "старых людей". Поймать коз тем же методом, что и лошадей, невозможно, они легко сбегут и по отвесной скале. Оставались только ловушки...

Вышли мы в середине мая, и к концу месяца добрались до побережья Черного моря. Тут нас ожидал неприятный сюрприз — уровень моря значительно поднялся, во многих местах скрыв соляную корку. Соли мы, конечно, набрали, но раскапывать берег в поисках остатков минерала пришлось несколько дней. Похоже, что море до осени окончательно скроет эти запасы под водой...

Пока неандертальцы занимались добычей соли, мы с л'тоа — так себя называли "старые люди", собрали десяток клеток из жердей. Затем обследовали предгорья и определили маршруты диких коз к морю, и за водой, к небольшой речушке. Тут мы и начали готовить ловушки — в клетки поместили охапки сочной травы и, посыпали ее солью. Одна стенка откидывалась и в поднятом положении фиксировалась упором, от которого шла тоненькая нить, натянутая над полом. Четыре таких клетки были установлены в разных местах.

У водополя я решил попробовать другой способ — растянул между нависающими над берегом ветвями деревьев прошлогоднюю рыболовную сеть, которую удерживали затаившиеся л'тоа.

Этот способ принес результат в этот же вечер — сеть упала, накрыв троих взрослых коз и четверо козлят. Взрослых животных убили, они станут нашим завтраком, обедом и ужином, а козлят связали и отнесли в лагерь у моря. Здесь, в крепких клетках они и будут дожидаться окончания ловли. Сеть пришла в негодность, и "старые люди" занялись ее починкой.

На следующий день в ловушки попались старый козел и коза. Двое козлят не зашли в клетку и крутились снаружи, не отходя от матери. Их смогли догнать и поймать, бегали л'тоа очень быстро.

Я разделил отряд, взяв с собой половину людей и большую часть сушёной провизии. Мы, захватив кирки и лопаты налегке отправились на юго-запад, сначала вдоль Тихой, затем, не доходя до пещеры, повернули на юг, к Кара-Дагу. Четыре дня мы исследовали его склоны и берега ручьев. Разрывали каменистые осыпи, копали ямы, промывали песок — и все таки нашли жёлтый металл. Чешуйки, крупинки, множество крупных самородков, причем один, найденный "старыми людьми", весил не меньше трёх килограмм. Увесистый мешок пополнили также сотни разноцветных кальцитов, прозрачных кусочков кварца, халцедона и горного хрусталя, десятки ярких сердоликов и несколько мутноватых опалов.

С таким запасом камней можно будет начинать изготовление ювелирных украшений, из них получатся отличные подарки нашим женщинам.

Следующую неделю мы осматривали сбегаящие с гор ручьи, и двигались на юго-запад, в район будущего Судака. Результат был намного скромнее, около двух килограмм мелких самородков и крупинок, и пол мешка красивых камней. Сюда бы прийти надолго, установить лотки для промывки шлиха, и тщательно проверить всю округу...

Провизии оставалось мало, и мы вернулись в лагерь. За это время клетки заполнились

животными, охотники поймали больше полусотни козлят и теперь большую часть времени рвали им траву и носили воду. Трижды к нашей добыче пытались подобраться горные леопарды, и теперь две красивые пятнистые шкуры сохли на распорках. Напоследок я набрал мешок мелких ракушек для детских ожерелий, прогулявшись по берегу. Все дела в Крыму на этот год закончены, пора возвращаться домой.

Животных повезли л'тоа, а телеги с солью — мощные неандертальцы. Через две недели мы подошли к лагерю других звероловов — отряд Рауга поймал всего пятеро жеребят. Но зато они наловили три десятка ослят... Охотник утверждал, что эти "неправильные лошади" бегают ничуть не хуже, и я с ним согласился — он недалек от истины. Европейские ослы в мое время вымерли, но, как и большинство представителей "мамонтной фауны" были крупнее своих собратьев из двадцать первого века. Тоже ценное приобретение, с какой стороны не посмотреть.

В Лантирск мы возвращались все вместе, огромный караван растянулся на сотни метров. Скрипели колеса, в клетках орали козы, периодически начинали упираться ослы и лошади, причем весь этот зоопарк требовал свежую траву и много, очень много воды.

За стеной уже достроили огороженные крепкой изгородью загоны, сюда же перенесли конюшню и свинарники, их стало уже три. Теперь животных стало ещё больше, да и хлопот у часовых тоже. Молодые волки тоже бродили рядом, но на козлят и прочую живность не реагировали, не считая ее добычей. А вот своих диких собратьев оповещали долгим протяжным воем, что это место занято и принадлежит их стае.

Обе наши кошки привели котят, одна устроила гнездо на чердаке "дворца", вторая вырыла нору за огородом. Их нашли вездесущие дети, и теперь таскали своим любимцам угощения со стола.

Эрика, соскучившись больше чем за месяц разлуки, не отходит от меня. Дни были заняты работой, по вечерами мы долго играли с сыном, а затем, уложив маленького Ингвара спать, задергивали ширму в своей комнате. Молодость брала свое, и мы долго не могли заснуть сами и мешали спать соседям...

Вернувшись в Лантирск, я уже вторую неделю пытался сварить стекло. Речной песок тщательно промыл от примесей, растолок несколько кусков мела, принесенного Тингом из спасательной операции. Вместо соды использовал поташ — белую лёгкую золу, образующуюся в костре при сжигании богатых калием пород деревьев, в основном хвойных. С ним пришлось повозиться — золу я засыпал в глиняный горшок с отверстием в дне, слегка уплотнял, и заливал водой. Сбежавший раствор пропускал через новые порции, пока он не стал похожим на сироп. Осталось только выпарить его в котелке, получив грязно-белый порошок.

В кузне из узкой полосы железа для меня выковали полу трубку, качественно заклепав шов. Один ее конец немного расширился, а на другой я насадил деревянный мундштук.

Первые плавки на костре дали мутный зеленоватый расплав. Бросив его в холодную воду, я получил мелкие осколки стекла. При повторном дроблении и плавке стекло стало чуть прозрачнее. Но только когда я использовал кузнечный горн, результат меня устроил — не идеально, но свет пропускает хорошо.

Зачерпнув краем трубки расплав, я стал дуть в него, выдувая стеклянный пузырь. Затем прокатил его несколько раз по чистой пластине из чугуна, придавил дно, делая его плоским. Когда стеклянный сосуд чуть приостыл, отрезал его от трубки ножом. Технология была рабочей, но крайне энергозатратной, для получения килограмма поташа мне пришлось

сжечь тонну дров...

Вторым применением стекла, точнее стеклянной пыли стало глазурование глиняных горшков. К этой пудре я добавил щепотки глины и железной руды, также тщательно измельчённые и залил смесь водой. В результате получилась густая сметанообразная оранжево — красная масса, которой и обмазал горшки. После обжига глазур расплавилась, покрыв поверхность тонким слоем, не пропускающим воду и отлично отмываемым от загрязнений.

Новые виды посуды произвели настоящий фурор. Круг Мастеров разрывался между желаниями быстрее наладить производство новинок и заготовкой кирпича, самана и черепицы для стройки. Еще долго такие изделия делались в единичных количествах, их берегли, стараясь не разбить. Только под конец года ситуация стала исправляться, и в каждой семье появились последние достижения технической мысли Лантирска...

После проведенной с Варгом сделки я держал свое сознание закрытым, в мой сон никто не мог попасть. Поэтому, когда в языках пламени проступил образ Сенга, сразу возникли плохие предчувствия. Не думаю, что этот старик расскажет хорошие новости, а по пустякам энной друг друга не тревожили.

Большинство людей уже привыкло поддерживать своего вождя в мире духов, только "старые люди" смотрели на собравшуюся у моей статуи толпу с удивлением, не понимая происходящего. Я несколько раз пытался показать им образы и передать мысли с помощью огненного гипноза, но л'тоа видели перед собой просто огонь...

Сегодня в Первой Пещере было беспокойно. Стены подземелья вздрагивали, мелкие подземные толчки то и дело вызывали падения камней с потолка.

— Дим, ты должен это увидеть!

Сенг бесшумно возник рядом, и указал на поднявшуюся с пола невысокую сгорбленную от старости женщину.

— Сенг, ты позвал меня из-за нее?

— Да. Она все расскажет сама.

Ко мне подходит моя давняя знакомая, она сегодня непривычно хмурая.

— Арика, ты знаешь эту женщину?

— Да, Дим. Это энной рода Выдры.

— Я думал, что ты имела в виду мужчину...

Арика грустно улыбнулась, пожав плечами

— Послушай ее. Она намного старше и мудрее меня, в нее верят очень многие.

— Я видел жёлтое свечение на месте их стоянки. Она не друг, скорее наоборот.

— Дим, ей семьдесят пять лет!.. И большую часть из них она прикрывает своих людей от воли Предков, их запретов. Но зайти в этом настолько далеко, как ты, она не решилась.

— Чужая и там, и тут... Хорошо.

Род Выдры... Я давно слышал о нем, еще только делая первые шаги в этом мире. Живущие на большом протяжении течения Днепра, от устья до Хортицы, семьи неандертальцев управлялись железной рукой сильного Говорящего с огнем. Он, точнее, она, пошла моим путем, объединяя мелкие рода, но дальше ей помешал сначала Заруг, а потом и пришедший с юга мальчишка, с ходу ввязавшийся в противостояние с Предками.

— Дим, меня зовут Ни-Ка. Ты уже знаешь, кто я, Арика и Сенг знали меня при жизни.

— Да, мне немного рассказали о роде Выдры и его энное.

— Теперь послушай, для чего я позвала тебя! Мой род силен, в нем дважды по десять

рук взрослых мужчин, но даже они не в силах сдержать беду, что пришла на берега Великой Реки с заката! Подойди ко мне, говорить долго, ты увидишь все сам

Ника кладет свои ладони мне на виски, в ее глазах отражается пламя, а в нем медленно проступает удивительно четкая картинка...

... Раннее утро. Над гладью большой реки стелятся клочья тумана. То и дело вскидывается крупная рыба в камышах, мелькают силуэты чаек. Вот птицы встревоженно разлетаются в стороны, что-то их испугало.

Туман окончательно рассеивается, теперь видна вся река, и десятки плотов, приближающихся к левому берегу. Вот первый из них достиг мелководья, и с него в воду прыгивают мужчины, тащат плот дальше, пока его край не оказывается на суше. За ними на берег сходят женщины, дети, старики. Люди выгружают свои пожитки, начинают разжигать огонь.

Все новые и новые плоты продолжают причаливать, и вскоре пришельцы заполняют собой все видимое пространство. Сотни высоких черных людей пришли сюда не просто так. Они будут здесь жить.

Небольшое стойбище неандертальцев догорает, его жители бросили все, спасаясь бегством. Они теперь лишние на этой земле, она больше им не принадлежит.

Два десятка крепких, ещё молодых мужчин преграждают дорогу надвигающейся орде черных воинов. Они продержались недолго, но их смерть позволила остальным вырваться в степь и затеряться на ее просторах.

Длинные вереницы людей идут все дальше на восток, боясь разжигать огонь. Они знают, что следующий бой для них станет последним...

— Если твое племя поможет нам, то клянусь, наши дети, внуки и правнуки навсегда останутся друзьями!

Ника снова смотрит мне в глаза, по ее щекам скатываются слезы, оставляя мокрые дорожки.

— А воля Предков?..

— Ты рискнул пойти против них, и все ещё жив. Я прожила достаточно, и устала бояться. Род Выдры больше не подчиняется их запретам!..

Под ногами вновь задрожала земля, на этот раз особенно сильно. По ближайшей стене пробежали новые трещины, от грохота обвалов заложило уши. Ника, не удержавшись на ногах, падает на пол, прикрывая голову. Переждав, пока шум стихнет, я протягиваю старой женщине руку. Крепко сжимаю маленькую ладонь, обтянутую сухой, пожелтевшей от времени кожей, и осторожно поднимаю ее на ноги.

— Ника, если род Выдры погибнет, то следующим погибнет Лантирск. Племя Солнца встанет рядом с тобой!

Первый Очаг в центре зала вспыхивает особенно ярко. Его пламя изменило цвет, в нем появились редкие зеленоватые отблески. А сквозь оседающую после обвалов пыль на стене медленно проступили ровные ряды кирпичной кладки...

Больше книг на сайте - Knigoed.net